

КИРА ЛЕНН

РОМАН РОТЭРМЕЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Ротэрмель Кира Ленн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67029316

SelfPub; 2023

Аннотация

Юная девушка Кира Ленн жила в уютном поселении под названием Тренна. Вместе со своими родителями она пекла хлеб для всех её жителей. У неё было всё: беззаботная жизнь, красота, любовь и забота, вдали от жестокого мира. Но всё изменилось, когда в её земли пришла война. От некогда мирной Тренны не осталось ничего, кроме пепла и руин былой жизни. Родители Киры, и все, кого она знала, были жестоко убиты, но ей повезло остаться в живых. Девушка ступила на тропу в поисках мести. Война сожгла её семью и дом, и она пойдёт на всё, чтобы выжить и найти отмщения за смерть и боль, что принесли ей враги. Читайте книгу Риса Лафкин «Кира Ленн» онлайн или скачайте её в удобном формате на ЛитРес прямо сейчас. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Новый путь	4
Глава 2	27
Кровь и месть	27
Глава 3	56
Ты не одна	56
Глава 4	89
Моё имя	89
Глава 5	130
По следам	130
Глава 6	153
В последний раз	153
Глава 7	177
Чистое сердце	177
Глава 8	201
Божественный огонь	201
Глава 9	221
Один за всех	221
Глава 10	236
Запах хлеба	236
Послесловие	243

Роман Ротэрмель

Кира Ленн

Глава 1

Новый путь

Дорога была ухабиста. Кучер начал верить в проклятия, когда проезжал по ней. Множество глубоких следов, болотистых, зарывающих по колено, ям, и чёрная смола вдоль всей тропы. Карета двигалась неспешно, но трясло её так, будто она неслась вниз по скалистому склону. Солнце уверенно спускалось за горизонт, но чарующий свет впереди и не думал угасать. Множество таинственных огоньков, словно пожарище, разрастались с каждым минувшим ухабом. Кучер остановился, дабы поближе разглядеть таинственное свечение. В глазах мелькали огоньки, пока он с любопытством шёл к чарующему свету. Всё ближе и ближе, тишина леса неумолимо угасала, а неразличимый гул заметно усиливался. Кучер сморщился, едва ему успела открыться продолжающаяся, истоптанная дорога. Фонари. Бессчётное число фонарей светились так сильно, что слепили непривыкшие глаза. Множество всадников громыхали доспехами и

щитами, гоняя коней из стороны в сторону. Факелы, фитили, свечи, искрящиеся бомбы, и чёрт пойми что ещё, казалось, неизвестное, смешивались воедино. Кучер замер. Леденящий страх сковал его с ног до головы, и лишь бледные губы тряслись на застывшем лице.

– Заблудился? – послышался хриплый голос за его спиной.

Он резко обернулся. Испуганный взгляд мелькал на фоне тысяч огней. Перед ним предстал воин, с шеи до ног закованный в железо. С его поясов свисали толи пять, толи шесть мечей из самых разных металлов и аппликаций. Его голова была грязной и неопрятной, словно он не мылся уже несколько лет, и настолько мерзкий запах, что пробивал нос до тошноты. На лице солдата читался суровый оскал, и расплывалась пугающая ухмылка. За спиной кучера послышались тяжёлые шаги. Воины подходили со всех сторон, окружая, парализованного от страха, извозчика. Сердце ушло в пятки. К горлу подступил ком. Солдаты усмехались, тесня беднягу до тех самых пор, пока он не шлёпнулся на задницу, и не уткнулся в холодный доспех солдата позади себя. Послышался топот копыт. Тяжёлый, протяжный, неторопливый. Воины расступились, стерев надменные ухмылки. На коне, с морды до ягодиц окутанного в латы, сидел пожилой мужчина с неряшливой, короткой, седой бородкой. На его щеке светился розовый шрам: ровный, глубокий, казавшийся удивительно свежим, но затянутым вдоль продолговатого лица. Хотя он и вы-

глядел куда опрятней своих товарищей и носил только один меч, всё равно был похож на бездомную псину, готовую наброситься на обглоданную кость. Его взгляд был серьёзен, но не вызывал никакого доверия, лишь всепоглощающий страх. Из-под длинного, рванного плаща он сверкал, прочным на вид, металлическим панцирем, который визуальнo делал его более толстым, но, видя огромное количество трещин и вмятин, явно не раз спасал ему жизнь.

– Что везёшь? – грубо, холодно спросил всадник.

– Т-товары в Трэнну, – испуганно ответил кучер.

Всадник довольно ухмыльнулся. Его конь заржал, топнув, окрашенными золотом, копытами.

– Какое совпадение. Мы как раз направляемся туда. Но не волнуйся, мы позаботимся, чтобы твой товар попал в нужные руки.

Всадник кивнул своим бойцам, и они подтянули скрипучую карету ближе, небрежно вываливая из неё всё, до последнего куска хлеба. Одни, едва завидев еду, сразу бросались жадно набивать себе рты, другие же уверенно продолжали закапываться глубже в карету, вываливая всё содержимое на грязную землю. Кучер в ужасе наблюдал, как ловко грабят его повозку, но не мог вымолвить ни слова. В его глазах темнело, всё сливалось с чёрным лесом. Он не хотел смириться со своей смертью, которая дышала ему в спину, верхом на боевом коне.

– Готово, генерал, – выкрикнул один из солдат, опустошив

телегу подчистую.

Генерал приблизился к испуганному кучеру, но даже не взглянул в его сторону:

– А теперь вали туда откуда пришёл, и чтобы я больше не видел тебя на этой части дороги.

Кучер, дрожа всеми частями тела, кивнул и со всех ног бросился в густой лес, лишь бы поскорее скрыться от устрашающих взглядов солдатни. Генерал потянул за ободранный плащ, стянув его с плеч. Блеклые оранжевые шевроны открылись на его латных наплечниках, а на груди выгравированный семиконечный цветок. Он глядел на густой дым, валивший из каминов сотен домов. Перед его уверенным взором открылось процветающее поселение, которое так и манило его взор.

Тренна находилась на границе между двумя королевствами – Грétанью и Алланáрией. Двамя недружественными нациями, вражда которых, порой, переходила рамки неприязни. Трудно представить более неудачное геополитическое место для жизни. Однако, жители Тренны преуспевали в быту, находясь на отшибе двух государств. Они поднимались ни свет ни заря, едва первые лучи солнца успевали показаться за горизонтом. Фермеры облагораживали обширные поля, кузнецы стучали молотками, а местные деятели искусства осушали чаши за столами таверны. Пекарша наблюдала, как колышутся пшеничные зёрна в мельничном жернове. За долгие годы труда она довела до совершенства своё ремес-

ло, с которым росла бок о бок. Было жарко. Тепло валило из всех комнат небольшого деревянного дома. С её покрасневшей шеи стекали капельки пота, а глаза устремлялись вперёд, наблюдая за тем, как чарующе мельничное колесо промалывает остатки зерна.

– Кира! – послышался ласковый, но в тоже время громкий зов. – Я иду на ферму. Не забудь вытащить хлеб из печи.

– Хорошо, мама.

Мама поправила белый фартук, подняла корзинку с остатками вчерашнего хлеба, которые она относила животным практически каждое утро, и прогулочным шагом направилась в нижнюю часть поселения. Тренна представляла из себя типичное обиталище Гретани. Скучные, все как один, дома, вычурная церковь на отшибе и таверна – обитель всех местных пьяниц. Кира натянула смуглые, почти прогорелые, перчатки и открыла крышку печи. Густой тёплый пар повалил из печи, заставив её в очередной раз вытереть пот со своего лица. Чарующий аромат хлеба обострял все чувства, вызывая изрядный аппетит, но Кире хотелось лишь поскорее выбраться на улицу к освежающему утреннему воздуху.

Солнце поднималось всё выше. Утренний ветер продувал её разгорячённое лицо. Над головой шумела пушистая липа, напоминающая красочный душистый цветок. Кира стянула с головы белый платок, и наружу вывалились холодного оттенка светлые волосы, больше напоминающие прокисшее пожелтевшее молоко. Кривые локоны едва касались плеч,

развиваясь на ветру и щекоча румяные щёки. Она подошла к краю холма, облокотившись о деревянный забор. С холма открывалась вся скромная Тренна, которую всякий художник мог бы изобразить на мелком клочке холста. Всё было, как на ладони. Таверна, где с самого утра уже слышался нахальный галдёж. Обширное поле, вдоль которого раскинулась солнечная пшеница. И необъятный горизонт, с которого открывались кроны густого зелёного леса.

– Доброе утро, Кира, – вдруг послышался бодрый голос.

Молодой юноша в чёрной одежде приблизился к девушке и встал рядом, также облокотившись о забор. Стоя рядом с Кирой, парень невероятно отличался от неё цветами. Юная пекарша была в белом фартуке. Уголки её светло-голубого платья развевались на лёгком ветру, а в руках колыхался белоснежный платок. Юноша же, напротив, был весь в чёрном. Его густые, смоляные, как уголь волосы, гармонировали с такой же чёрной, испачканной в смоле, одежде. Но для Киры это не было удивлением. Для своей профессии юноша выглядел весьма опрятно, если учесть, что большую часть времени он топил уголь для местного кузнеца.

– Доброе, Эспен.

– Я принёс деньги твоему отцу. За хлеб, – гордо произнёс юноша, протянув горсть монет. – И хотел увидеть тебя.

– Ты меня и так видишь три раза на дню, – ответила Кира, закинув деньги в карман фартука.

– И каждый раз покидая тебя, отсчитываю минуты, чтобы

увидеть тебя вновь.

Пекарша глубоко вздохнула, устремив взгляд за пылающий горизонт. Её большие ярко-зелёные глаза светились и обладали выразительным запалом, вызывающим стойкое желание вглядываться в них вновь и вновь. Вот и Эспен не мог оторваться от её глаз, всматриваясь в них с глупой ухмылкой на лице.

– Опять клеишься к моей дочери, Эспен? – широко шагая, отозвался пекарь.

Он подошёл сзади, почесав свою седую бороду, которая гармонировала с белой одежкой.

– Доброе утро, господин Ленн, – поклонился юноша и тут же бросил смущённый взгляд на Киру. – Н-нет... я-я... я пришёл отдать деньги за хлеб. Благодарю вас, – покраснев, отчитался Эспен, чем вызвал у пекаря добродушную улыбку. – До встречи, Кира.

Эспен снова поклонился и направился вниз по тропе, несколько раз неловко обернувшись. Пекарь занял место юноши, не отводя приветливой улыбки. Они оба стояли неподвижно, чувствуя, как ветер колышет листву над их головами.

– Добрый юноша, – кивая, начал пекарь. – Приглядишься к парню. Тебе всё-таки уже девятнадцать лет. Я в твоём возрасте уже был женат на твоей матери.

– Я подумаю, – с лёгкой улыбкой ответила Кира.

Они не отводили взгляда с горизонта. Зелёный холм скры-

вал за собой всё таинственное очарование леса. Звуки ветра, листвы и гула людей, смешались воедино, но душераздирающий женский визг, послышавшийся где-то вдалеке, вмиг прервал царящую гармонию. Он оглушал, и в то же время вселял безмерный ужас. Подобного Кире ещё не доводилось слышать. Она высоко вытянула шею, слегка прищурившись. Зелёный лес, словно начал чернеть в её растерянном взгляде. Всё казалось нереальным. Яркий блеск тысяч искр мелькал у неё перед глазами. Металлические наконечники пик, уверенно выходили из-за холма, отсвечиваясь на палящем солнце. Оранжевые полотна с золотым семиконечным цветком в центре, развивались вдоль войска, нацепленные на длинные пики – знамя Алланарии. Всадники, объятые тяжёлым железом, заняли весь холм вдоль Тренны, закрыв за собой извилистые кроны леса. В самом центре войска гарцевал генерал, с завидной жадностью вглядываясь в самые дальние уголки Тренны. Его бледно-розовый шрам бросался в глаза, так как сиял в лучах солнца. Всадники закинули пики на плечи и галопом ринулись в сторону деревни, заставив жителей разбегаться в разные стороны. Их тяжеловесные кони вырывали под собой землю, оставляя от зеленеющей травы ошмётки грязи.

Кира стояла неподвижно. Её тело застыло от страха. Она крепко вцепилась пальцами в деревянный забор, не в состоянии даже пошевелиться. Девчонка испуганно дёрнулась. Пекарь схватил, застывшую от ужаса, дочь за плечи, словно

появившись из ниоткуда, и взглянул ей в глаза с невероятной уверенностью. С его пояса свисал залежавшийся ржавый меч, а в руках он держал серебристый короткий клинок. Пекарь в спешке перевёл сбившееся дыхание и сжал клинок в ладони дочери.

– Слушай, Кира. Слушай внимательно. Хорошо? – быстро говорил он, продолжая нервно сжимать клинок в её ладони. – Я должен найти твою мать, а ты иди в дом и не высывайся. Поняла? Ни за что не выходи!

Он вновь взглянул ей в глаза, пытаясь разглядеть хотя бы долю робкой храбрости, но видел лишь всепоглощающий страх, что пугал его самого больше, чем любые полчища воинов.

– Кира, – смягчил тон отец, приподняв подбородок своей дочери. – Никогда не опускай головы. Не бойся смерти. Если они придут, то помни – сердце здесь.

Отец положил ладонь на грудь дочери. Её сердце билось столь стремительно, будто вырываясь наружу. Крики усиливались. Звон клинков переставал казаться чужим. Загорелись огни Тренны. Крыши домов, один за другим, запылали красным пламенем. Отец подтолкнул Киру за плечо, и она со всех ног понеслась в сторону дома, заперев за собой дверь. Тьма накрыла её с головой. Она сжалась в клубок, прижав колени к груди. Сладкий запах хлеба уже не казался таким чарующим. Горькие слёзы неслись по щекам. Руки тряслись, крепко сжимая блестящий клинок, который казался един-

ственным лучиком света в тёмной потухшей комнате. Она слышала вой и крики так отчётливо, словно они находились прямо перед ней. Крики боли и отчаяния. Крики смерти, которые, до сей поры, Кире никогда не доводилось слышать. Всё горело. Треск огня возвышался над звоном железа, топотом коней, лезвиями мечей, прорезающих плоть. Страх окутал её дрожащее тело, но мысли смешались в голове, и она не могла спокойно ждать. Сердце вырывалось из груди. Время ускользало. Мысли сами стремились к двери. Невыносимая жара изматывала. Воздух тяжелел под раскатистыми воплями женщин, криками детей и воем мужчин. Кира чувствовала, как вот-вот рухнет на пол, не в состоянии больше сдержаться, но всё же медленно, с трудом поднялась на ноги. Она неуверенно прошла вперёд, так аккуратно, так осторожно, словно опасаясь собственных шагов, и потянулась кончиками пальцев к двери, слегка приоткрыв её. Пекарша вышла из дома и пошла дальше, не отрываясь от деревянной стены. Она выглянула из-за угла дома. Всё горело. Небо заволочло злыми тучами. Ещё живые деревья шумели над крышами. Мёртвые тела лежали посреди выжженной земли. Алланары бродили по Тренне, заваливаясь в каждый дом, и убивали всех, на кого падал их взор. Женщин вытаскивали на улицы, разрывая тонкие платья в клочья, и беспощадно насиловали под их истошные крики. Всё ценное жадно и умело солдаты присваивали себе, пряча куда только можно. За спиной послышался шорох. Она резко обернулась. Дверь противно

скрипела, слегка покачиваясь на ветру. Алланарский воин кинул взгляд на пекарский дом на скромной вершине, в тот же момент углядев испуганную девку. На его лице заиграла похотливая ухмылка.

– Девчонка, – смачно прошипел он.

Кира с ужасом взглянула в его глаза, но сжав отцовский клинок, шустро вернулась в дом, захлопнув дверь. Она повернула лезвие на себя и медленно попятилась назад. Пекарша прижимала клинок к своей груди, чувствуя, как лезвие вибрирует под биением сердца. Остриё медленно начало входить в кожу, но Кира не отрывала больших глаз от двери. Металлические шаги уверенно усиливались, а меч, оглушающим скрежетом, царапал стену её дома. Кира смирилась. Она готова была вогнать клинок себе в сердце и прекратить этот кошмар. Ладонь всё сильнее сдавливала рукоять. Девушка глубоко вздохнула. Казалось, лезвие уже вонзилось в сердце, но чёрная рука, вдруг возникшая из-за стены, остановила её в тот же момент. Неизвестный подкрался сзади, и, схватив Киру за руку, прижал к себе, прикрыв рот ладонью. Сморщенные, неприятные на ощупь, руки, вселяли в испуганную девушку больше ужаса, чем алланский солдат, приближающейся к двери.

– Тсс... тихо, – прошипел нежный, но слегка хриплый голос.

Дверь отворилась. Топот металлических шагов слышался отчётливо за их спинами. Солдат вошёл в дом, оглядываясь

в темноте, освещённой лишь скромными лучами солнца.

– Не прячься от меня, милая, и всё закончится быстро, – нагло произнёс он.

Аллан огляделся и неожиданно прибавил пыл. На полу была разлита чёткая линия масла, ведущая прямо на кухню. Она светилась яркими крапинками, напоминающими карнавальными блёстки. Воин не мог её не заметить, что вызвало у таинственного незнакомца дикий восторг. Он держал Киру, прижимая к себе, но будто её не замечал, всё время поглядывая из тени на озадаченного солдата.

– Ты приятно пахнешь, – неожиданно прошептал незнакомец. – Тёплым хлебом.

Он прикрывал ладонью губы пекарши, но сжимал несильно, словно даже не пытаясь насильно её удержать. Его руки привлекали её внимание, вызывая необыкновенное любопытство. Они были обожжены вплоть до чёрных от смолы ногтей. Незнакомец вытащил из-за рукава тонкое лезвие. Зелёные глаза Киры отражались в вычищенной, словно королевское зеркало, стали. Аллан огляделся вновь, зашуганно бегая глазами из стороны в сторону. Он медленно попятился назад, не отводя глаз от пугающей его темноты, и едва переступив порог, развернулся, и со всех ног ринулся прочь, громыхая своими металлическими латами. Дверь за ним хлопнулась.

– Ну, вот, ушёл, – уже не скрывая громкость и манеры голоса, отметила незнакомка. – Как чувствовал меня... пугли-

вая крыса. Обещаешь не кричать?

Кира кивнула едва заметно, но незнакомке этого было достаточно. Она отпустила её, взглянув с притягательным очарованием. С её плеч свисал длинный плащ, а на нём и за ним множество ремней, на которых осторожно были зацеплены склянки и колбы с неизвестным содержимым. Её прозрачное лицо было на удивление чистым, а короткие, криво сожжённые, волосы, придавали своеобразную привлекательность. Кира вновь бросила неловкий взгляд на её обгорелые до основания руки, но незнакомке было совершенно всё равно. Она молча стояла, и словно ждала чего-то с надменной, уверенной улыбкой. Пекарша вновь услышала душераздирающий крик. Он был едва слышен за закрытыми дверьми, но снова заставлял её нервно задрожать.

– Мне нужно отыскать родителей, – выпучив глаза, быстро протараторила Кира.

– Ты что, тупая? – спросила незнакомка. – Стоит тебе выйти за порог, и эти псины накинутся на тебя, как на кусок мяса.

Кира испуганно замерла. Она не доверяла неизвестной девушке, появившейся в её доме непонятно откуда и непонятно для чего.

– Думаешь они сюда не придут?

– Если прознали, что я здесь, то нет. К тому же, кому нахрен сдался дом пекарей. В первую очередь грабят кузню и церковь. Там больше всего пожитков.

Кира старалась не поднимать заслезившихся глаз. Время в очередной раз безвозвратно ускользало, и она молчаливо пялилась в одну точку, лишь бы забыться и отстраниться от всего происходящего.

– А ты красивая, знаешь? – продолжила незнакомка. – У тебя мягкая кожа.

Она заботливо потёрла пальцы, словно с искренней завистью:

– Это тепло хлеба так влияет на кожу?

Кира молчала. Крики Тренны медленно утихали, но всё равно не вылетали из головы. Её возмущало, но и в то же время удивляло, абсолютное равнодушие и спокойствие незнакомой девушки. Кира гладела на неё, сверкая зелёными глазами, а она с ухмылкой смотрела в ответ. Пекарша гадала: – «О чём она думает? О хлебе? Обо мне?». Незнакомка, словно была где-то далеко, словно исчезала в запертой тишине. От неё исходил странный запах гари, перемешивающийся с резким привкусом серы. Он отталкивал, но в то же время опьянял, будто вызывая необратимое привыкание.

– Как тебя зовут? – наконец, спросила незнакомка, прервав тишину.

– Кира. Кира Ленн, – уверенно ответила пекарша.

– Я Космея. Космея Плятер.

Космея подошла ближе, но старательно держала дистанцию. Она огляделась по сторонам, внимательно заглядывая в каждую из комнат дома.

– Слышь, Кира. Это же пекарня, а пожрать чё есть?

Кира расторопно вытянула шею и кивнула в сторону кухни, дверь в которую была закрыта.

–О-о-о, не, не, не... на кухню лучше не соваться, – показала головой Космея и топнула по полу, где уже застывало разлитое масло.

Кира прикусила губу, задумчиво закинув голову. Она на мгновение, словно отвлеклась от всех навалившихся бед и вновь вернулась к обычной жизни пекарши. Ленн вошла в боковую комнату и заглянула в шкаф, вытащив оттуда, обернутую в платок, буханку хлеба. Она медленно протянула её Космее, стараясь заглянуть ей в глаза. Они дурманили разум. В ярких зрачках происходил невероятный бардак, словно все цвета мира смешались воедино, поэтому однозначно сказать –какого они цвета, было невозможно. Космея развернула платок и жадно набросилась на буханку, отрывая зубами хрустящие края. Хлеб исчез довольно быстро. Взгляд Космеи помутнел, вызвав у Киры неоднозначные эмоции. Космея поднялась на ноги, стукнув блестящими склянками на поясах, и, подойдя к двери, остановилась. Ленн сидела рядом, неуверенно приподнимая голову. На мгновение в пустом, холодеющем доме воцарилась могильная тишина. Взгляд Космеи был столь пронзительным, столь ужасающим, что вызывал мурашки по коже, но при этом давал незыблемую уверенность и непреодолимое желание жить.

– Смирись, девчонка. Не питай мнимых надежд, – беспо-

щадно произнесла Космея и нараспашку отворила дверь.

Пепел понёсся по ногам Киры. Тяжёлый запах неожиданно ворвался в дом. Космея уверенно вышла за порог, слегка оглядевшись по сторонам, и тут же бросилась к первому листу, который увидела на чернеющей от, разнесённого повсюду пепла, земле. Кира потянулась за ней, сжав в руках отцовский клинок. Медленно. Рассчитывая каждый шаг. Небо чернело от, высоко возвышающего, дыма. Пепел разносило за самые дальние горизонты. Солнечное утро превратилось в кошмарное тёмное пепелище, от которого невозможно было спастись. Голова кружилась от тошнотворного, поедающего лёгкие, запаха. Космея забила лист табаком и скрутила его в тонкую трубочку, прикурив от, горевшего неподалеку, факела. В первую очередь, взгляд Киры упал на церковь. Она полыхала алым пламенем, вываливая в небо чёрный густой дым. На тропях виднелись лужи свежей тёмно-алой крови. У самых ближних входных ворот церкви висело обезображенное тело пастора. Его густые кудрявые волосы были обрезаны и выбриты тупым лезвием на самой макушке так, что скальп свисал до самых ушей. Кира старалась не фокусировать потрясённый, переполненный отчаянием, взгляд, но спускаясь всё дальше в родную Тренну, её мысли и чувства бурлили, всё больше вырываясь наружу.

Трупы были разбросаны вдоль сгоревших до основания домов. Тела, полностью обнажённых, женщин лежали на обгорелой земле. Изувеченные. Измученные. Мёртвые. На

воротах таверны висел ребёнок, привязанный за шею тугой плетённой верёвкой. Бледное тело, и покрытое синевой, опухшее лицо, вызывало удушливую тошноту. Казалось, что Кира знала его, видела в нём знакомые черты. Она узнала его не сразу, пока его сломленное тело качалось на скрипучей верёвке. Сын фермера, которому на днях могло исполниться четыре года. Его совсем юная кожа была похожа на плоть почтенного старца. Дряблая. Грязно-коричневого оттенка. Смердящая дымом и нечистотами.

Кира неспешно шла в самое сердце Тренны. Запах мерзкой гари и палённой плоти сводил с ума. Юную пекаршу, что за всю свою жизнь не чувствовала ничего более горького, чем горелый хлеб, стошнило прямо на гниющую землю. Покачиваясь, она медленно продвигалась дальше, с трудом переваривая каждый свой вздох. Обгоревших мертвецов было трудно отличить друг от друга, но Кира всё же узнавала в них знакомые очертания. Чёрный фартук колыхался на кончике ржавого меча, словно разорванное знамя. Рядом лежал Эспен. Молодой парень, чьему милосердию и невинности позавидовал бы самый благочестивый рыцарь. Его смолистые локоны казались седыми из-за накрывшего их пепла. Широко раскрытый рот с, запачканными от жгучей крови, зубами. Тело было растерзанно от множества ударов острых лезвий, а пальцы переломаны, словно их били тяжёлым молотком.

Кира едва передвигала отяжелевшими ногами. Скован-

ная, гонимая вперёд морозным ужасом. На клочках дымящейся грязи виднелись маленькие босые следы. Вдоль низкого, обрушенного забора лежала оголённая девочка. Куски её разорванной одежды были разбросаны по гнилой от, запёкшейся крови, земле. Кире лишь оставалось гадать сколько насилия она пережила прежде, чем умереть. Её сморщенная, вытянутая кожа свисала с изуродованного побитого тела. Удары металлических сапог по нежной, невинной коже оставляли кроваво-синие гематомы, но даже они блекли среди горелой гнили, что покрывало всё её тело. Светлые, как утренняя пшеница, волосы, теперь казались, залежавшимся на солнце, углём. Кира знала эту девчущку, как вечно озорную дочку мельника. Ей не было и десяти.

Пекарша остановилась на вытоптанной дороге, что проходила между соседствующих домов одинокой улицы. Её взгляд застыл, на мгновение помутнев от блеклого, мелькающего света. Она замерла, сдерживая накатывающиеся слёзы. Платок. Белоснежный платок развевался, зацепившись за обугленную палку. На нём пестрела вышитая надпись: «Лени». Кира взялась за платок. Холодный и мокрый, но блистательно чистый, словно нетронутый окружающим пеплом. Западный ветер колыхал его в восточную сторону. Кира обернулась против ветра. Её волосы поднялись, прикрыв намокшие щёки. Её родители висели на самодельных столбах, не больше двух метров в высоту. Обвязанные по груди и шее так плотно, что их рёбра вырывались через окровавленную

верёвку. Их тела были изувечены множеством глубоких порезов. Белое светлое одеяние окрасилось в горький каштан, а от запоминающихся прекрасных лиц, лишь тёмно-алые пятна. Кира упала перед ними на колени, безуспешно пытаясь вырваться из лап страха и скорби. Чувства прицепили её к земле, словно металлические прутья. Её тело сгорбилось так, что, казалось, голова вот-вот падёт на землю, не в состоянии удержать шаткое равновесие. Она рыдала на холодной, промокшей от морозящего пепла, крови и слёз, тропе, выдавливая из себя слабость и боль до последней капли. Её жалобное рыдание было слышно отчётливо, особенно на фоне гнетущей тишины, и лишь прозорливые вороны, словно подпевали под жалостливые вздохи.

– Война пришла, – сказала Космея, прикуривая очередную сигарету. – Будет весело.

Кира не могла успокоиться, хотя и старалась спрятаться от, равнодушной до изумления, курильщицы. Космея сделала несколько резких шагов вперёд и наклонилась, грубо схватив Киру за шею.

– Вставай. Поднимайся! – завопила она, протягивая свою чёрную руку.

Кира рефлексивно схватилась за её руку, и поднялась на ноги, взглянув ей прямо в глаза. Курильщица провела дряблыми пальцами по её щекам, словно сняв детский румянец:

– И не смей рыдать. Чтобы я больше не видела слёз на твоих щеках, – воодушевлённо и храбро произнесла она.

Кира подняла глаза, взглянув на повешенных родителей:

– Нужно похоронить их.

– Похорони, если видишь в этом смысл. Мёртвым не нужны почести, они нужны лишь живым.

Космея вытащила из-под плаща скромную бутылочку с маслом и вложила её в руку Киры:

– Лучше сожги, чтобы ни черви, ни стервятники, ни псы, не добрались до их тел.

Кира взглянула на, плавно переливающееся, масло. Её рука дрожала, горечь потери казалась невыносимой, но надменная самоуверенность Космеи передавалась, словно морозная буря. Бутыль ловко откупорилась, едва Кира потянула за мягкую пробку. Она облила тела матери и отца, вылив всё до последней капли, и, схватив уже потухший, но ещё искрившийся, факел, поднесла к почернелым столбам. Тела родителей моментально вспыхнули синим пламенем, заставив Киру попятиться назад. Это явно было необычное масло, но её это слабо волновало. В холодных зелёных глазах искрился огонь. Вся её жизнь сгорала на двух забитых колах, на обрушенных крышах домов, на изувеченных телах, на унесённом, уже забытом, запахе хлеба.

Кира не успела опомниться, как солнце начало заваливаться за горизонт, едва просвечиваясь сквозь толщи дыма и туч. Слезы испарились с её бледного лица вместе с диким пламенем. В ней не осталось ни боли, ни жалости, ни страха, лишь злоба и хладнокровие, окутавшие все её мысли. Ре-

шительное, запутанное чувство мести, которое хотелось утолить, в которое хотелось погрузиться всё сильнее. Оно дурманило, словно крепкое вино, и вызывало неутолимую жажду. Космея, будто вновь появилась из ниоткуда и бросила перед ней идеально сложенную стопку одежды, которая источала странный аромат серы.

– Переоденься. Негоже садиться на коня в обгаженном платье.

Кира осмотрела себя. Её внешний вид и правда оставял желать лучшего. Мокрые, жёлтые концы голубого платья, грязные башмаки и отталкивающий запах пота, крови и гари.

– На коня?

– Ну, можешь остаться здесь если хочешь. Среди пепелища и дерьма. Или отправиться со мной на север.

– Что там, на севере?

– Война, – с ухмылкой промолвила Космея.

Кира переделась. Коричневого оттенка штаны, чёрные высокие сапоги с плоской подошвой, того же цвета рубашка, явно мужская, и ремень с, закреплёнными для клинков, ножами. Она подняла короткий отцовский клинок. Лезвие продолжало чарующе блистать серебристой отделкой. На острие всё ещё виднелись алые капельки крови, что напоминали о, чудом минувшей, смерти. Кира спрятала клинок за пояс и подошла к Космее, которая поглаживала гнедого коня, облачённого в алланарские доспехи.

– Где ты его взяла? – спросила Кира.

– Убила аллана и забрала у него коня. Очевидно же. На тебе, кстати, его рубашка.

Космея умело запрыгнула на лошадь и протянула руку. Ленн схватилась и с трудом уселась сзади. Она впервые сидела верхом на коне и чувствовала, как её ноги нервно трясутся. Жеребец казался чрезмерно высоким, а его агрессивный, вспыльчивый нрав ощущался всем телом.

– Не бойся его, он это чувствует. Пускай лучше он боится тебя, – поучительно заявила Космея.

Она вновь закурила. Трудно посчитать в который раз. Дорога шептала, страстно приговаривая: – «Ступай». Вечернее солнце светило им в лица. Свежий ветер вновь ударил в нежное лицо пекарши, заставив её почувствовать себя спокойнее. Она крепко упиралась в спину дымящей, словно пылающая печь, девушки впереди себя, вызывая у неё издевательский смешок. Позади замерзала Тренна. Её вечнозелёный родной дом. Она обещала Космее не плакать. Да и все её слёзы уже остались позади. Кира смотрела вперёд. На бесконечную, пустую дорогу. На её новый путь.

Алланария – варварский сброд разбойников и убийц, прикрывающихся под оранжевым знаменем государства. Они привыкли называть себя «алланарцами», но для всего цивилизованного мира они просто – алланы, и считают такое обращение оскорбительным. Алланы заняли западную часть

суши, и ладно бы жили там у себя на отшибе, но нет. Их разбойничий образ жизни и постоянные, беспощадные набеги на соседей, сделали их врагами всех западных народов. Алланы должны сгинуть в пучине истории, и быть забыты до смерти, как подобает бешеным собакам.

– Клиинн Шáпир, гретанский писец

Гретань – странное государство. У них есть король и плодородная земля. И народ у них такой особенный. Вечно носится со своей поганой верой, как стадо овец. И всего им мало. Больше хочется. Жадные, сытые, податливые. Удивительно, как столь циничные подонки до сих пор не продали собственную страну.

– Лер фаль Бáстенн, алланарский историк

Глава 2

Кровь и месть

Космея всё время курила. Если и доводилось видеть её без дыма на губах, то только потому, что она была занята чем-то более неординарным. Она срывала лепесток, и как ни в чём небывало, закидывала в него табак. Скручивала в тонкую трубочку и невозмутимо прикуривала у первого встречного ей огня, а огонь всегда был при ней. Казалось, что она могла добыть огонь в любом месте, в любое время, стоило ей лишь щёлкнуть почернелыми пальцами. Кроме того, она всегда носила с собой горелки, свечи, масла, колбы со взрывчатыми веществами и воспламеняющимися ядами. Это был её стандартный набор жгучего странника.

Пошатываясь, Кира начала кивать в плечо Космеи. Они продвигались неспешно, но всё же проделали уже долгий путь от Тренны, а конная прогулка укачивала и знатно изматывала.

– Эй, что с тобой? – спросила Космея у, кивающей носом, спутницы.

– Я устала ехать. У меня всё натёрло.

– Понимаю. Слезай.

Кира неумело сползла с коня, и, не разглядев дна, спо-

ткнулась и упала на землю. Тяжело отдышавшись, она даже и не подумала подняться, торопливо, но осторожно потирая разогнутые ляжки. Космея спрыгнула с коня и огляделась, в очередной раз сорвав пару крупных листов вдоль тропы. На этот раз она изготовила две самокрутки и протянула одну из них, развалившейся на земле, подруге. Кира посмотрела с удивлением, но всё же приняла подношение, сжав сигарету меж розовых губ. Космея прикурила ей тонкой восковой свечой, и Ленн сделала затяжку, почувствовав горечь во рту. Дым обжигал её мягкие губы. Она чувствовала привкус травы и перетёртых корешков, но продолжала затягиваться, пытаясь понять смысл этого сомнительного удовольствия.

– Зачем ты это куришь? – сжавшись от неприятного привкуса, спросила Кира.

– Потому, что люблю дымить, и мне вообще не важно что. К тому же, всегда чувствуешь себя спокойнее, когда огонь под рукой.

– Ты голодна? – сменила тему Космея.

Кира кивнула.

– Я тоже, но у меня нет еды.

Пекаршу это не удивляло, особенно обращая внимание на тощее телосложение своей спутницы.

– И что же нам делать?

Космея повернула голову и кивнула. Кира обернулась и увидела за своей спиной, темнеющий под кронами, лес.

– Поймаем что-нибудь.

– У тебя есть лук?

– Нет. Лук слишком громоздкий, чтобы с ним таскаться, но я умею ставить ловушки.

– Где же ты до этого добывала еду? – с любопытством спросила Кира.

– Грабила.

Ответ Космеи был коротким, но убедительным. Они вошли в сырой лес, тихо пробираясь сквозь заросшие пни и листву. Поджигательница повязала вдоль дерева тонкую петлю и натянула ловушку на висящий над ней ствол. Кира наблюдала с расстояния, дабы не распространять излишний запах гари, исходивших от двух курящих девушек. Космея оставила на земле несколько капель прозрачного вещества, подозрительно приняв их к откупоренной колбе и сморщившись от одного её вида. Они спрятались за ближайшим уступом, с детским любопытством всматриваясь на установленную ловушку.

– Теперь ждём, – прошептала Космея, расслабленно оперевшись о ствол дерева. – Надеюсь, ловушка не привлечёт медведя.

– Медведя? – вскрикнула Кира.

– Заткнись.

Встревоженная пекарша тут же сбавила тон:

– Ты что, хочешь поймать медведя?

– Конечно, нет. Ловушка на него не подействует.

– Тогда кого?

– Зайца или кролика.

– А готовить ты умеешь?

– Я не повариха, но похлёбку могу сварганить. А ты? Умеешь готовить что-то, кроме хлеба?

– Да, мама учила меня. Из кролика можно приготовить шкварки.

– Шкварки? Что это?

– Такое тонко нарезанное жареное мясо, что-то типа сала. Готовиться дольше, но зато вкусно.

Над их головами шумели кроны деревьев. Солнце едва просачивалось сквозь густой лес. Ветер продувал, великоватую для Киры, рубашку. Она дрожала от, проходящих по её телу, холодных мурашек.

– Нужно было одеть тебя теплее, – заметила Космея.

– В наших краях тёплый климат.

– Мы в лесу. Здесь сыро.

Космея потянулась к Кире руками и прижала к себе, взяв её за плечи. Она прижалась мягко, но невероятно цепко, нырнув ей за плечо и широко обхватив всеми руками за грудь. Пекарша чувствовала её тёплое дыхание за своим плечом. Размеренный стук сердца. Согревающие прикосновения. Чувствовала, как её плоская грудь упираются ей в спину. Чувствовала, как Космея всё глубже зарывается ей в волосы, приюхиваясь к светлым локонам.

– Что ты делаешь? – прошептала Кира.

– А ты не видишь? Согреваю тебя.

Кира смотрела на обожжённые руки, нежно обнимающие её. Было тепло. Космея улыбнулась и приподняла ладонь, полностью открыв её любопытному взору. Засохшая, смуглая кожа была покрыта грубыми морщинами и напоминала руку сморщенной старухи. Линии на ладони едва виднелись. В них отражалась странная серая палитра, обрывающаяся на самом краю ладони. Трудно было назвать это рукой живого человека, скорее, неудачно кремированного трупа.

– Хочешь знать откуда эти ожоги? – шептала Космея на ухо подруги. – Мне было двенадцать. Глупая девчонка с иголкой в заднице. Мне никогда не сиделось на месте. Я была импульсивной, резкой, своевольной. Мне нравился местный мальчишка. Он был старше меня. Сын лесоруба. Такой мускулистый, высокий, можно было долго наблюдать, как он мастерки управляется с топором. Я призналась ему, что он мне нравится, недолго думая, что и как. Естественно, он мне отказал. Ночью я украла порошок селитры у местного алхимика. Это было просто. Он всегда держал свои припасы у открытого окна. Я подожгла дом лесорубов вместе со всей их семьёй. Мне оставалось лишь уйти, и никто бы не подумал на маленькую девчонку. Таков был мой план, но судьба распорядилась иначе. Селитра попала мне на руки. Маленькая искра изменила всю мою жизнь. Мои руки вспыхнули в тот же миг, – Космея задумчиво взглянула в черноту своих ладоней. – Я лишилась кожи на руках, но зато обрела репутацию убийцы и поджигательницы. Я поступила опрометчи-

во тогда, но тот случай сделал меня такой, какая я сейчас. Привёл меня сюда... к тебе.

Она приближалась к Кире, всё глубже утопая в её зелёных глазах.

– К тому же, со временем, – продолжала шептать она. – Я поняла, что женщины, куда лучше мужчин.

Кира чувствовала запах табака, привкус гари, исходящий с губ высокомерной поджигательницы. Космея наклонялась всё ближе, пока их губы почти не соприкоснулись. Пекарша в последний момент, резко отдернула голову, слегка оттолкнув от себя подругу, чем вызвала у неё похотливую ухмылку. Резкий хлопок отвлёк их от молчаливой паузы. Кролик истерично верещал в сетях тугой петли.

– Попался, – резво вскочила Космея.

Она подошла ближе и резким движением свернула кролику шею, в миг прервав его истошные визги. Поджигательница обнажила потёртый нож, и, прогнав лезвие вдоль лап кролика, умело стянула с него кожу всего парой резвых движений.

– Пойдём, – игриво подмигнула она, закинув тушу к себе на плечо.

Кира остановилась, смотря в след уходящей подруге, и обнажила отцовский клинок, тут же заставив её обернуться. Она нагнулась над основанием дерева и срезала несколько белых грибов, в больших количествах, растущих вдоль лесной чащи. Космея искренне улыбнулась.

– Грибы. С похлёбкой зайдёт, – ответила пекарша на немой вопрос.

– А ты шарить. Но если отравишь меня, я тебя не прощу. Кира сверкнула улыбкой.

Под звуки костра медленно близился закат. Космея разожгла огонь быстро. Пара её умелых финтов воспламенили сухие ветки в мгновение ока. Они вглядывались в чарующие искры, и каждая видела в танцующем пламени свои собственные, самые желанные фантазии и душевные страхи.

– Куда мы идём? – вдруг спросила Кира, кинув взгляд на пустую дорогу.

– Я же тебе уже говорила. На войну.

– Это не ответ.

– У тебя другие планы? – резко спросила Космея, обратив Киру в ступор.

– Мне... мне не нужна война. Я не хочу убивать людей.

Поджигательница застыла, не отводя с подружки горящих глаз.

– Что, правда? Не хочешь?

Кира хотела ответить, но слова, словно застывали на кончике языка. Космея наклонилась и приоткрыла рот в маниакальной ухмылке, оскалив передние зубы.

– Я знаю, чего ты хочешь, – шептала она. – Да-а... ты пошла не со мной, а за мной. По следам своих врагов. Но, тот кого ты ищешь пойдёт не на север. Они двинутся дальше на восток. Вглубь Гретани.

– Значит, я отправлюсь за ними, – резко и самоуверенно ответила Кира.

– Порой, ты меня удивляешь. Ты не выживешь одна. Один раз тебе удалось вырваться из лап смерти. Второго такого шанса может не представиться.

– И что же мне делать? Ждать? Смотреть, как убийца моих родителей несёт смерть, оставляя за собой руины?

– Я помогу тебе.

– Как?

– Для начала – назову имя. Имя того, кого ты ищешь.

Космея наклонилась ближе. Кира замерла в, пугающем её, ожидании.

– Эдвин фаль Дреанн, – прошептала поджигательница.

Это имя громким эхом пронеслось в голове Киры. Перед ней вспыхнули оранжевые знамёна и железный взгляд алланского генерала. Она вытянула шею. Искры мелькали в её выразительных зелёных глазах, а нахмуренные брови излучали небывалую самоуверенность.

– Откуда ты знаешь его имя?

– Ты думаешь, я оказалась в Тренне случайно? – усмехнулась Космея. – И зашла в твой дом тоже случайно? Нет.

– И что же ты тогда там делала?

Вопрос звучал крайне резко, крайне неодобрительно. Космея задумчиво повела плечами.

– Ты мне не доверяешь?

Кира не ответила, лишь нервно глотала прохладный ноч-

ной воздух.

– Я отвечу на твой вопрос, – продолжила поджигательница. – Убивала. Когда я назвала тебе своё имя, я знала, что оно не произведёт на тебя впечатления. Ты обычная пекарша, откуда тебе знать о таких, как я. Но, поверь. Каждая плешивая псина от восточного побережья до Кровнны знает моё имя. Космея Плятер – эверленская поджигательница.

Кира задумалась. В тот момент ей казалось, что она и вправду слышала это имя. Смуглые руки эверленки пылали на фоне ночного костра, освещая каждый её шрам.

– Ты могла бы быть мне полезна, могла бы прикрыть мне спину. Но я не могу идти на восток. Никак. Продолжим путь на север.

– И уйдём дальше от армии фаль Дреанна?

– Чего ты добиваешься? Хочешь ворваться туда, чтобы из тебя сделали тряпичную куклу? Я поддерживаю твоё стремление к мести. Все эти ублюдки заслуживают смерти, но не думай, что будет легко.

Повисла тишина. Они неотрывно глядели друг на друга сквозь искры полыхающего костра.

– Ты либо не понимаешь меня, либо специально уводишь в другую сторону, – грозно произнесла Кира.

– Значит, ты мне всё-таки не доверяешь.

Кира молчала, вызывая у Космеи нескрываемое раздражение:

– Что-ж, ступай. Одинокая девчонка с нежной, как у ре-

бёнка кожей, бродит по диким, осквернённым войной и поехавшими богословами, землям, в поисках мести. Забавно, правда?

Губы Киры дрожали. Толи от пугающего взгляда Космеи, толи от злобы и гнева от суровой правды. Она вскочила на ноги и обиженно бросилась наутёк, в объятия темноты. Свет огня медленно исчезал. Ленн обернулась, но лишь на короткое мгновение, не сбавляя безрассудного бегства. Космея с тоской смотрела ей в след.

Кира приубавила пыл только когда уже пышные кроны леса полностью исчезли из поля зрения. Плавно близился рассвет, но слабые лучи совершенно не согревали промёрзлую рубашку. Дороги были пусты, лишь одинокие повозки иногда проезжали мимо, промокшей от усталости, бродячей девушки. Наконец, ей послышались громогласные речи, доносившиеся из-за верхушки высокого забора. Она наткнулась на украшенные самодельными цветами ворота, на которых красной краской пестрела надпись: «Везна». Молодая, спокойная деревня, но Кира застала её в ином облиции. Жители торопливо бегали от одного дома к другому, таская с собой множество мешков, коробок и бочек с самым разным содержимым. Все дома вдоль протяжённой, извилистой улицы были распахнуты. На центральной площади творился бардак. Люди перебивали друг друга криками и спорами, вызывая в голове суматоху.

– Примите покаяние, раскайтесь в столь суровое время!

Впустите Господа в свой дом! – широко разводя руками, проповедовал священник.

– Война пришла! Алланы топчут нашу землю! Тренна сожжена дотла! – громко выговаривал глашатай.

– Прошу вас, помогите мне найти мою кошку! – кричал местный мальчишка.

Кира старалась пройти мимо, не привлекая лишнего внимания, да и мало кому она была интересна. Всё это напоминало ей об ужасах родной Тренны, которые в любой момент могли настичь и это скромное поселение. Пекарша вошла в местную, ничем непримечательную корчму, коих было множество среди однотипных деревень. Несколько угрюмых во-як в ржавых латах тут же кинули на незнакомку пару резких взглядов. Местные защитники, что больше походили на потерянных разбойников, и уже как несколько лет не вступали в реальный бой. Трудно было сказать, что привлекало их больше: сама девчонка или манящий серебром клинок в потёртом ремне. Кира старалась держаться в возвышенной, самоуверенной позе, но юный, бегающий из угла в угол взгляд, всё же выдавал в ней испуганную девчонку. Она уверенно подошла к корчмарю, который угрюмо натирал ржавый кубок. Казалось, он делает это не для того, чтобы отмыть его, а просто чтобы занять себя хоть чем-то, и не показаться плохим хозяином. Гниющие бочки, две тарелки и несколько пар тёмных бутылок за его спиной выглядели удручающе и уныло, будто всю добрую половину товаров в спешке скрыли от

лишних глаз.

– Чего желаешь? – дружелюбно спросил он, но всё же не перестал угрюмо пялиться на кубок.

– Мне нужна работа, – тут же ответила Кира.

– Значит ты пришла не по адресу. В Везне работы нет, тем более для чужаков.

Она продолжала испуганно бегать глазами и всё время пожимала плечами, оглядываясь по углам корчмы, словно хотела сказать что-то ещё, но не могла выдать ни слова. Солдат за спиной жадно ей ухмыльнулся, но Ленн увела взгляд, стараясь не привлекать внимания. Вдруг корчмарь наклонился, шепнув ей на ухо:

– Ты выбрала неудачное место и время. По этим тропам проходят солдаты, а они, поверь, хуже разбойников. Ступай дальше на восток. Здесь единственная работа, которая тебе светит – это подставлять задницу за три кроны. Так что, если ты пришла не за этим, убирайся отсюда.

Корчмарь сжал губы, и как ни в чём небывало, принялся натирать серебристый кубок. Кира опустила глаза и кивнула, поторопившись к выходу. Свежий воздух тут же окатил её шею. Сердце бешено колотилось в груди. Она не желала сдаваться, но страх сдавливал тело. Она двинулась дальше, осматривая каждый дом, с особой ей внимательностью. Старый воин, заскрипев ржавыми латами и покачиваясь от залитого алкоголя, неуклюже выпрыгнул из корчмы, тут же шлёпнувшись на пятую точку. Его внимание привле-

кала лишь Кира—одинокая девушка, бродящая в подлом одиночестве по, осквернённым несправедливостью, поселениям. Идеальная жертва. Жертва, которую никто не будет искать.

Ленн бродила по незнакомой деревушке, то и дело мечась из стороны в сторону. Её живот медленно скручивало по наступлению темноты. Вечер нагнал её так же быстро, как и терзающий голод. Покой заменил собой шум и гам. В окнах пылали огни. Казалось, улицы опустели неожиданно, оставив юную девушку одну с ночной тишиной. Её терзало отчаяние, безысходность, которые она всеми силами пыталась прогнать. Кира вспоминала Космею. Тепло, что она всегда излучала. Она продолжала бродить из переулка в переулок, пока резкий и невероятно знакомый запах не остановил её прямо у, пылающего теплом, дома. Из него доносился приятный голос, который был похож на усыпляющее пение. Она скромно постучала в дверь. Голос вмиг прервался и воцарилась гнетущая тишина. Дверь медленно отворилась. Старый пекарь стоял в длинном белом балахоне, держа в руках бежевый платок. Он напомнил Кире отца. Такой же добродушный взгляд, как и манящий запах хлеба из открытого дома.

– Слушаю, – обратился пекарь.

– Я хочу есть, – с ходу смолила Кира.

Пекарь с подозрением осмотрел её. Девушка не была похожа на голодающую бездомную. Чистая, не рванная одежда, серебристый клинок на поясе, гладкая кожа и ухоженные

волосы.

– «Воровка», – тут же подумал пекарь, но всё же не увёл дружелюбный взгляд.

– Извини, – ответил он, – но уже вечер. Я распродал весь хлеб. Новый будет только завтра.

– Тогда возьмите меня на работу, – испуганно дёрнувшись, произнесла Кира. – Прошу. Я всю свою юность пекла хлеб. Я не подведу.

– Откуда ты?

– Из Тренны.

Пекарь изумлённо раскрыл глаза, пытаясь из-за всех сил сдержать напуганный вид. Теперь он понимал, чего хочет незнакомка. Дома, которого её лишили.

– В народе говорят, из Тренны никто живым не выбрался.

Кира не ответила, лишь вокруг, на мгновение, повисла напряжённая тишина.

– Прости, но мне нечем платить тебе, – продолжил пекарь. – Да и работников у меня достаточно. Мне нужно кормить их.

Из кухни вышла молодая девушка, ровесница Киры на первый взгляд. Она взглянула с долей сочувствия, видя её измученный вид. Ленн не хотела уходить. Порог дома так и манил её, словно это был последний оплот, последний шанс изменить хоть что-то, но забрав последнюю надежду, она кивнула пекарю и ушла, не проронив ни слова. Безысходность брала верх. Она упала на землю, прижав колени к гру-

ди. Горькие слёзы стекали по розовым щекам. Губы дрожали. Кира скучала. Скучала по дому. Скучала по запаху свежего хлеба. Скучала по родителям, и даже по тёплым рукам Космеи. Она осмотрелась вновь, пока её взгляд не упал на лучезарный дом с голубой вывеской: «*Алхимик из Везны*». Дом алхимика буквально светился изнутри. В нём было столько света, что он даже слепил глаза из распахнутого окна. Кира вспомнила слова Космеи, которая говорила, что воровать у алхимиков проще простого. Они всегда держат свои пожитки у открытого окна, и этот алхимик не стал исключением. У самого окна светились множество порошков, ампул и сверкающих странной пеленой камней. Руки Ленн нервно затряслись.

– «Воровать?», – подумала она. – «Нет. Нельзя. Неправильно. На что мне бесполезные алхимические бредни?»

Она вспоминала историю Космеи. Одну ошибку полностью изменившую её жизнь. Кира отошла в сторону, опустив голову дабы откинуть дурные мысли, но фитиль в её разуме уже вспыхнул. Скрип ржавых лат послышался за спиной. Она вытянула шею, прислушавшись к окружению. Нервное, тяжёлое дыхание не давало покоя. Ржавый доспех ударился о поверхность камня. Ленн обернулась. Солдат резким выпадом прижал её к стене, закинув руку на шею. Он жадно вдыхал аромат её кожи, продолжая безумно что-то бурчать себе под нос. От него несло спиртом и гарью. Этот жгучий запах Кира не могла спутать ни с чем. Огни Тренны, будто

вновь горели, как наяву. Её глаза сверкнули зелёным пламенем. Она гневно схватилась за его руку и оскалила белые зубы.

– Н-не бойся. Будет приятно, – похотливо бормотал вояка.

Пекарша чувствовала его прерывистое дыхание. Чувствовала, как его грязные пальцы пролезают через одежду. Как нежная кожа горит от грубых прикосновений. Она наклонилась вперёд и замахнулась коленом для удара в пах, но прежде, чем ударить по металлической пластине, откинулась назад и неожиданно ударила головой, прямо в лицо. Солдат попятился назад, схватившись за небритые щёки. Кровь хлестала из рассечённой губы. Он пришёл в ярость и замахнулся, но девчонка ловко проскочила под его тяжёлыми доспехами и со всех ног ринулась бежать вдоль развилистых дорог. Кира бежала долго. Везна оказалась далеко позади. За ней никто не гнался, да и неслась она так, что её не догнал бы даже умелый скакун. Колени дрожали, но не страх гнал её вперёд, не паника, и не, вырывающееся из груди, сердце, заставляли неугомонно нестись неизвестно куда, не замечая ничего вокруг, а необузданное, дикое желание покоя, которого её лишили. Она пробежала рedeющий лес, едва заметив торчащие ветки и срубленные пеньки сухой опушки. Силы уверенно покидали её, и Кира уже едва передвигала потяжелевшими ногами. Она даже не заметила, как упала на пыльную землю, оперевшись о деревянную стену местного, расположенного на отшибе, паба. Вытянутые ноги вы-

ли от усталости. Пятки кровоточили от натёртых мозолей, а кожаные сапоги начинали походить на изношенные башмаки. Глубокое дыхание пыталось успокоить бешено бьющееся сердце. Солёные волосы прилипали к губам. Ветер усиливался, продувая взмокшую шею, а пальцы замерзали, толи от очередного нависающего отчаяния, толи от вечернего холодного сумрака. Над головой колыхался толстый пергамент. Иссохшая, потёртая, пожелтевшая настолько, что казалось, висит здесь несколько лет, листовка, почти вырывалась со стены, словно вот-вот устремится на встречу свистящему вихрю. Ленн осторожно взглянула на неё, невинно протянув руку и сорвав с голыи стены. Ей было плевать на случайные буквы, что смешивались в единый текст. Она знала алфавит лишь по грустным учениям матери, и могла прочитать всего пару несложных фраз, но два громких, выделенных чёрной, жирной гравировкой, слова, невозможно было спутать ни с чем. Они словно вонзились ей в голову, разогнали, и без того, бушующее сердце. Глаза заледенели. Страх забылся окончательно, словно майский снег. Осталось лишь сожаление и горечь собственной глупости, что терзали её в этот момент. На пожелтевшем, гнилом плакате была изображена Космея. Её устрашающий, дикий, безумный портрет не имел ничего общего с той девушкой, с которой Кира познакомилась в Тренне. Длинное чёрное одеяние, распущенные растрёпанные волосы, звериный оскал и огонь, много огня, что разносился с её омерзительных, выжженных ладо-

ней. «Космея Плятер фаль Эверлен» – эти слова были заметны больше всего. Розыскной плакат предлагал за неё большие деньги. Золото, что ценилось превыше всего на территории независимой Гретани, вглубь которой Кира так судорожно стремилась. Она глубоко вздохнула. Губы дрожали. Ленн застыла, уткнувшись в одну точку. В тени, в густых зарослях светились два ярких глаза. Они завораживали, привлекали, но в то же время пугали своей неизведанностью. Вдруг листва задрожала, ветви треснули, и из тени вышла чёрная кошка. Она послушно присела напротив девушки, пару раз мяукнув, словно в приветствии.

– Заблудилась? – спросила Кира. – Голодна и напугана... прямо как я.

Позади них, к самому входу в паб, прискакал всадник. Его конь непослушно топтался на месте, выводя наездника из себя.

– Брр! Тихо! Тупорылая кляча, – ругался он, натягивая поводья.

Он спешно привязал жеребца к коновязи и устало вошёл в двери паба. Чувства Киры бурлили, но мысли были чисты. Она шустро поднялась и взяла худощавую кошку на руки. Пустая дорога была темна. Заросли вдоль неё сгущались, и казались тупиком. Ленн опустила кошку на землю, указывая в сторону Везны.

– Твой дом впереди. Беги вперёд и не заблудишься, – настаивала Кира, будто разговаривая сама с собой.

Кошка не поняла ни слова, продолжая бездумно сидеть по среди дороги.

– Брысь! – вдруг вскрикнула Кира.

Испуганное животное тут же вскочило с места, и на всех лапах бросилось бежать, вскоре скрывшись на тёмной тропе. Привязанный жеребец ржал на всю округу, но уставший хозяин безразлично игнорировал своего скакуна, выпивая в стенах паба. Пекарша уверенно приблизилась к коню, положив ладонь на его морду, и одновременно крепко держа за холку.

– Тебе хочется мчаться вперёд и никогда не останавливаться, – шептала она жеребцу. – Ты жаждешь свободы. Сильный. Упрямый. Ну, так, докажи мне.

Кира схватила поводья и лихо седлала коня. Он бешено рвался вперёд. Его глубокое дыхание казалось мощнее ночного ветра. Тугие подпруги едва сдерживали широкую грудь. Колени Киры дрожали. Жеребец казался непомерно высоким, но уверенность и стойкость переполняли её.

– Не останавливайся, вольный конь. Будь быстрее ветра. Скачи!

Она ударила пятками по бокам жеребца, и он неудержимо бросился вперёд. Ленн едва держалась в седле, сжимая густую холку. Прохладный ветер бил прямо в лицо. Молочные волосы развевались, вздымаясь высоко над плечами. По спине бежал пугающий холодок. Кира улыбалась во все зубы. Смеялась. Она чувствовала свободу. Чувствовала неудер-

жимую уверенность и решительность, что гнали её вперёд. Вдоль зелёных полей и лесов, она начала замечать знакомые очертания. На земле промелькнули застывшие угли от костра. Кира, что есть сил, потянула поводья на себя. Жеребец неохотно остановился, продолжая неугомонно топтаться на месте. Всадница осмотрелась. Вокруг была беспросветная тьма, и лишь маленький, едва видимый, огонёк полыхал вдали. Он казался незначительным, совсем скромным, будто одинокий придорожный факел, но густой дым валил от него, заполняя всё ночное небо. Огонёк мерцал чрезвычайно порывисто, словно дикий, необузданный конь.

– Туда! – выкрикнула Кира.

Жеребец вновь с нетерпением бросился вперёд, утоляя свою жажду бега. Огонёк становился всё ярче. Дым всё душливее. Чёрный пепел прилипал к светлым волосам. Несколько высоких сараев горели, освещая непроглядную ночь. Послышались протяжные крики. Суровые. Воинственные. В них скрывался страх. Отчаянный хрип. Пронзительный вой. Ленн спешно спрыгнула с коня, едва тот успел остановиться. Космея стояла к ней спиной. Её тёмный облик напоминал саму смерть, какую любят изображать художники. Руки излучали яркое свечение. Горели блестящим пламенем. Сверкали золотыми искрами. Земля под ней горела, будто что-то капало с её худощавых пальцев. Перед ней стояли три охотника за головами в железных, пузатых доспехах. Они крепко сжимали мечи, топчась на месте, и не решаясь

ступить и шага. Космея терпеливо наблюдала. Кира бережно сняла с лошади седло и бросила в сторону.

– Беги отсюда. Пускай никто не сможет остановить тебя, – дала она наставление и шлёпнула жеребца по крупу.

Конь прытко ускакал прочь, в сторону необъятного поля, и довольно быстро скрылся в ночной пустоте. Молодой, совсем отчаянный, юноша в доспехах, храбро ускорился, наступая на недрогнувшую Космею. Она бросила на него суровый взгляд и молниеносно дёрнула ладонью. Одно резкое движение и пламя с её рук, словно стрела, вылетело в сторону молодого охотника. Огненные брызги ударились в наголенник, и они в тот же миг почернели, продолжая искриться на металле. Воин наступал, уже замахнувшись для удара. Космея ухмыльнулась. Её рука потянулась вперёд, словно для ответного удара, но оглушающий, громкий стук тут же прервал их столкновение. Кира выпрыгнула так резко и неожиданно, словно из ниоткуда, и что есть сил оттолкнула охотника плечом. Парень отлетел в сторону, брякнув доспехами. Космея выпучила глаза от удивления, но тут же очуталась и запрыгнула на ошарашенного солдата. Она прижала раскалённые ладони к его лицу. Пронзительный, истошный крик пронёсся по голому полю, эхом разносясь далеко за его пределы. Вопль полный боли пронзал уши, словно иглы. Его тело тряслось в судорожной агонии. Он махал руками, в попытке оттолкнуть поджигательницу, но этим лишь усугублял невыносимую, нестерпимую боль. Ленн лежала неподда-

лёку, схватившись за ноющее плечо. Вид, умирающего в мучениях, парня, парализовывал. Зелёные глаза застыли, уставившись на ужасающую картину. В стеклянном, испуганном взгляде искрился огонь, навевая воспоминания. Запах горелой кожи окутывал всё вокруг. Удушал. Слепил. Нестерпимая тошнота лишала рассудка. Парень продолжал истерично вопить. Второй воин поспешил атаковать, но Плятер резво схватила с пояса мелкий мешочек и швырнула в него. Содержимое мешка заискрилось, едва долетев до цели. Множество мелких искр полетели прямо в глаза охотника. Тот схватился за лицо и закричал от боли, тут же упав на колени.

– Горит! Горит! – кричал он.

Воин истерично махал руками у своего лица, словно пытаясь содрать с себя кожу. Космея шустро подбежала ближе и ударила его ногой в стальной нагрудник, оставив чёткий след от сапога. Охотник попытался оклематься. Безудержная злоба заставила его подняться, вновь схватив меч. Поджигательница ловко отступила на пару широких шагов. Она вытащила из-под плаща маленький клинок, казалось, не длиннее среднего пальца, и метнула прямо в бедро. Лезвие пролетело мимо, оставив на коже заметный глубокий порез. Кровь хлынула из ноги воина, так стремительно, словно пролитое вино. Он стиснул зубы, медленно сбавляя шаг, и с трудом контролируя тело. Ноги задрожали. Мышцы бросило в дрожь. Охотник упал на колени, не чувствуя ни боли, ни собственных конечностей до самого паха. Он медленно, устало под-

нял взгляд. Поджигательница стояла над ним. Она смотрела холодно, задумчиво, словно исчезнув где-то в своём мире. Плятер прикурила от зажжённой спички и бросила в сторону воина. Пламя вокруг него вспыхнуло, устремившись на стальной доспех. В самом центре нагрудника след от сапога ярко заискрился. Неудержимый огонь быстро распространился по всему телу. Охотник завопил во всё горло. Он кричал, делал глубокий тяжёлый вдох, и кричал вновь. С лица на почерневший горжет¹ падали горелые куски плоти. Всё тело кипело, варилось, жарилось под толстой сталью.

– Разве ж, это не чудо? – проговорила замороженная Космея.

Её очи пылали вместе с чарующим огнём. Освещали в ночи смуглую кожу. Истошный крик вояки затерялся где-то в пустоте вечного огня. Поджигательница взглянула на третьего охотника, который всё это время стоял на месте, сжавшись, как испуганный ёж. Едва завидев глаза поджигательницы, он медленно попятился назад, а затем резко развернулся и бросился бежать, громяхая своими латами. Он не оборачивался, бежал со всех ног, что пятки сверкали, хотя никто и не думал за ним гнаться. Трус быстро скрылся на ночной дороге.

– Здесь всё пропахло огнём, – осмотрелась Космея. – Но я всё равно чую запах хлеба.

---

¹ Горжет – элемент рыцарских доспехов, расположенный на шее и груди. Обычно в форме щита с рисунком на религиозную или военную тему.

Она взглянула на Киру, которая лежала на земле, продолжая наблюдать за догорающим охотником.

– Вернулась? Вовремя.

Поджигательница протянула подруге руку. Та уверенно схватилась, крепко, словно не хотела никогда больше отпустить, и поднялась на ноги. Рука была мокрой, холодной, хотя минуту назад пылала диким пламенем. Кира выглядела уставшей, измученной. Бледные губы дрожали. Она слегла дёрнулась и её вырвало прямо у ног Космеи.

– Ничего, такое бывает. Привыкнешь. Я смотрю, ты так ничего и не ела с нашей последней трапезы, – улыбочиво отметила поджигательница, заметив прозрачную рвоту.

Она схватила Киру за руку и увела в сторону от удушающего огня и тошнотворного запаха плоти. Они присели у ближайшего дуба, облегчённо вдохнув свежего воздуха. Кира всё время шипела, хватаясь за плечо. Плятер порвала её рубашку и взглянула. Синяя гематома разрослась на пол руки от локтя до самой шеи. Поджигательница с гордостью взглянула на подругу, которая изо всех сил старалась не подавать жалостливого вида и терпела сильную боль. Она достала баночку с бежевой мазью и аккуратно намазала руку Киры. Каждое прикосновение давалось тяжело для изнеженной кожи бывшей пекарши, однако, несмотря на чёрствую кожу, Космея была крайне ласкова.

– Это мазь от ожогов, но она заживляет и снимает боль. Надеюсь, что тебе тоже поможет.

Кира молчала.

– Почему ты вернулась? – продолжила Космея.

Ленн достала из кармана скрученный пергамент и медленно раскрыла.

– Поэтому ты не можешь пойти на восток? – спросила она.

– Да.

– Почему ты не сказала мне?

– К чему тебе проблемы сумасшедшей поджигательницы.

– Оказывается, ты ещё тупее меня.

Космея засмеялась. Кира не смогла сдержать улыбки.

– Мне интересно, Космея. Как ты это делаешь? – спросила пекарша.

– Как управляю огнём? Как создаю горящие руки?

Кира кивнула.

– Это фосфор. Он возгорается в воздухе, – прошептала поджигательница. – Этому фокусу меня научили бродячие циркачи, когда я выступала с ними.

– Ты была бродячей циркачкой?

– Да, нужно же было как-то выживать, а представления с огнём – самые захватывающие.

– Хм... Я видела, насколько они захватывающие. Что ты чувствуешь, когда твои руки горят?

– Боль, – грустно ответила поджигательница. – Жадную, всепоглощающую... боль.

Космея потёрла мелкий порошок и бросила в сторону. Фосфор разлетелся на множество огненных искр и погас, ед-

ва коснувшись земли.

– Никогда не повторяй этого, Кира, – настойчиво попросила она. – Иначе, станешь как я.

Она задумчиво взглянула на свои чёрные ладони. Тяжело было понять, что у неё в голове: какие мысли, какие сожаления, какие желания. Кира взяла её за руки, крепко прижав к себе. Тепло. Запах хлеба – уже не такой стойкий, но всё же приятный и одурманивающий. Они сближались. Ветви шумели над головами. Приятная прохлада расслабляла намазанное плечо, что ноющая боль тут же отступила. Губы едва соприкоснулись. Они чувствовали манящие дыхание друг друга.

– Я чую запах хлеба, – шептала Космея. – Я так хочу есть.

Она потянулась ближе. Солёный, обжигающий вкус на губах и языке. Ловкие пальцы, игриво зарывающиеся под одежду, касающиеся нежной, нецелованной кожи. Они упали на землю, не отрываясь от страстных поцелуев. Космея быстро стянула рубашку подруги на, слабо зашитых, пуговицах. Столь привлекательная обнажённая грудь, что невозможно было оторвать глаз. Элегантная, маленькая, почти юношеская. Обгорелые пальцы скользили вдоль её тела, и Кира чувствовала каждое прикосновение, словно кожа поджигательницы заживала в эту самую секунду. Зелёные глаза горели в отблеске лунного света. По оголённым пяткам бегали муравьи. Плятер спускалась ниже, дальше, теплее. Ленн глубоко вздохнула, прижимая подругу всё ближе к се-

бе. Сладостный стон проносился по окрестностям. Вокруг было слышно только их.

– У тебя даже там всё гладко, – улыбнулась Космея.

Грудь вздымалась от каждого поцелуя в губы, шею, живот, талию, ноги и руки. От каждого, шаловливо играющего, пальца. От мокрого языка, скользящего по телу. И этот запах – странный, возбуждающий, не лишённый горечи, но сладкий, как рождественский шоколад. Новые ощущения оказались куда приятнее, чем Кира себе представляла. Неприятная горечь ушла, и даже голод забылся, оставив девушек наедине с удовольствием. Космея сняла свою рубашку. Трудно было разглядеть её грязное, смуглое тело в ночной тьме, но это лишь усиливало тактильные ощущения. Кира прижалась к её груди. Обхватила всю её длинную утончённую спину, прощупывая выпирающие лопатки. Целуя, кусывая, облизывая каждый сантиметр её кожи. Космея закинула голову, похотливо улыбнувшись. Она извивалась, словно змея, не переставая стонать. Послышался звонкий шлепок. Кира удивлённо ахнула, но продолжала прижиматься всё ближе, страстно желая продолжения. Ей было мало. Поджигательница била её с каждым разом всё сильнее. Ягодицы горели. Её не пугало увлечение подруги, наоборот, заводило всё больше, всё дальше. Космея неожиданно дёрнулась, стиснув зубы. Её тело дрожало, и Кира дрожала вместе с ней. Их стоны схлестнулись воедино. Поджигательница опустила взгляд. Множество цветов перемешивались в её больших яр-

ких глазах. Она улыбалась, чувствуя на своей груди крепко вцепившуюся ладонь пекарши. Космея выдохнула, прижавшись к стволу дерева и прикурив самокрутку. Она и не думала прикрыться, сложив босые холодные ноги у тёплой шеи подруги. Кире явно это нравилось. Ноги поджигательницы были куда более гладкие и нежные, чем руки, несмотря на синяки и мозоли. Она поцеловала её ступню.

– Я думаю... всё же отправимся на восток, – предложила Космея. – На севере нечего делать таким как мы.

Дым сигарет опьянял. Кира сняла самокрутку с губ подруги и затынулась. Терпкий, знакомый аромат.

– Хорошо, пойдём. Я ни за что не дам тебя в обиду, Космея, – уверенно ответила Кира.

– Я знаю, детка, – улыбнулась поджигательница. – На войну. За кровью и мезтью.

– За кровью и мезтью.

Разыскивается Космея Плятер фаль Эверлен, также известная как – «Эверленская поджигательница». За преднамеренные поджоги, убийства, воровство, похищения людей и богохульство. За преступления против короны, общества и мира. Вооружена и обучена. Крайне опасна. Особые приметы: рост около 172 см, худощавого телосложения, волосы чёрные, имеет шрамы от ожогов на кистях рук. Берегитесь узких, легковоспламеняющихся мест. Награда за поимку – 1000 крон. Доставить живой для Божьего суда!

– Текст одного из розыскных листов Гретани

Глава 3

Ты не одна

Я бегу. Та добрая тётя с фермы сказала мне бежать. Она была напугана. Я не знаю, где мама. На мгновение мне показалось, что где-то далеко я слышала её крик, но не уверена, она ли это или кто-то другой. Мне так страшно. Ноги болят. Мне кажется, я бегаю кругами. Я просто хочу отыскать маму. Боже, что это за жуткий скрежет? Передо мной выскочил всадник. Я никогда в жизни не видела таких высоких лошадей. Все в металле и грязи. Страшный мужчина верхом. С его меча стекает свежая кровь. Его взгляд горит. Он смотрит прямо на меня. Это страшный сон. Хочу, чтобы это был сон.

– Беги, Зоя!

Это мама. Да, это она кричит мне у нашего горящего дома. Всадник заметил её. Я не могу пошевелиться.

– Беги! Спасайся! – повторяет она.

Я хочу послушаться, хочу убежать прочь, но не могу. Слезы такие горькие. Я чувствую их на своих губах. Мама смотрит на меня, не отрываясь. Она замерла. Такая беззащитная. Такая испуганная. Всадник замахнулся своим мечом и ударил её прямо в лицо. И снова свежая кровь на его лезвии. Дом позади меня вспыхнул. Я чувствую, как горит моя спи-

на. Так больно. Больно. Топот коней, лязг металла и треск огня. Вокруг меня столько звуков, а в моих ушах лишь непрерывный звон. Не слышу даже собственного плача. Мама говорила мне бежать. Всадник слез с коня и приближается ко мне. Суровый. Злой. Не хочу о нём думать. Он убил мою маму. Она говорила бежать. Я снова бегу. Всадник мчится за мной. Слышу его скрипучие латы. Постоянно спотыкаюсь о что-то острое. Кровь повсюду и тела тех, кто ещё утром мне улыбался. И снова я бегаю кругами. Где я? Это тот же самый горящий дом. Всадник догнал меня. Схватил за плечо. Больно. От него смердит. Невыносимая вонь. Меня тошнит. Неужто снова на его мече появится свежая кровь? На этот раз моя? Над головой что-то треснуло. Всадник испуганно отступил. Я обернулась. Огонь и сотни искр летят прямо на меня. Помню мама рассказывала, что все звери, даже самые сильные и храбрые, боятся огня. Я не боюсь огня. Пускай лучше огонь заберёт меня, чем зверь. Что-то ударило меня по голове. Холодно. Сыро. Темно. Огонь забрал меня? Так тихо, так одиноко.

***

В большом, просторном зале стояла шумиха. Разодетые в длинные балахоны и угловатые шляпы, мужчины, активно разменивались словами, перекрикивая друг друга. В дальнем конце зала сидели достопочтенные богословы в белых одеяниях, покрывающие голову. С другой стороны, солдаты и рыцари в блестящих стальных доспехах, что старались

сохранять стойкость, и вставляли своё слово только когда их попросят. На самом высоком постаменте расположился судья в строгом чёрном наряде, сурово осматривающий собравшихся господ. Один из рыцарей вольно стоял у самого входа, наблюдая за происходящим. Он не вмешивался, ожидая, когда мужчины наговорятся, и судья скажет своё слово.

– Командир Лерен! – обратился к нему молодой юноша.

– Не сейчас, Зигфрид, – ответил рыцарь. – Скоро начнётся слушание. Король призвал собирать войска против алланов... наконец-то.

– Командир, – всё же продолжил Зигфрид. – Космея Плятер в Гретани.

Лерен тут же выпрямил спину. Его глаза загорелись.

– Что? Откуда такая информация? Известно, где она?

– С запада прибежал охотник за головами, говорит, они напали на неё втроём, но улизнуть сумел только он. Вот и доложил, что видел её у западных границ.

– Трус. Наверняка даже и не вступал в бой, ибо от эверленской поджигательницы живыми не уходят.

– И ещё... Он заявил, что Космея была не одна. С ней была ещё девчонка.

– Она нашла себе спутницу или заложницу? О ней что-нибудь известно?

– Никак нет, командир.

Лерен задумался.

– Собери отряд, Зигфрид. Мы поскачем на запад. Может

удастся достигнуть преступницу, и конечно же, узнаем кто вторая девчонка.

Зигфрид поклонился и вышел из зала. Судья выпрямился, устремив взгляд вперёд, и ударил молотком по подставке на столе. В зале воцарилась тишина. Все взгляды устремились на судью. Он развернул широкий бежевый пергамент и откашлялся, приготовившись читать:

– Именем Его Величества Короля Гретани, в связи с вероломным нападением на нашу страну, с посягательством на её безопасность и честь, объявить обязательный воинский призыв на службу в армию Гретани всех юношей от четырнадцати до шестидесяти лет, укомплектовать боеспособную армию и выдвинуться к западным границам королевства... как минует зима!

В зале вновь зашумели разговоры.

– Весной? Что за бред? – возмутился Лерен.

Судья нахмурил брови, отложил пергамент, и, стукнув молотком, продолжил:

– Таков указ Его Величества Короля Гретани. Да поможет нам Бог. Собрание окончено! Прошу всех покинуть судебный зал и приступить к выполнению указа короля!

Судья поднялся и быстро удалился из зала под гул толпы. Лерен отправился напрямик к конюшням. Зигфрид, увидев командира, поспешил к нему навстречу.

– Я распорядился готовить лошадей, командир, – доложил он. – Вы недовольны? Каков указ короля?

– Мы будем ждать до весны. Ещё полгода. Ждать, пока алланы топчут нашу землю. Сколько они ещё людей убьют прежде, чем мы остановим их... Ладно, сначала разберёмся с поджигательницей. Уверен, это будет непросто.

Десяток рыцарей уже ожидали приказа своего командира. С ног до головы объятые в стальные блестящие доспехи, и даже глаза были защищены металлической сеткой. Ни одна искра не должна была разрушить их планы.

***

Одежда валялась на земле. Набитый склянками и колбасами, пояс аккуратно лежал на траве. Девушки плескались в реке, с обоих берегов заросшей камышами и зарослями. Вода была прохладная, хотя утреннее солнце и грело румяные щёки. Кира наблюдала за умывающейся Космеей. Едва стоило поджигательнице войти в реку, как вода под ней почернела, но течение быстро унесло всю грязь прочь. Смуглая кожа заметно порозовела. Пекарше не довелось внимательно осмотреть подругу ночью. Тощая. Рёбра торчали так отчётливо, словно нарисованные. Плоский, но, не лишённый пресса, живот. Всё её тело было покрыто мелкими ожогами, будто множество разбитых капель. Она обернулась, добродушно улыбнувшись:

– Ты так смотришь...

– Не могу оторвать глаз, – ответила Кира.

– В прохладной воде очень приятно. Всё тело, словно перерождается, и боль уходит.

– Никогда бы не подумала, что ты такая мечтательная.

Космея подплыла ближе, приобняв подругу.

– Тебе удалось раскрыть всю мою сущность прошлой ночью.

Она чмокнула Киру в губы, и потащила за собой к центру реки. Пекарша дёрнулась от, не на шутку морозной, воды. Она рассмеялась, но Космея прижала её ближе к себе, нежно прикрыв рот пальцами. Они прислушались. Топот копыт разносился по земле и слышался отчётливо с краю дороги. Девушки замерли, опустившись ниже под воду, и оставив на поверхности лишь торчащие носы. Несколько алланских всадников пробежали мимо зарослей, едва не затоптав разбросанную одежду. Один из них задел прибрежную ветку, на которой висел пояс поджигательницы. Колбы зазвенели. Кира прикрыла глаза. Всадник на мгновение обернулся, обратив внимание за странный звук, но всё же продолжил скакать дальше, стараясь не отступать от своего отряда. Девушки вынырнули, глубоко вздохнув.

– Сучьи алланы, – выругалась Космея. – Ещё не хватало помереть голой посреди болота. Не такой участи я себе представляю.

Они вышли на берег, шустро накинув одежду. Поджигательница присмотрелась на следы копыт, что неслись в обратную сторону от восходящего солнца:

– Пойдём по их следам. Они скачут на запад, и судя по тому, что громыхают награбленным, уже разорили пару де-

ревень.

Кира заметила вдали валящийся дым, что напоминал ей о Тренне. Дым был столь далеко, что трудно было точно сказать, что именно там находилось, но доверяя предчувствию спутницы, она была убеждена в очередном сожжённом поселении. Продвигаясь всё ближе, следов становилось значительно больше. Они хаотично были разбросаны по всему полю, но следовать по ним всё равно не составляло труда. Дым встречал их. На земле виднелись пепел, грязь, следы запёкшейся и застывшей крови. Множество разбросанных безделушек от расчёсок до ржавых сковородок, которые алланы жадно отнимали, а потом выбрасывали, дабы освободить место для более ценных вещей. На камне колыхался белый платок. Кира испуганно залезла в карман, нащупывая свой платок с вышивкой: «Ленн». Белая ткань на камне оказалась запачканная кровью, а платок Киры всё ещё лежал в кармане. Она расслабленно выдохнула. Едкий запах гари витал повсюду.

– Как я и сказала, всё сожжено, – отметила Космея.

Небольшая деревня, окружённая забором из брёвен, была вся чёрная до основания. Вместо земли – уголь, вместо домов – горелые развалины, вместо жителей – изувеченные трупы. Космея схватила Киру за плечо и быстро увела за ближайшее укрытие. Неизвестный бродил по разграбленной деревне, копошась по телам и прикарманивая всё, что казалось ценным хотя бы на первый взгляд. Поджигательница

присмотрелась.

– О-па, Аллан, – прошептала она. – Видно, жадный сукин сын, раз до сих пор здесь. Пойдём, прикроешь меня, – обратилась она к спутнице.

Кира кивнула. Космея пролезла через обгоревший забор, который больше напоминал кучу наваленного угля, и тихо двинулась навстречу к солдату. Он увлечённо обкрадывал очередной труп, всё время цокая себе под нос от малой ценности добычи. Космея обнажила клинок, подкрадываясь ближе. Она самодовольно ухмылялась, предчувствуя вкус свежей крови. Кира следовала за ней, также крепко сжимая отцовский клинок. Аллан поднялся и обернулся, тут же заметив двух девушек. Испугавшись незваных гостей, он нервно потянулся за мечом, но поджигательница не дала ему возможности опустошить ножны. Она накинулась на него, пырнув клинком прямо в лицо. Быстро и беспощадно, нанося удары в глаза, рот и шею. Когда аллан уже перестал сопротивляться, она ударила ещё несколько раз по груди, окончательно завершив начатое. С лица и рук стекали капельки крови. Она вытерла лезвие о рубашку убитого и спрятала под рукав.

– Минус один ублюдок, – сплюнула она на тело воина.

Кира заметила не очень высокого гнедого коня, что бродил неподалёку в поисках еды. Он был объят в длинные ткани, напоминающие домашние ковры.

– Кстати, Космея, – обратилась Кира. – Где тот конь, на

котором мы покинули Тренну?

– Он сдох, – без лишних церемоний ответила поджигательница.

– Ну, что-ж, у нас теперь есть лошадь.

Они хотели уже двинуться на встречу к жеребцу, но Космея резко остановилась, снова прислушавшись. Кире казалось, что её спутница слышит куда больше, чем она, каждый раз удивляя своей чуткостью. Пекарша тоже сконцентрировалась на окружении. Возле одного из сгоревших домов слышались странные, тихие всхлипы. Резкие и быстрые. Они заканчивались сразу же, как только начинались. Ленн подошла к дому. Едва слышный плач доносился из-под обломков, обвалившейся крыши. Она начала хватать, ещё не успевшие остыть, доски и отбрасывала в сторону. Поджигательница присоединилась к ней. Из-под обломков показалась, сжавшаяся в клубок, девочка. Она прижала ладони к лицу, колени к груди, и тяжело дышала, даже не обращая внимания, что происходит вокруг. На лбу виднелся окровавленный синяк, опухший до той степени, что закрывал один из глаз. Половина волос, сгоревшие практически до самой лысины, седые, непонятно, то ли от пепла, то ли от ужаса, что она пережила.

– Эй, – обратилась Кира, протянув руку. – Выбирайся оттуда.

Девочка медленно взглянула на незнакомку. Всё лицо в ожогах и ушибах. Глаза красные и опухшие. Дрожащие губы

синие, как у мертвеца. Она с трудом протянула руку, едва выгибая локоть, но Кире этого было достаточно, чтобы схватить девочку и вытащить её наружу. Она прижала девочку к себе, понимая её чувства, как никто другой. Космея уже седлала коня и примчалась к ним, с очередной дымящей самокруткой в зубах. Ленн помогла девочке взобраться. Та, пошатываясь, уселась на коня и тут же без сил склонила голову в спину поджигательницы. Жеребец, хоть и был небольшого роста, крепко держал на себе трёх девиц. Они неторопливо поскакали из деревни, дальше на восток. Девочка всё время пихалась головой в спину наездницы, хотя пекарша придерживала её за плечи. Космея оборачивалась, стараясь разглядеть её повнимательнее.

– Малышка, ты как? – спросила она.

– Голова кружится, – ответила девочка.

– Кира, поменяемся местами. Не возбуждай коня, – настояла Космея.

Они шустро поменялись, словно прыгнув с места на место. Поджигательница повернула лицо девочки к себе, внимательно взглянув на опухшую гематому. Синяя, местами, как будто переливалась из одного бледного оттенка в другой более тёмный. На ощупь мягкая, оставляла белый, долго рассасывающийся, след. Космея вытащила из рукава тонкое лезвие, смочила слюной и приставила к опухоли девочки. Кира вздрогнула.

– Что ты собираешься сделать? – спросила она.

– Не хило ей в голову прилетело, но от удара такое не появляется. Скорее всего заражение.

Она сделала лёгкий надрез. Жёлтый гной вырвался наружу. Космея надавила, высвобождая рану. Вскоре гематома заметно уменьшилась, а девочка вновь смогла полностью раскрыть глаз.

– Ну, вот. Так-то лучше, – подбодрила поджигательница.

Она прикурила и невозмутимо прижгла спичкой открытую рану.

– Ай! – вскрикнула девочка.

– Рана затянется, но шрам вечно будет напоминать тебе о прошлом.

– Она и так напугана. Не усугубляй, – вставила своё слово Ленн.

– Я не напугана! – возразила девочка. – Я ничего не боюсь.

– О-о, надо же. Гляди, Кира, у нас тут бесстрашная дева. Именем хоть своим поделись.

– Зоя, – гордо ответила она.

– Зоя – глупое имя, – съязвила Космея. – Слишком крестьянское.

– А как зовут тебя?

– Меня зовут Космея, а эту красотку Кира.

– Космея? Как цветок?

– Да, точно, как цветок. Видишь, уже и мозги соображать начали.

Зоя улыбноулась, но заметно, что с трудом.

– Я голодна, – пожаловалась она.

– И я, кстати, тоже, – тут же присоединилась Кира.

Они пристально смотрели на Космею, будто с надеждой, что она сейчас вытащит целый мешок еды.

– Нехрен на меня так тарашиться, – ответила поджигательница. – Я не джин, желаний не исполняю, но, если хотите еды, то есть два пути: поймать или украсть. Что выбираете?

– Поймать, – быстро ответила Зоя.

– Украсть, – одновременно с девчонкой ответила Кира.

– Чтобы поймать, нужно возвращаться в леса, где полно живности. Чтобы украсть, нужно отыскать место, где есть, что красть. Уступи мне место, Кира. Прибавим ходу. Возможно, доберёмся до жилой деревни, ещё нетронутой алланами. В крайнем случае, сожрём этого коня.

Кира и Зоя переглянулись и не стали спорить с устремлённой подругой. Пекарша села сзади, обняв девочку за плечи. Космея ускорила. Конь скакал неторопливо, но юная Зоя всё равно, порой, едва не вываливалась из седла. Её укачивало, а ягодицы чесались от ноющего зуда. Вокруг виднелись лишь сплошные равнины и скромные лесные чащи.

– Ты вкусно пахнешь, Кира, – с грустью заметила Зоя.

– Ещё совсем недавно я пекла хлеб. Каждое утро свежая, горячая булка.

– Я люблю хлеб. Моя мама тоже пекла в нашей печке. И не только хлеб, но и булочки, и хрустяшки с мёдом, и печенье

в формочках.

– Да, это здорово.

– Скучаю по маме. Я видела... как он убил её.

– Я вспомнила песню. Моя мама пела мне её, когда я была маленькой. Помню было очень тепло. Я лежала в своей кровати. В жаровне трещал огонь. Пахло вкусным, свежем хлебом. Хочешь, я спою тебе? – предложила Кира, в попытке поднять девочке настроение.

– Хочу, – тихо ответила она.

Пекарша подняла глаза на голубое небо. Космея прислушалась, слегка замедлив жеребца.

– Мама говорила, что ей нет жизни без тебя. Взгляни, моя дорогая, как над нами шумит листва. Всё, лишь бы ты улыбалась сегодня и до конца. Не плачь, моя милая, мама была права... Золотое кольцо я куплю тебе, что ярче солнца, прекрасней звёзд и краше всей луны. А если вдруг оно наскучит, и ты забудешь яркий блеск. Я вернусь к ювелиру, что его продал, и засуну это кольцо в его богатый, лживый зад... пфу-у.

Зоя засмеялась, словно забыв о своих переживаниях. Космея радостно подтолкнула девчонок, указывая вперёд. За широким полем открылась деревня с десятком домов. Дома напоминали скорее временные халупы из досок и натасканных веток. Жители вспахивали небольшие участки земли, на которых росли овощи и фрукты. Таскали ведра с водой из ближайшей реки. Тушили свежее мясо, неизвестно-

го происхождения. Всё, как у обычных людей. Едва девушки приблизилась к домам, как жители стали окружать их, с подозрением осматривая. Зоя вглядывалась в недоверчивые лица, но вдруг замерла, заметив знакомые черты.

– Тётя? – с улыбкой изумилась она.

– Зоя! – радостно вскрикнула женщина средних лет.

Девочка спрыгнула с коня и устремилась в тёплые объятия близкого человека.

– Твоя мама ведь не пела тебе такую похабную песню, правда? – спросила поджигательница.

– Конечно нет, – ответила Кира.

Космея ухмыльнулась.

– Горжусь тобой, красотка.

– Господи Боже. Ты жива! – продолжала искриться от счастья тётя. – Я уж похоронила тебя, золотце. Плакать устала, а ты жива живёхонька. Какая ужасная рана. Сильно болит?

– Нет, всё в порядке. Это всё Космея меня вылечила.

– Космея? Какая Космея?

Женщина с ужасом взглянула на поджигательницу. Жители, едва услышав это имя, завидев чёрные, обгорелые руки, тут же попятились назад, стараясь даже не сталкиваться с известной убийцей. Космея привязала коня, и подошла ближе к ошарашенной женщине, в глазах которой, она видела, всё те же знакомые ей, страх и презрение.

– Иди в дом, дорогая. Проповедник осмотрит твои раны, – произнесла тётя.

Зоя улыбнулась Космее и радостно забежала в дом, где её уже ожидал седой старец, называемый здесь, проповедником, с длинной бородой и в мантии.

– Спасибо, что помогли Зое... я... благодарна, – с трудом выговорила женщина.

– Можешь оставить свою благодарность при себе, – встала поджигательница. – Мне похвалы не надо. Только накормите меня и мою подругу, и мы в расчёте.

Тетя кинула взгляд на старца, что стоял на пороге дома. Он кивнул.

– Хорошо, проходите в дом, гости. К обеду – суп.

– Надеюсь, ваши принципы не запрещают вам есть собачье мясо? – добродушно улыбнулся старик.

– А я та думала, откуда у вас мясо взялось. Нет, наши принципы нам мало чего запрещают. Да, Кира?

– Конечно, – уверенно ответила пекарша. – Лишь бы поесть, иначе я умру с голоду.

Она вошли в дом. Очень узкий, с низкой крышей, что приходилось нагибаться. Пустой, без мебели, лишь тройка сложенных одеял и тарелки с супом. Зоя уже активно хлебала из одной из них. Живот Киры урчал от одного только запаха. Разум, словно сам толкал её к наполненным тарелкам. Она жадно накинулась на еду, совершенно забыв о приличии. Космея присоединилась к ней, усевшись на мягкое одеяло и поправив свой, набитый склянками, пояс. Суп был вкусным. Очень. Безумно. Он сводил с ума. Кире казалось,

что это самое вкусное, что она ела в своей жизни. Голод – самый важный ингредиент для аппетитного блюда. Тарелки опустели в мгновение. Старец улыбался, глядя на довольных девиц.

– Ну, как? Понравилось? – любезно спросил он.

– Да, благодарю вас, – ответила Кира.

– Я рад.

Тётя наблюдала со стороны. Зоя ей улыбалась, но она следила лишь за Космеей. За её холодным взглядом. За её уродливыми шрамами. Поджигательница отодвинула тарелку, взглянув на проповедника.

– У вас здесь временное обиталище? – спросила она.

– Именно так, сестра. Всем людям, что здесь живут, повезло выжить.

– Кира такая же. Она из Тренны.

– Неужели? Нам довелось слышать, что там никто не выжил, но я рад, что вы выбрались живой и здоровой. Мои соболезнования вашей утрате.

– Космея спасла меня, – ответила пекарша.

Лицо тёти сморщилось от недовольства.

– Космея... очень великодушна.

– В таком случае, вы не откажете нам в ночлеге? – спросила поджигательница. – Давно я не спала под тёплой крышей.

– Да! – вдруг воскликнула Зоя. – Мы сможем поиграть вместе и будем спать рядом, как подружки.

Тётя злостно сделала шаг вперёд, словно вот-вот набро-

сится на гостью.

– Нет! – заявила она. – Вы не можете здесь остаться.

– Почему же? – возмутилась Космея.

– Ты знаешь почему... убийца.

В доме повисла тишина. Проповедник остановился прямо перед женщиной, закрыв за собой поджигательницу.

– Вы можете остаться, сёстры, – спокойно ответил он. – В этом месте рады всем потерянным душам.

– Хм-ф, – буркнула тётя и вышла из дома.

Маленькая Зоя едва сдерживала слёзы. Её тётя так и не обратила на неё внимание. Она сжалась в клубок, тихо шмыгая носом.

– Ну всё, не расстраивайся, – успокоила её Космея. – В конце концов, я же останусь ненадолго, а? Поиграем.

Девчонка кивнула, и они радостно выбежали из дома. Кира вышла за ними. Она осмотрелась. Людей было не видно, хотя звуки кропотливой работы доносились отчётливо. Кто-то упорно вспахивал землю за одним из временных жилищ. Скромный огород, примерно на пять добрых метров. Из земли торчали зелёные ростки моркови, капусты и, что-то, отдалённо напоминающее, картошку. Черновласый мужчина вскапывал очередную грядку, доставая из неё свежие овощи и бросая в корзину, что стояла рядом. Он делал это медленно, бережно, после чего долго капался в земле, стараясь не пропустить не единого плода. Он заметил Киру не сразу, только когда она остановилась у самого огорода.

– Новенькие? – спросил он, рассмотрев девушку.

– Можно и так сказать. Я из Тренны, – ответила Кира.

– Тренна... Что-ж, соболезную. Война никогда, ничего и никому хорошего не делает. Даже алланы, однажды, получают своё. Надеюсь, получают сполна, – грозно, дрожащим голосом произнёс фермер.

– А ты откуда?

– Из Везны.

– Везны? Я совсем недавно была там, она была целая.

– Всё меняется, фаль² Тренна, или как твоё полное имя?

– Кира Ленн.

– А я Демиан... Демиан фаль Везна. Ничего от Везны не осталось, только моё имя, – вздохнул он, внимательно взглянув на Киру. – Имена могут творить многое. От одного упоминания чьего-то имени можно вызвать радость, смех, гордость... или страх.

– Страх? Да, может у кого-то её имя вызывает страх, но не у меня, – ответила она, сразу поняв о ком речь.

– Конечно, каждому своё. Я считаю, что в этом мире все достойны жить, даже самые отпетые негодяи. Ведь, порой, лучше пощадить надоедливого паразита, чтобы другие паразиты, часто куда более опасные, не смогли занять их место. Ведь не смотря на все беды и ужасы, что происходят вокруг,

---

² Фаль – приставка к имени, указывающая происхождение человека. Например: Кира Ленн фаль Тренна – Кира Ленн из Тренны. Космея Плятер фаль Эверлен – Космея Плятер из Эверлена и т.д.

в том числе из-за злых деяний этих самых паразитов, я верю, что насилие – порождает ещё больше насилия.

Кира бросила взгляд на Космею. Она и Зоя сидели на скамье, что-то радостно обсуждая. Она, как всегда беззаботно курила, порой пуская дым прямо в лицо девочки. Правда, делала это совершенно не со зла.

– Она не настолько ужасна, как о ней говорят.

Фермер улыбнулся.

– Вот видишь, Кира Ленн, ты тоже веришь в хорошее.

Демиан вернулся к грядке. Ленн подошла к девушкам, которые уже добрались до азартных игр.

– Кира, сыграем в карты? – предложила Космея.

– Сыграем.

– Я бы сыграла с тобой на раздевание, но не удачное место.

К тому же, чего я там не видела.

Зоя звонко рассмеялась.

– Что разложишь?

– Разложу фул. Зоя только в него играть и умеет.

– Прости, я не сильно хороший игрок, – извинилась девочка.

– Забей, в игре главное – удовольствие.

Космея ловко раскидала каждому по шесть карт, оставив на многих из них тёмный след. Кира изучила свою «руку».

– «Ни одной шестёрки», – подумала она.

Поджигательница уверенно пошла первая, атаковав Зою. Очевидно, у неё шестёрка была. Девочка быстро отбилась,

шлёпнув карту на землю.

– Бита, – заявила Космея.

– Бита, – подтвердила Кира.

Зоя атаковала пекаршу, закинув ей карту посильнее. У неё явно была неслабая «рука», что девушки тут же уловили. Ленн спасовала, забрав карту. Плятер улыбочиво взялась за ход, продолжая закидывать «богатую» девчонку мелкими картами. Вскоре «рука» Зои заметно ослабла, и она осознала, что вне зависимости от начального положения, всё вскоре может измениться. Девушки играли до позднего вечера, веселясь и перекидываясь пошлыми шутками, которые явно не нравились Зоиной тётке. Заметив, что племянница клюёт носом, она отвела её в самый крайний дом, и та довольно быстро уснула. Тётя обнимала девочку, будто не желая больше отпускать. Проповедник стоял неподалёку, закидывая мелкие ветки в жаровню, что заменяла печку.

– Зачем вы позволили ей остаться, – вновь возмутилась она. – Неужто не понимаете, кто она.

– Я понимаю, – тихо ответил старец. – Но она тоже человек. Ей хочется тепла, как и всем нам.

– Она убийца! – вскрикнула тётя. – Её опасно здесь держать! Она уже околдовала Зою. Один Бог знает, какие мысли она успела ей внушить. Космея Плятер. Вы знаете, на какие дьявольские деяния она способна? Она сжигает людей заживо.

– Как и в столице Гретани. На площадях сжигают людей.

Только там это называют – божественной карой.

– Они сжигают преступников! А она... она ни в чём неповинных людей.

– Не нам судить людей за их деяния, сестра. Особенно в такое беспокойное время. К тому же, она не задержится здесь, уверяю тебя. Такие, как она, нигде не задерживаются долго. Вечно без дома, вечно в пути.

В это время Космея наблюдала за ночным небом, спрятав руки в карманы.

– Они так рьяно обсуждают тебя, что вся округа слышит, – подошла ближе Кира.

Ленн взглянула на небо, от которого её подруга не могла отвести глаз. Оно было усыпано звёздами. Самыми разными. Большими и маленькими. Светлыми и тёмными. Яркими и блеклыми. Но все создавали необыкновенной красоты вид, а особенно прекрасно небо смотрелось на фоне Космеи. Её облик, её силуэт, словно с холста талантливого художника.

– Зоя крепко спит. Она очень устала, – продолжила пекарша.

– Ещё бы. Провалиться под обломками уничтоженного дома. Любой бы устал, не так ли?

– Уйдём утром. Позавтракаем, попрощаемся с Зоей и отправимся дальше.

– Да, так и поступим. И если они не дураки, то тоже здесь не задержатся. Алланы очень близко. Рано или поздно они придут сюда. Видишь это поле... раньше оно всё приносило

свои плоды. На каждом сантиметре что-то да росло. Каждый клочок земли был живой. А сейчас... просто земля.

Кира изумлялась чуткости подруги. Даже просто глядя на пейзаж, она рассчитывала, предсказывала и предполагала. Возможно, именно это и помогло ей выжить в этом мире совсем одной. Ленн училась. Перенимала опыт, но всё же не верила в то, что может сравниться с бродячей поджигательницей. Пекарша обняла Космею за талию, прижавшись к её спине. Тепло пронеслось по всему телу. Они улыбались. Забыв о холоде, они улеглись прямо на траве. Сладкий поцелуй. Один за другим. Свистящий ветер, и они. Ничего больше.

Кира открыла глаза ранним утром. Пальцы сильно замёрзли на босых ногах. Она поспешила влезть в сапоги. Космея стояла рядом. Глаза закрыты, голова устремлялась вверх. Она воздела руками и широко раздвинула пальцы, поднимаясь на цыпочках, словно желая взлететь.

– Что ты делаешь? – изумлённо спросила Кира.

– Когда прохладный ветер продувает меж пальцев – это такое блаженство. Тебе не понять с твоей нежной кожей.

– Я замёрзла. Надо было спать в доме.

– Слишком уж холодные деньки для лета, не находишь? Но закалка тебе только на пользу. Пойдём, попросаемся с Зоей.

Ленн тихо вошла в дом. Зоя всё ещё спала. Тётя сидела рядом, наблюдая за племянницей. В доме холодало. Огонь в

жаровне погас, оставив лишь багровый уголь.

– Мы уходим, – произнесла Ленн.

– Хорошо, меньше от вас бед, – нахамила женщина.

– Вы... вы уходите? Уже? – сонливо спросила Зоя, потирая глаза.

– Да, попрощаешься с Космеей?

Зоя поднялась под недовольный взгляд тёти. Космея уже вывела на дорогу коня и успела прикурить самокрутку. Она добродушно улыбнулась, заметив, устало топающую, девочку.

– Эй, Зоя. Уже утро, выше нос, – подбадривала поджигательница.

Зоя обняла её. Космея на мгновение замерла. Странное чувство загорелось где-то в душе. Она стала ощущать это тепло всё чаще в последнее время.

– Надеюсь, что увижу тебя вновь.

– Мы с тобой не прощаемся, Зоя. Мы обязательно увидимся. Веришь?

– Верю. Спасибо.

– Тебе спасибо.

Девушки седлали коня и отправились дальше на восток. Зоя махала им вслед. Тётя недовольно глядела с порога дома. Проповедник улыбочиво кивнул. Фермер Демиан взялся за свой огород, даже не заметив ухода гостей.

***

Рыцари Гретани скакали весь день на своих бравых скаку-

нах в длинных изукрашенных чепраках. Они натыкались на разграбленные поселения, запёкшуюся кровь и мёртвых алланов, по следам которых пытались отыскать след эверленской поджигательницы.

– Очередные тела, командир! – доложил рыцарь.

Лерен приблизился. Воины в, прожжённых до черни, доспехах, с полностью выжженными лицами. Рот раскрыт. Чёрные зубы сыпались от малейшего порыва ветра, словно пыль. Он кричал от боли перед тем, как умереть.

– Да, Плятер была здесь. Я чувствую этот мерзкий запах горелого фосфора. Это её личный аромат.

– Сюда и указал этот охотник. Двинемся по следам, командир. Мы вот-вот её настигнем.

Лерен слез с коня. Он внимательно всматривался в следы на земле.

– «Одни глубокие, другие едва заметны», – думал командир. – «Эти глубокие явно мужские – следы охотников. А вот эти... женские. Их слишком много. Стоп... а это что? Кто здесь лежал?»

Следопыт шёл дальше. Чутьё вело его в сторону от битвы. К большому дубу. Он пригляделся. За травой лежал кусок ткани, который Лерен аккуратно подобрал. Он принялся.

– «Странный аромат, но определённо пахнет чем-то знакомым», – продолжал предполагать он. – Она здесь была... и похоже правда не одна.

– У вас есть предположения кто вторая девушка?

– Нет, пока нет, но мы это выясним. Скачем дальше. Найдите след!

– Есть, командир! – отозвался один из рыцарей. – Два женских следа ведут обратно на восток. Они шли пешком.

Лерен седлал коня. Они наткнулись на очередную сожжённую деревню, к которой привели следы.

– Снова мёртвый аллан, – заметил рыцарь. – Зарезан.

– Дальше следы ног обрываются, но начинаются следы копыт. Они нашли коня? – предположил другой.

– Следует за ними!

Вскоре они наткнулись на ту самую деревню беженцев. Огонь в домах полыхал. Вечер уже был поздним, поэтому жилища особенно привлекали внимание. Рыцари ворвались в деревню громко, вынуждая всех жителей сорваться с мест. Они быстро окружили каждый дом, внимательно осматривая всё вокруг. Проповедник вышел к ним первым.

– Чем могу служить, достопочтенные рыцари Гретани? – спросил он, слегка склонив голову.

Лерен осмотрел всех людей, собравшихся на улице. Он устремлённо охватывал взглядом каждого из них. Пробуждал в них страх и уважение.

– Жители! – громогласно обратился он. – Я обращаюсь к вас от имени правосудия Гретани! Мы идём по следу, известной в этих краях, убийцы! Космея Плятер фаль Эверлен, в народе также известная, как поджигательница из Эверлена!

Зоя в ужасе замерла. Тётя прижала её к себе.

– Она крайне опасна, – продолжил командир. – Она убивает, ворует и сжигает людей заживо. Она беспощадная и безжалостная убийца. Ваш долг послужить правосудию и очистить эту землю от греха! Скажите мне, она проходила здесь?

Старик глубоко вздохнул, привлекая взгляд Лерена на себя.

– Да, она здесь проходила, – ответил он.

Всадники заметно задёргались, забежав глазами.

– Куда она пошла, отче?

– На север, рыцарь.

Командир закинул голову, размышляя над ответом.

– Но на севере ничего нет. Зачем ей туда идти?

– Она вольная путешественница. Покуда мне знать, как она выбирает дорогу.

Рыцарь стиснул зубы. Его недовольство пугало, замерзающих на улице, жителей, но старик держался стойко, убеждённый в собственных словах.

– Он лжёт! – вдруг влезла в разговор тётя. – Она пошла на восток. Поймайте эту убийцу и придайте Божьему правосудию!

– Тётя! – заплакала Зоя. – Как ты можешь?!

– Ничего ты не знаешь, Зоя. Космея – злой человек. Я обязательно расскажу тебе, какое она чудовище, когда ты подрастёшь.

Зоя разрыдалась и забежала в дом.

– Примите благодарность от имени короля, миледи, – поклонился Лерен. – Вы совершенно правы. Космея фальш Эверлен – сам дьявол в человеческом облики. Не забывайте этого, жители Гретани!

Командир пнул коня и пустился на восток. Всадники устремились за ним. Проповедник тяжело вздохнул, опустив глаза.

– «Таков Божий замысел. Не нам вершить суд. Помоги, Боже, всем заблудшим душам», – молился он.

Рыцари быстро вышли на след. Они скакали во весь опор, уже предвкушая долгожданную встречу. Девушки продвигались неторопливо. Космея курила. Кира спала на её плече. Вдруг поджигательница дёрнулась, откинув самокрутку в сторону.

– Что такое? Ты чего? – задалась вопросами пекарша.

– Стой, тихо. Я что-то слышу... Чёрт! Сходим с дороги! Быстро!

Девушки спрыгнули с коня. Кира хотела забрать его с собой, но Космея остановила.

– Отпусти коня. Пускай бежит. Сюда!

Она ударила жеребца по крупе, и он понёсся вперёд, скрывшись в темноте. Девушки запрыгнули в один из засохших каналов, рядом с небольшим лесом. Их было не разглядеть в ночи.

– Что? Ты кого-то слышала? – шептала Кира.

Космея заметила несущихся всадников и заползла ещё

глубже в канал.

– О, чёрт... – выругалась поджигательница.

– Что? Снова охотники?

– Нет, хуже. Это гретанские рыцари. Они обученные солдаты и деньги их мало интересуют. Это тебе не помыльные наёмники. Небось этот шустрый ублюдок рассказал, что я в Гретани. Блять! Постой... если они знают обо мне, то значит знают и о тебе.

– Нет, они не могут обо мне ничего знать. Космея, что будет если нас поймают?

– Предадут священному огню.

– Мне страшно, Космея.

– Это хорошо. Хорошо, что тебе страшно. Значит твоя душа ещё не очерствела. Вот мне уже давно не было страшно, но сейчас... сейчас я почему-то боюсь.

Космея задумалась. Её взгляд был устремлён в одну пустую точку.

– Пойдём, придётся идти пешком, раз лошадь отпустили, – вскочила поджигательница с места.

– Может, лучше стоит переждать здесь?

– Они найдут нас. След обрывается, и, рано или поздно, они выйдут на это место.

Они прошли меж деревьев, постоянно оглядываясь по сторонам. Космея вела вперёд. Она заметила, как рыцари сверяют следы. Тяжело это делать в кромешной тьме, но их целеустремлённости не было предела. Жеребец девушек хо-

дил рядом с ними. И даже его тщательно осматривали.

– Жди меня здесь, Кира.

– Подожди, куда ты?

– Жди меня, Кира. Прошу, просто дождись меня и ничего не бойся.

Кира кивнула. Космея открыла пузырёк, сморщившись от тошнотворного запаха. Она вышла вперёд, облив свои руки смердящей жидкостью. Пекарша в ужасе наблюдала, как её подруга идёт прямо к рыцарям. Поджигательница остановилась неподалёку от них, раскинув руками. Её чёрный силуэт было тяжело заметить в темноте, поэтому рыцари не сразу осознали, что их цель находится совсем рядом. Она зажгла спичку и прикурила самокрутку на губах. Рыцари заметили яркий свет, что слепил, словно солнце. Они напряглись, потянувшись за своими мечами. Космея держалась хладнокровно, не сходя с места.

– Эверленская поджигательница, – прошептал Лерен.

Рыцари замерли, в какой-то момент, не ведая дальнейший план действий.

– Я так долго искал вас, госпожа Плятер! – уверенно обратился командир. – И вот, наконец, нашёл.

Космея молчала, продолжая дымить во все стороны.

– Где ваша сообщница? – осторожно оглядевшись, спросил он.

– Сообщница? Мне не нужна обуза. Я всегда всё делаю в одиночку.

– Сдавайтесь, госпожа Плятер. Понесите наказание за все злодеяния, что совершили и за всё горе, что принесли добрым людям. Вам не убежать от нас, какие бы трюки не были спрятаны у вас в рукаве.

– Мы не боимся тебя, убийца! – вдруг воскликнул один из рыцарей.

– Вы не боитесь меня? Надо же. Зато ваши кони прекрасно боятся меня... как огня.

Лошади нервно топтались на месте, то и дело, порой, пятились назад и вырывали поводья, не слушаясь своих всадников.

– Они чувствуют меня, – продолжила Космея. – Чувствуют этот мерзкий, обжигающий их горло, запах. Бу! – резко вскрикнула она и тут же бросилась бежать от растерянных рыцарей.

Лошади испугались, отказываясь делать и шаг, и даже сбросив одного рыцаря с седла. Космея оставляла после себя скверный запах. Лерен спрыгнул с испуганного коня.

– Быстро, за ней! За ней! – кричал он.

Командир со всех ног бежал за Космеей, что неслась по голому полю. Рыцари стучали своими доспехами, продавливая под собой траву, но несмотря на тяжесть, всё равно бежали быстро.

– Стреляй в неё! Стреляй! – приказал Лерен.

Один из рыцарей остановился, ловко вытащив из-за спины арбалет, и прицелился. Космея, услышав приказ о стрель-

бе, начала вилять из стороны в сторону, то и дело меняя траекторию бега, и шустро подпрыгивая ни с того, ни с сего, словно заяц. Арбалетчик выстрелил, но болт пролетел мимо поджигательницы. Рыцарь перезарядил арбалет и прицелился вновь. Космея уверенно отдалялась всё дальше, поэтому прицелиться и попасть точно в цель становилось всё сложнее. Арбалетчик выстрелил. Болт, казалось, полетел прямо в спину удирающей девушки, вызвав у стрелка радостную ухмылку, но в один момент, снаряду не хватило дальности стрельбы, и он упал прямо у сверкающих пяток преступницы. Космея приближалась к лесу.

– Нет! Нет! – обречённо закричал Лерен.

Он понимал, что догнать поджигательницу не выйдет. Плятер забежала в лес, и как будто мгновенно исчезла в его пучинах. Командир остановился прямо у опушки.

– Беги, Космея! Но я всё равно отыщу тебя, где бы ты не пряталась! Нет, стоять! – остановил он своих рыцарей, что хотели устремиться вглубь леса. – Она спалит весь лес, если того пожелает. Уходим. Отыщите наших храбрых коней.

– Командир, она сама пришла к нам? – задался вопросом рыцарь.

– Да, и даже с таким раскладом мы облажались.

– Я имею ввиду, командир, что она пришла не просто так.

– Конечно, нет, – ухмыльнулся Лерен. – Мы теперь знаем, что она не одна.

Космея тяжело дышала. Капельки пота едва были видны

на смуглом лице. Она прижалась к Кире, словно не видела её пол жизни. Обняла так крепко, так неловко, словно никогда не обнимала никого ранее.

– Они не знают кто ты, Кира. Не знают твоего имени и откуда ты... но узнают если будешь со мной.

– О чём ты, Космея?

– Они будут охотиться за мной, а значит и за тобой тоже. Иди без меня, красотка.

– Нет, нет, нет... Даже не смей бросать меня. Я не справлюсь без тебя. Я без тебя не выживу!

– Когда люди узнают о тебе! – перебила Космея. – Когда твоё имя будет вселять ужас в сердцах твоих врагов. Когда ты забудешь чувство страха... Тогда мы встретимся с тобой вновь, и обещаю, больше никогда не расстанемся. Наши имена будут бок об бок звучать в веках. А сейчас я лишь потяну тебя вместе с собой на костёр.

Космея улыбнулась. Так искренне, так мило, внушая невероятную уверенность и страсть к жизни.

– Тебе есть, за что жить. У меня так давно не было этого чувства. Я просто бродила и не знала для чего мне жить. А ты... подарила мне это чувство. И тебе, Кира, есть за что жить. Помни о своей цели. Фаль Дреанн. Пускай это имя будет твоим компасом. Отомсти за своих родителей. Отомсти за свой дом. Но не как я... Только не будь такой как я, прошу тебя. Выбери иной путь, и поверь, ты добьёшься куда большего. Иди к своей мести до самого конца и не оглядывайся.

Ты такая добрая и ласковая. И не смей реветь. Мы не прощаемся... Мы ещё встретимся с тобой, Кира Ленн. Я люблю тебя.

Они схлестнулись в объятиях. Космея поцеловала её в щеку. Горький, жгучий поцелуй на алых щеках.

– Мы ещё увидимся, Космея... Увидимся. Обещаю.

– Обязательно. Беги, красотка.

Кира кивнула, вытирая слёзы. Она шла вперёд. Не хотела оборачиваться. Судьба вела её вперёд. К новым испытаниям.

Старожилы вопят наверху,
И стервятники мечут еду.
Бойся озлобленных глаз,
Из них кровь прольётся сейчас.
Бабка из леса придёт
И в тёмную даль заберёт.
И ты будешь жалеть об одном,
Что не умер солнечным днём.
– Детская песенка

Глава 4

Моё имя

Кира устало брела по дороге. Карет, всадников и обычных пешеходов становилось всё больше с каждым шагом. Они часто проходили то туда, то обратно, особо не замечая светловолосую девушку. Ноги болели. Кровавые мозоли разрослись размером с черешню. Она уверенно держала путь в Л'э Сакрэ – столицу Гретани и по совместительству самый крупный город королевства. Город производил неизгладимое впечатление своими размерами и красотой. Высокие, изящные крыши домов. Обширные сады. Величественные замки и дворцы, колонны, памятники и обелиски. Толпы людей бродили по главным улицам, вдоль торговых витрин и фасадов. В этом городе было очень легко запутаться и нарваться на неприятности. Рыцари на своих гордых конях вальяжно расхаживали по площадям. Шлюхи, прямо напротив храма, сверкали голыми бёдрами. Люди, которых Кире никогда не доводилось ранее видеть, с необычным чёрным цветом кожи, что тянули за собой рикши с богатыми аристократами. Нищие бродяги, просящие милостыню у дороги, и шустрые мальчуганы, стремящиеся свистнуть что-нибудь мелкое с прилавка. Жизнь кипела и бурлила в этом шумном

городе. Кира периодически в кого-то врезалась, не в состоянии привыкнуть к большому потоку людей. Она отошла в сторону от дороги, стараясь идти с краю, но даже здесь ей всё время приходилось быть начеку. Живот урчал. Как совсем недавно, голод терзал вновь. В столице Гретани продавалось всё, что угодно. От спелых фруктов в любое время года до аппетитных сочных вырезок. Но стоило это всё баснословных денег, которых у Киры, естественно, и в помине не было. Позади послышалась возмущённая ругань.

– Эй, стоять! Чёртовы дети! – ругался один из продавцов.

Местные ребята, на вид не старше тринадцати, ловко умыкнули с прилавка несколько яблок и, со звонким смехом, быстро скрылись в толпе. Никто за ними не гнался, никто не ловил. Они приходили, брали чужое, и уходили, как ни в чём не бывало. Торговец поправил свои фрукты для более привлекательного вида. К нему подошли очередные покупатели и он, словно вовсе позабыл о недавнем воровстве. Кира заметила торговую палатку. Вокруг бродило много народу. Продавец отвлёкся, разбирая корзины со свежим хлебом. Буханки лежали прямо на прилавке, на самом виду. Ленн подошла, как можно ближе, не привлекая к себе лишнего внимания. Вдруг она подпрыгнула вперёд, схватила ещё тёплую буханку и бросилась бежать.

– Воровка! – крикнул продавец ей вслед.

Кира пробежала несколько метров, как вдруг почувствовала сильный толчок в плечо. Буханка выпала из её рук, тут

же затерявшись среди ног прохожих. Кто-то наступил ей на ладонь. Другой на ногу. Ещё один чуть не прошёлся прямо по груди. Она торопливо поднялась, опасаясь, что её вот-вот затопчут, даже не заметив. Тёплую буханку хлеба она так и не нашла, хотя старательно осмотрелась по сторонам. Она зашла за тёмный переулок. Здесь воняло, словно в сточной канаве. Кира в ярости ударила ведро, что стояло рядом. Оно опрокинулось и из неё вылилось тошнотворное месиво фекалий и мочи. Пекарша взглянула вверх. Из открытых окон вываливали испражнения прямо на улицу. Ленн поспешила удалиться отсюда, пока что-нибудь не прилетело ей на голову. Она вышла к одному из общественных садов. Здесь было куда спокойнее, нежели на торговых площадях. Люди сидели на скамейках, гуляли, обсуждали житейские дела, но и тут, конечно, местные предприниматели не забывали обогащаться. Несколько скромных прилавков стояли вдоль дороги.

– Услышьте, дети Божьи! Напасть пришла в наши дома и вскоре не оставит ничего, кроме боли и страданий! – рьяно произносил речь глашатай.

Он был одет очень броско: в красном кафтане и шляпе с золотым крестом. Он возвышался на постаменте. Люди внимали его словам, собравшись в центре сада. Кира подошла ближе, прислушавшись к его речи.

– Алланы топчут нашу землю! Мы будем ждать, когда они доберутся до столицы?! Король уже собрал армию и вскоре даст им бой. Отбросит варварский сброд назад, к морю! Они

– звери! Чудовища в человеческих обличиях! Тренна, Везна, Щецин – все уничтожены и испепелены! Никто не выжил в этом аду!

– Я выжила! – заявила Кира.

Люди обернулись на неё. Глашатай приумолк, изумлённо взглянув на девушку.

– Я Кира Ленн фаль Тренна! – гордо представилась она. – И я выжила в этом аду и видела, что творят алланы, собственными глазами.

– Поднимись ко мне, дитя, – пригласил её глашатай. – Поднимись и расскажи нам, что видели твои очи!

– Я не хочу вам ничего говорить.

– Ты должно быть голодна! – надменно подметил он. – Если расскажешь этим людям о ужасах, что принесли тебе варвары, то я поделюсь с тобой божьим даром.

Глашатай указал на стол, позади себя, на котором стояли тарелки с едой. Кира нахмурилась. Взгляды зевак прожигали её. Она сделала шаг навстречу глашатаю, что уже освободил ей место на пьедестале. Вдруг неизвестный грубо схватил её за плечо. Она обернулась. Высокая женщина вся в белом нависала прямо перед ней. Её грозный взгляд пугал. Острые черты лица. Морщины и длинные седые волосы, уложенные назад, выдавали её почтенный возраст. На пальцах дорогие серебряные и жемчужные перстни. Одета она была в белое, дорогое на вид, платье чуть ниже колен. На ногах высокие сапоги, что напоминали сталь, однако, при должном рассмот-

рении, оказались окрашенной кожей. Захватываяюще.

– Ты что, серьёзно собралась туда? – сурово спросила она, нахмурившись. – Не иди на поводу у этого пустозвона. У этих трусливых баранов, развесивших уши. Ты ведь не труслива, раз так гордишься своим именем. Да, Кира Ленн?

Кира восхищённо наблюдала за ней. От каждого её слова, её грозного вида, от её высокомерия бросало в морозную дрожь.

– Я хочу есть, – ответила она.

– Хочешь еды, то просто возьми.

Женщина взяла с ближайшего прилавка зелёное яблоко и протянула Кире.

– Позвольте я протру его для вас, госпожа, – любезно обратился торговец фруктов.

– Заткнись, – отрезала женщина, даже не взглянув на него.

Продавец тут же умолк, опустив глаза.

– Ешь, – настояла она.

Кира не знала, что манит её больше: предвкушение, блестящего на солнце, яблока или пугающее очарование незнакомки. Она взяла яблоко и жадно отгрызла большую часть. Женщина зловеще ухмыльнулась. Она явно была довольна. Незнакомка ловко достала из-за пояса одну крону и бросила на прилавок торговца. Он радостно поклонился.

– Пойдём, Кира Ленн. Я хочу услышать твою историю.

Женщина уверенно двинулась вперёд по улице. Кира поспешила за ней, обглодав яблоко и оставив лишь обгры-

зенную плодоножку. Незнакомка непоколебимо шла вперёд, несмотря на толпы людей. Замечая её перед собой, они спешно расступались. Она их не замечала, словно прогуливаясь по улице совершенно одна.

– Не молчи, Кира. Расскажи, что случилось в Тренне, – потребовала она.

– Алланы пришли рано утром. С большой армией...

– Насколько большой? – перебила женщина.

– Эмм... Довольно большой. Несколько тысяч всадников.

– Вот значит как... Продолжай.

Кира торопилась за ней, словно собачка на поводке, стараясь не затеряться в толпе, но всё же умело подбирала нужные мысли:

– Они сожгли Тренну, ограбили и убили всех. Потом, насколько мне известно, двинулись в Везну...

– Расскажи о Тренне, – вновь перебила она. – Кто погиб?

– Я же сказала, все! – раздражённо ответила Кира.

Женщина остановилась, обернувшись к запыхавшейся девушке.

– Кто эти все, Кира Ленн? Твои близкие? Те, кого ты любила? Кто погиб?

– Да, мои родители и люди, с которыми я выросла... Все.

– Жаждешь мести?

Кира замерла, стиснув зубы. Её взгляд пылал.

– Да, – нетерпеливо ответила она.

Незнакомка вновь довольно улыбнулась.

– Славно. В тебе бурлит жизнь. Мне это нравится... Очень нравится. Глядя на тебя, я вспоминаю, как когда-то и меня вела дорога мести. Я предлагаю тебе сотрудничество, Кира Ленн. Ты поработаешь на меня, а я не дам тебе сдохнуть с голода. Как тебе такое предложение?

Кира взглянула с недоверием, но самоуверенность этой гордой женщины, будто убеждала её согласиться. Она кивнула.

– Славно. Моё имя Селенна Роммель, но с этого дня ты будешь обращаться ко мне не иначе, как госпожа. Уяснила?

– Да... госпожа.

– Славно. Пойдём.

Селенна ускорила шаг. У одной из придорожных таверн своевольно бродил белый длинногривый конь. Изящный. Бросался в глаза, словно лежавший на земле слиток золота. Пока другие лошади стояли привязанные к столбам и коновязям, этой славной кобылке открывались все дороги. Возмущённые жители пытались отогнать коня, который жрал всё, к чему успевал принюхиваться. Рыцари Гретани наблюдали за этим отчуждённо, прекрасно осознавая, что такое благородное животное принадлежит богатой особе. Кобыла, увидав хозяйку, сразу помчалась к ней. Селенна ловко запрыгнула на неё, протянув руку своей новой подчинённой. Кира уселась позади.

– Это что вы себе позволяете, женщина?! – возмущённо обратился к ней местный. – Ваша лошадь всё моё сено по-

жрало! Извольте узнать, кто за это заплатит? Коней привязывать надо, чтобы беспредел не учиняли!

– В следующий раз приготовь что-нибудь повкуснее сухого сена, моя кляча недовольна. Уйди с дороги!

Кобыла бросилась вперёд по воле хозяйки, чуть не сбив местного мужчину с ног. Селенна неслась в белом одеянии, на белом коне по улицам города, дальше в самый центр столицы. Некоторые прохожие кланялись, другие в страхе расступались, третьи не переставали возмущаться скотским манерам, но госпоже было всё равно. Золотые ворота перед ней распахнулись. Она въехала в большой трёхэтажный дом, больше походивший на королевский дворец. Ухоженный цветущий сад. Листья аккуратно выметены в незаметный угол. И даже подстриженные деревья – вот уж диковинка. К ней подошёл старик. Он был одет довольно просто, в обычный белый халат и что-то, отдалённо напоминающее, тапочки. Сперва он производил впечатление мужа Селенны, но вскоре поклонился, и обратился к ней с превеликим почтением:

– Госпожа Роммель, необычайно рад вашему возвращению.

Селенна спрыгнула с коня, отправив его гулять по саду.

– Накорми эту тощую девку, Хорст, и чтобы она к обеду уже была в подвале, – распорядилась она и поспешила в дом.

– В подвале? – спросила Кира.

– В боевом подвале, – улыбочиво ответила Хорст. – Пройдёмте, юная леди. На завтрак у нас была овсянка с подлив-

кой. Надеюсь, не откажетесь от завтрака в такой час?

– Нет, конечно, нет.

– В таком случае, прошу за мной.

Кира последовала за слугой. Он провёл её в дом. Вокруг было множество мебели: тумбы, шарниры, лампы, диваны, роскошные люстры и даже скульптуры размером с медведя. На кухне было тепло, хоть и пусто. Хорст указал девушке на стул, а сам взял чистую тарелку и принялся накладывать кашу из кастрюли. Он поставил наполненную тарелку перед Кирой. Она, недолго думая, взялась за ложку. Слуга молча стоял рядом, наблюдая за оголодавшей гостьей.

– Ты так и будешь смотреть на меня? – насторожилась Кира.

– Да, – без капли сомнения ответил Хорст.

Её пугало такое отношение. Это место, эти люди – всё казалось необычным. Кира опустошила тарелку. Слуга поставил перед ней стакан с соком. Ленн попробовала.

– «Как вкусно», – подумала она. – «Хоть и слегка кислыват».

– Вы утолили свой голод, леди?

– Да, более чем.

– Хорошо, в таком случае, прошу за мной.

Кира поднялась из-за стола. Хорст шёл по длинному коридору, как вдруг резко завернул за угол и остановился, указав на дверь.

– Прошу, спускайтесь.

Ленн открыла дверь и неторопливо спустилась по скрипучей лестнице. На стенах мечи из самой разной стали и из самых разных точек мира. Щиты, доспехи, копья, арбалеты, и вообще, невиданное раннее, оружие.

– Садись, – приказала Селенна, пнув по деревянному стулу.

Кира послушалась. Перед ней стояло зеркало. Давно она не видела своё отражение. Лицо бледное, уставшее, с засохшими пятнами крови и с прилипшим пеплом. Волосы взъерошенные. Вся шея в грязи. Ей захотелось умыться.

– Ну, как, нравится собственное отражение? – спросила госпожа.

– Да, я красива.

– Не смей меня! – воскликнула Селенна, схватив Киру за волосы. – Грязное лицо. Кривая спина. Глаза смотрят всё время в пол. Руки, как будто ты всю жизнь разгребала дерьмо. Что ты ими делала, Кира? В какие дыры залезала?

– Я проделала долгий путь! – возмутилась пекарша. – У меня не было времени привести себя в порядок.

– В своей голове ты представляешь себя иначе – гордой, сильной, страстной, а в отражении видишь простолюдинку с рынка, – Селенна начала расчёсывать волосы ученицы, больно вырывая спутанные локоны. – Красоту нужно заслужить. Ты должна хорошо выглядеть.

– Зачем? Потому, что я женщина?

– Нет, потому что ты госпожа. Выпрямись! Вытяни шею!

Грудь вперёд! Люди низшие не заботятся о своём теле, и поэтому окружают себя грязью, завистью и невежеством. Мы же воительницы, госпожи, повелительницы. Наш облик должен соответствовать нам. Пускай каждый видит, пускай каждый знает, – кто выше их по праву.

Кира терпела боль. Слова госпожи вдохновляли её. Вселяли уверенность и непоколебимость.

– Расскажи мне о своём происхождении. Кем были твои родители?

– Они пекли.

– Семья пекарей?

– Да.

– Как просто... У меня всё было не так. Я родилась и выросла в замке. В огромном замке, и прожила там двенадцать лет. И за все двенадцать лет так и не смогла посетить все его комнаты. Мы жили вдоволь, даже слишком. Так было... пока не началась очередная война. Мой отец служил королю, поэтому сразу же ушёл на фронт, забрав с собой моих братьев. Но войну мы проиграли, и новый король отобрал наш большой замок. Мне было четырнадцать, когда я покидала свой дом. Я вернулась туда лишь спустя двадцать долгих лет. Ночью. Одна. В замке тогда находилось сто двадцать туш. Я перебила их всех... всех. А к рассвету я просто открыла ворота и ушла, оставив позади себя сто двадцать тел. Мои руки были чёрные от крови. Помню, как сильно они горели. Ладони жгло, словно я держала горящие угли. Кровь буквально разь-

едала мои пальцы... Но я была довольна. Удовлетворение от исполненной мести – самое сладкое чувство из всех. После того случая поползло столько слухов. Тогда меня прозвали: «белая смерть». Мне так нравилось, когда меня так называли. Ведь больше всего на свете люди страшатся смерти. Меня не сожгли на костре только потому, что никто не поверил, что девушка могла перебить сотню солдат. Для них это было чем-то фантастическим. Глупцы. Они даже не представляли, как это было приятно. Сейчас к нам совершенно иное отношение. Нас боятся и при любом удобном случае кидают на костёр... В конце концов мой замок законсервировали. Он по сей день стоит пустым, и даже самые бесстрашные воины бояться заглядывать туда. Бояться наткнуться на смерть... На меня!

– Но справедливость не восторжествовала. Вы так и не вернули свой замок.

– Справедливость? Забудь это слово. Мир не справедлив. Если у тебя отобрали что-то, судьба не вернёт тебе этого обратно, не уничтожит твоих врагов, и Бог не накажет их за грехи. Ты должна сама вернуть то, что принадлежит тебе! Сама вершить правосудие!

– Для этого придётся убивать.

– Люди убивают друг друга всю свою историю. Смерть – это не более, чем игра. Человеческая жизнь стоит не больше, чем жизнь помойного червя. Чтобы свершить правосудие и отомстить своим врагам, ты должна уметь и любить убивать.

Я научу тебя, Кира Ленн. Научу тебя быть смертью. Вставай!

Кира поднялась, уложив волосы назад. Селенна схватила два меча на стене: один бросила девушке, а другой оставила себе. Она направила остриё в сторону ученицы. Кира неумело подняла меч. Держать его было непривычно. Он всё время падал из рук, и пекарша не могла сконцентрироваться ни на чём больше.

– Держи его крепко, Кира Ленн! Схвати меч за горло, словно хочешь задушить его!

Кира стиснула зубы и сжала ладонь, что есть сил. Селенна быстро напала. Лезвие просвистело у лица. Ученица попятилась. Меч вылетел из её рук.

– Что ты, блять, делаешь?! Подними его, сейчас же! – командовала Селенна.

Кира схватилась за меч, направив на мастершу. Селенна вновь напала. Ленн пыталась отбиваться, торопливо отступая на дрожащих ногах. Звон мечей оглушал. Прямо как тогда, в Тренне. Она боялась снова услышать звук вонзающегося лезвия в человеческую плоть. Госпожа нанесла мощный удар сверху. Кира жёстко упала на колени, выронив меч. Селенна озлобилась и что есть сил ударила ученице пощечину. Кровь брызнула с её губ на каменный пол. Кира разозлилась. Глаза загорелись. Она вскочила на ноги и напала, махая мечом в сторону госпожи. Удар за ударом она чувствовала, как меч становится с ней одним целым. Она уже не считала его чем-то лишним, не считала его тяжёлым бременем, нежели

оружием. Усилия Ленн приводили Селенну в восторг. Она ловко крутанулась, запутав невнимательную ученицу, и ударила лезвием прямо по её рукам. Благо, меч оказался не таким острым, как казался на первый взгляд, но кровь и резкая боль всё же охватили нежные руки пекарши. Она дрожала. Слезы сами скатывались по щекам. Ей хотелось сдаться. Невыносимая боль во всём теле ломала хрупкую девушку.

– Я больше не могу. Такими темпами вы убьёте меня, – пожаловалась Кира.

– Значит сдохнешь, так и не успев утолить свою жажду мести. Судьба жестока, девчонка, привыкай. Поднимайся! Вставай! Дерись, пока твоё сердце всё ещё бьётся! Невозможно победить человека, который не сдаётся.

Кира медленно поднялась на ноги, вновь схватившись за меч.

– Не должно быть вещи в этом мире, способной тебя остановить, – продолжила госпожа. – Ты должна быть жестока, сильна и беспощадна. Равнодушна к смерти и страданиям других. В тебе не должно остаться ни капли сомнений, ни капли сожаления, лишь цель... лишь месть. Тебе придётся убивать, тебе придётся проливать кровь, в том числе и невинную. Твоё имя должно вселять ужас всякому, кто его произнесёт! Кира Ленн. Да... мне уже интересно, как тебя прозовут. Какой кличкой тобой будут пугать детей. Разве ты не желаешь этого, Кира? Если нет, то просто смирись со своим ничтожным существованием... и убирайся из моего до-

ма! К чему ты тратишь моё время и ноешь при мне?! Ненавижу слабых и трусливых людей.

Кира глубоко вздохнула. Успокоилась. Она постаралась отбросить резкие словесные выпады госпожи и направила на неё меч.

– Однажды я пообещала дорогому мне человеку, что никогда больше не пролью слёз. Поэтому, простите мне мою слабость, госпожа. Я не слаба и не труслива, и докажу это, – уверенно произнесла ученица.

– Славно. Это я и хотела услышать. Бейся!

Селенна напала. Кира отразила, прикрывшись мечом. Она старательно пыталась заглушить мысли, что пугали её, и думала лишь о мести. Госпожа давила её своим мастерством, не давая никаких поблажек. Била, что есть сил, порой задевая кожу, но пекарша терпела острую боль и продолжала защищаться. Вдруг она зашипела от резкого удара в пах, но не растерялась и отпрыгнула в сторону. Селенна заметила.

– «Как шустро», – ухмыльнулась она.

Кира быстро отошла от госпожи и приняла боевую стойку, ожидая очередного нападения. Селенна замерла, уставившись на свою ученицу с изумлённым видом.

– Что это за поза? Ты что, сейчас обосрёшься? – спросила она.

Поза Киры напоминала пьяного солдата, готового броситься в бой. Ноги широко расставлены. Спина кривая. Меч вовсе смотрел куда-то в пол.

– Ты кого-то копируешь, – заметила Селенна, прищурив глаза. – Да, точно. Ты где-то увидела, как кто-то махает мечом и пытаешься повторить эти клоунские манеры.

– В моей деревне жил мечник, – ответила пекарша. – Он часто тренировался в поле. Многие зеваки собирались, чтобы поглазеть.

– Мечник – мужчина?

– Да.

– Когда я только начинала тренироваться, то моим учителем был мужчина. Он показывал мне приёмы, обучал и вечно трепался о правильном положении тела. Он обучил меня базе, но дальше я просто не в состоянии была продвинуться. У меня просто не получалось. В конце концов он плюнул и заявил, что женщине никогда не стать умелой фехтовальщицей... Полоумный идиот. Конечно же, он ошибался. Может природа и обделила нас, женщин, крупными, бычьими мышцами, но дала взамен куда больше.

Селенна взмахнула мечом. Её выпады напоминали молнию. Она двигалась столь плавно и быстро, что меч исчезал в её руках. Казалось, что даже воздух замирал, скользя по слепому лезвию.

– Ловкость! – резко выкрикнула госпожа и сделала очередной чарующий выпад. – Скорость! – и снова взмах мечом, напоминающий танец. – Тактичность!

Она выпрямилась, гордо закинув голову. Серебряный клинок сливался с её распущенными белыми волосами. Она

напоминала героиню былых поэм.

– Да... Если бы только женщины осознали, на что они способны, а не томились в гнилых лачугах, мы бы давно построили прекрасный мир. Понимаешь, девочка?

– Да, я понимаю.

– Славно. Подними меч и сражайся как женщина, и с этих самых пор, бери пример лишь с женщин. Ни один мужчина не научит тебя быть настоящей воительницей. Будь хитрой и неуловимой. Будь непредсказуемой и безумной в каждом своём решении.

Кира задумчиво взглянула на меч. Краем глаза осмотрелась по сторонам. Она резко сделала шаг вперёд. Селенна приготовилась к нападению, выставив меч, но ученица и не думала приближаться. Она крутанулась и метнула меч в мастершу, словно тяжёлый булыжник. Клинок вылетел столь быстро и решительно, что Селенна едва успела увернуться в самый последний момент. Меч звонко ударился о стену.

– Ну, и что теперь будешь делать без оружия? – ухмыляясь, спросила госпожа.

Кира взяла со стены тонкую саблю и направила на Селенну.

– Славно... Нападай, – бросила мастерша.

Кира бросилась к ней навстречу. Она наносила прямые удары «иглой», стараясь попасть в самые открытые места, но госпожа демонстрировала свои выдающиеся мастерство и ловкость. Она парировала, отражала, отбивала, отпрыгивала

от острого клинка, и при этом, не переставала довольно ухмыляться. В один момент она схватила Киру за волосы, выбила из рук саблю, ударив прямо по кистям, и отбросила её от себя, так, что в ладони у неё остался клочок светлых локонов. Ученица схватилась за голову. На кончиках пальцев осталась алая кровь.

– Плевать, – произнесла Селенна, выбросив вырванный клочок на пол. – Всё равно тебе стричься. На сегодня закончим наше развлечение. Иди прими ванну, Кира. Я велю Хорсту привести тебя в порядок. Не бойся оголяться перед ним. Этот старый хрыч уже давно импотент. Хочу, чтобы к ужину ты была краше принцессы Гретанской.

– С вырванным клочком волос? Если только принцесса лысая.

– Шутишь? Славно. Это я люблю. Вот только вырванные волосы – это самое малое, что тебя ждёт.

Селенна подмигнула и покинула боевой подвал. Кира осталась одна. Вокруг воцарилась гробовая тишина. Ещё мгновение назад здесь звенела сталь, а сейчас – покой. В этом месте, в этой тишине Киру окружали мысли. Пульсирующая боль отошла на второй план. Забылась. На неё накатила усталость. Ей хотелось упасть на пол. Дать отдохнуть ноющим мышцам. Выбросить ненужные переживания и страхи. Но кровь всё ещё бурлила в её жилах. Сердце всё ещё бешено колотилось, после ожесточённой тренировки. Она поднялась на ноги, вернула саблю и меч на место, и покинула под-

вал. У двери её уже ожидал Хорст. Он держал в руках позолоченную шкатулку.

– Пройдёмте, госпожа Ленн, – вежливо произнёс он и отправился на второй этаж.

Слуга вошёл в большую ванную комнату. Белоснежная наполненная ванна стояла посреди комнаты. Множество зеркал и тумб с ванными принадлежностями. Хорст ждал. Кира вспомнила слова госпожи и без сомнения оголилась перед ним. Слуга сразу же поднял её вонючие, рванные вещи и бросил в угол комнаты. Пекарша залезла в тёплую ванну. Вода сначала потемнела, а затем приняла алый оттенок. Месиво из грязи и крови превратило воду в нечто напоминающее сточные испражнения. Киру это мало волновало. Тёплая вода успокаивала. Нескрываемое удовольствие. Она прикрыла глаза, полностью расслабившись. Слуга подошёл сзади, приподняв девушку за плечи. Он заметил синяки и пятна крови на голове, поэтому прикоснулся осторожно, стараясь не дёргать запутавшиеся локоны. Сначала он умело выпрямил их, выглаживая меж пальцев. Затем расчесал толстой расчёской и закрепил часть волос шпилькой. Он поднёс ножницы и принялся стричь слипнувшиеся пряди. Хорст обстригал уверенно, довольно большие объёмы. В конечном итоге от длинных волос осталась лишь короткая причёска, едва дотягивающаяся до щёк. Кира поднялась, и Хорст накинул на неё полотенце, вытирая с ног до головы.

– Вам явно нужно набрать вес, госпожа Ленн, – добавил

он.

– Да, наверное, ты прав, – согласилась худощавая девушка.

Слуга вынес ей белый наряд. Он напоминал броское платье Селенны с жемчужинами, с элегантными подвязками и с поясом, строго обтягивающим талию. Кира влезла в него идеально. Мастерша умело подобрала размер, чем вызвала некоторые вопросы.

– Это платье некогда принадлежало госпоже Роммель, – ответил Хорст, заметив любопытство девушки. – Ваша стройная фигура очень похожа на её... Конечно же, в молодые годы. Госпожа Роммель уже ждёт вас в зале на первом этаже. Приятно аппетита, госпожа Ленн.

– Ты не пойдёшь со мной?

– Нет, госпожи едят отдельно от прислуги. Скоро вы освойтесь, госпожа Ленн. Ступайте же, не заставляйте госпожу Роммель ждать.

Киру изумляло почтение и преданность слуги. Никогда в своей речи он не смел назвать ни Киру, ни Селенну иначе, как госпожа, и повторял это в каждом своём обращении. Своими манерами он располагал к себе и заслуживал безграничное доверие. Спина исключительно прямо, руки спрятаны позади, на лице улыбка, а взгляд устремлён на собеседника. Хорст не жестикулировал, не мямлил, говорил чётко и по делу. Наверное, поэтому Селенна доверяла ему все свои тайны и желания, а может, это она и воспитала его та-

ким, какой он сейчас. Кира кивнула ему и спустилась на первый этаж. Платье было весьма комфортным. Не стягивало, не путалось. Казалось даже, что пекарша двигалась в нём куда быстрее, чем обычно. Тёплый запах веял из просторного зала. Он охватил буквально весь этаж, пробуждая аппетит. За столом сидела Селенна, вертя в руках серебряную вилку. За столом было всего два места, поэтому Кира быстро заняла свободное. Блюда выглядели роскошно: рыба, нарезанные овощи и фрукты, свежий хлеб, и даже цветы, плавающие в стакане с чаем.

– Прекрасно выглядишь, – отметила Селенна, взглянув на ученицу.

– Спасибо, госпожа.

– К сожалению, моё зрение уже не такое чёткое, как раньше. Помню, я могла поразить летящего ястреба с одного выстрела, а теперь... едва могу разглядеть, сидит ли на тебе моё платье.

– Оно сидит идеально, как будто под меня сшили.

– Славно. Я так и подумала, когда впервые тебя увидела.

Ты так напоминаешь мне... меня.

Селенна отрезала кусок рыбы и положила в рот.

– Скажите, госпожа. Я долго должна тут пробыть?

– Во-первых, ты никому ничего не должна. Только мне, разумеется. А во-вторых, я хочу, чтобы ты выполнила для меня дело, когда будешь готова.

– Когда же я буду готова?

– А-а... мести хочется. Вот в чём дело. Не терпится пойти пролить кровь. Ты будешь готова, когда я тебе скажу. Слушай меня, и добьёшься своей цели. Поняла?

– Да, госпожа.

– Видишь ли, Кира Ленн. Всё это богатство вокруг получено не просто так. Хоть я и родилась с серебряной ложкой в жопе, в этом мире приходится вертеться даже таким, как я. Но с каждым годом я осознаю, что уже не могу убивать и получать от этого удовольствие, как и раньше. Мой лимит подходит к концу. Смерть дала, смерть и забирает. Поэтому ты выполнишь дело за меня, и будешь свободна. Более того, я укажу тебе путь.

Кира оторвала взгляд от тарелки.

– Укажите путь?

– Именно. Дело в том, Кира Ленн, что я лично знаю человека, которого ты ищешь... фаль Дреанна. Его имя сейчас у многих на устах на этой части материка. Он тот ещё ублюдок, можешь верить.

– Я сделаю всё, что вы скажите, госпожа. Я хочу его смерти.

– Конечно, хочешь. Завтра мы продолжим твоё обучение. И послезавтра, и послепослезавтра, и каждый день, пока я не скажу тебе, что ты готова. А пока, подай мне соль.

Кира взглянула на три подписанные баночки на столе с белым содержимым. Она знала буквы, пытаясь разобрать каждую поочерёдно, но Селенна уже протянула руку, так что

ученица поторопилась передать ближайшую баночку.

– И конечно же, в первую очередь научу тебя читать. Ты дала мне крахмал, тупая ты деревенщина, – повысила голос госпожа. – Ты же пекла хлеб, могла хотя бы по внешнему виду определить. Учись, Кира Ленн, пока у тебя есть такая возможность. Никто не будет воспринимать тебя всерьёз, если ты выглядишь как отребье, ведёшь себя как деревенщина, а мозгов у тебя как у вшивого скотника.

Селенна поднялась из-за стола, и подошла к Кире сзади, положив руки на плечи.

– Ну, ничего. Я научу тебя. Ты станешь истинной госпожой. Я позабочусь об этом. Приятного аппетита, Кира Ленн.

Она оставила ученицу одну в тёмном зале. Вновь тишина. Кира следила на свечой, что освещала стол. Огонь медленно догорал, напоминая ей о Космее.

– «Слишком спокойный огонь. Ни искр, ни дикого пламени, ни тошнотворного запаха. Нет, это не Космея», – думала Кира.

Она спокойно доела свой ужин. Аккуратно приложила свои волосы. Вытерла руки и губы салфеткой. Взглянула на своё отражение на дне тарелки. Красива и строга. Взгляд пылал. Безупречно и пугающе. Именно такое отражение Кира хотела видеть всегда – безупречное отражение.

***

Кира видела лицо Космеи. Целовала её шею. Чувала её возбуждающий запах. Угли догорали в камине. Становилось

холодно, поэтому пекарша ещё сильнее скрутилась в одеяло. Солнце уже просачивалось сквозь штору, но из-за мороза вставать совершенно не хотелось. Она попыталась вновь уснуть, чтобы продолжить видеть незабытую подругу, но всё тщетно. В голову лезли уже совершенно иные мысли.

– «Славный... славный сон», – подумала она. – «Жаль, что он закончился».

Кира поднялась с кровати. Первым же делом она подошла к камину и взяла ведро с тёплой водой. Она тщательно вымыла лицо, руки и ноги. Причесалась. Уложила свои волосы назад, немного покрасовавшись голой перед зеркалом. Нанесла на щёки лёгкие румяна и тёмную туш на глаза. Влезла в белоснежное платье и затянула пояс, снова взглянув на своё отражение.

– Безупречно, – произнесла она.

Кира покинула свою комнату и направилась напрямиком на кухню. Хорст готовил завтрак и, увидав девушку, довольно улыбнулся.

– Доброе утро, госпожа Ленн. Как вам спалось?

– Славно, Хорст. Очередной прекрасный день.

– Сегодня, Госпожа Ленн, действительно прекрасный день. Выгляните на улицу. Выпал снег.

– Неужели? Зима близко.

– Я бы сказал, очень близко, госпожа Ленн. Придётся топить больше печей. Морозы, чую я, будут те ещё.

– Представляю.

Кира смотрела в окно. Белый снег покрыл всё вокруг.

– Как думаешь, Хорст, госпожа скоро отправит меня выполнить её поручение?

– Думаю, что скоро, госпожа Ленн. Вы здесь уже четыре месяца и многому научились. Лично я считаю, что вы истинная госпожа.

– Вари кашу, Хорст. И подай её вовремя.

– Конечно, госпожа Ленн.

Кира покинула кухню и заметила Селенну, стоящую у окна.

– Иней на окне, – заметила она. – Знаешь, что это значит?

– Что на улице мороз?

– Именно... мороз, мать его. Зима – жестокое время. Люди гибнут как мухи, и чтобы выжить готовы на многое: убивать, грабить, переступать через свои принципы и идеи. На всё ради жизни. Пойдём, разведем обстановку.

– Значит завтрак отменяется?

– Пожрать ещё успеешь. Одевайся тепло. Хорст!

– Да, госпожа Роммель? – выскочил из кухни слуга.

– Подготовь нам коней.

– Слушаюсь, госпожа Роммель.

Он тут же поспешил в конюшни, накинув на себя шерстяной плед. Кира вернулась в свою комнату и залезла в шкаф. Белое длинное пальто с меховыми рукавами и высоким воротником сразу же ей приглянулись. Ленн надела пальто, такие же белые перчатки и сапоги, и поторопилась во двор.

Хорст уже вывел белогривых лошадей, что в снежном окружении блистали особо привлекательно. Кира уверенно седлала коня. Селенна вышла из дома, натягивая белые перчатки.

– Чтобы к нашему приходу, завтрак был на столе, – приказала она.

– Слушаюсь, госпожа Роммель. Удачной вылазки.

Кони погарцевали через широкие ворота в город. Селенна ехала впереди. Кира не отставала, заодно оглядывалась по сторонам. Людей вокруг было заметно меньше, нежели летом. Нищие, укутанные в несколько порванных одеял, сидели прямо на холодной земле и просили милостыню. Торговцы позакрывали свои палатки, переместившись внутрь собственных домов, поэтому улицы заполнили бедняки, попрошайки и воры, бегающие глазами в поисках жертв. Госпожи приближались к главному дворцу Л'э Сакрэ, к тому самому, в котором жила королевская семья. В любое время года, днём и ночью, ворота во дворец отворялись лишь в редких случаях. Дворец был окружён высоченным забором, что с его верхушки, казалось, можно разглядеть всю столицу. Стражники, гретанские рыцари, солдаты и божественный орден охраняли это место ценой своих жизней, свято веря, что король и его семья благословлены на правление самим Богом. Селенна медленно проходила вдоль стального, покрытого морозным инеем, забора.

– Здесь живёт твоя цель, – обратилась она к Кире.

– Моя цель?

– Именно. Здесь живёт граф Вентор. Поговаривают, что даже жена короля не столь близка к королю, как этот граф. Именно он уговорил короля не атаковать алланов до весны. Именно он управляет большинством военных формирований, и поговаривают даже самими рыцарями Гретани. Твоя задача – убить этого убудка. За его изуродованную башку, лежащую на кафели, мне предложили немалую сумму. У тебя не будет права на ошибку. Если тебя поймают, то тебя будут пытаться и, в конечном итоге, сожгут на площади.

– Меня не поймают, госпожа. Я всё сделаю, как надо.

– Славно. Значит, слушай. Через два дня во дворце отмечают день рождения принцессы. Именно в этот день главные ворота будут открыты, так что с проходом через ворота проблем не возникнет. Но тебе нужно проникнуть куда дальше, в сам дворец, куда уже не пускают кого попало. Поэтому подготовься как следует.

– Я готова. Мне уже не терпится.

– Славно. Покажешь, чему ты научилась за эти месяцы. Надеюсь, что мои усилия не пропали даром. Зайдёшь во дворец, отыщешь Вентора, убьёшь его, отрубишь ему голову и уйдёшь. Всё просто. Остерегайся стражи и рыцарей, их будет очень много. Но самое главное – не попадайся на глаза ёбанного ордена. Эти фанатики – поехавшие мрази, коих тебе не доводилось видеть в своей жизни. Воспользуйся своей хитростью и ловкостью. Не забывай шевелить мозгами и всё

у тебя получится.

– Конечно, госпожа. Я всё сделаю как надо.

– Славно... Фу-х, дубак. Возвращаемся.

Кони галопом ринулись вперёд. Кира обернулась на, объятый снегом, королевский дворец.

***

Спустя два дня весь город разбудили звонкими ударами колокола. Народ с самого раннего утра собирался у дворцовых ворот, хотя открывались они ближе к вечеру. Звон колокола разносился по всей столице. Кира зарылась в подушку, скорчив недовольную мину.

– Ебучий колокол, мать вашу! – воскликнула она, вскочив с постели.

Кира вылетела из комнаты, направившись на первый этаж.

– Хорст! – звала она.

– Да, госпожа Ленн? – откликнулся слуга.

– И долго они будут по ушам ездить?

– Около часа, госпожа Ленн.

– Часа? Ты что, блять, шутишь? В такую рань? Ещё даже не рассвело.

– Каждый год одно и то же, госпожа Ленн. Каждый житель Л'э Сакрэ обязан праздновать день рождения её милости.

– Может тогда мне и её прикончить, раз всё равно загляну.

– Уверенна в себе, да? Славно, но не строй из себя маньячку, – влезла в разговор Селенна, спускаясь по лестнице. – В

первую очередь сделай своё дело, и не привлекай лишнего внимания.

– Я знаю, госпожа. Каждый день напоминаете.

– Напоминаю, чтобы ты запомнила!

Кира взглянула на слугу.

– Хорст, мне нужна твоя одежда.

– Принесу всё, что пожелаете, госпожа Ленн.

– Я сама возьму.

Кира устремилась на второй этаж и вошла в спальню Хорста. Скромное обиталище, хоть и весьма уютное. Она залезла в шкаф. Множество разнообразной одежды от элегантных костюмов до ношенных рубашек. Ленн перебрала несколько широких невзрачных штанов, подобрала топ с капюшоном, и не оставила в стороне даже грязные сапоги. Она схватила одёжку и вернулась в свою комнату, бросив тряпки на пол. Кира упала обратно на кровать, прикрыв уши подушкой.

– «Этот звон закончится», – думала она. – «Хочу видеть дивный сон. Хочу увидеть её ещё хоть раз».

Время будто ускользнуло у неё из-под рук. Казалось, что прошло мгновение, но на деле пролетели часы. Звон колокола прерывался и начинался вновь, заставляя Киру витать между сном и пробуждением. Она пыталась уловить блеклый облик Космеи, но он всё время ускользал прочь.

– «Надоело».

Кира открыла глаза и поднялась на ноги. Примерила одежду Хорста, что валялась на полу и взглянула на себя в

зеркало. Мешковатая одежда слуги смотрелась на ней, как брошенные тряпки на вешало. Непримечательно. Скучно. Бедно.

– Славно. В самый раз, – кивнула Ленн, прикрыв верхнюю часть лица капюшоном.

Она спустилась по лестнице. В доме было тихо и темно. На улице медленно вечерело. Кира не стала искать ни Хорста, ни Селенну и сразу отправилась к выходу. Едва она вышла на улицу, как конь заржал, привлекая внимание хозяйки.

– Не сегодня, – ответила Кира.

Конь успокоился, провожая госпожу взглядом. Ленн направилась прямо к королевскому дворцу. Из всех окон домов излучался яркий свет. В центре былолюдно, но на крайних улицах народу виднелось куда меньше. У ворот высыпала целая толпа нищих. Они всё ждали, когда же откроются главные врата. Ждали, когда к ним упадут объедки с королевского стола. Ленн остановилась неподалёку, высматривая происходящее со стороны.

– Дай монетку, дорогая, – обратился к ней нищий, лежащий на земле у одного из домов.

Кира взглянула на него. Чумазый. Неотёсанный. В кудрявой бороде гниющие крошки от еды. Вместо одежды – грязные лохмотья. Он похотливо глядел на неё, пучил глаза и подёргивался, то ли нетерпеливо предвкушая подачку, то ли скрытно мастурбируя на незнакомку под пледом.

– На кой тебе монетка? На бутылку сивухи? – спросила

Кира.

– Нет, что ты, я уже давно с этим завязал. Хочу убраться из Л'э Сакрэ. Надоел мне этот город. Нихрена тут хорошего. Сука.

– Королевские подачки просить не пойдёшь? Говорят, даже монетки подкинут.

– Нет, – буркнул нищий и отвернулся, словно обидевшись. – Я не прошу подачки у этих ка-ра-ле-й...

– Надо же, какой гордый в обосранных портках. У меня монету ты попросил, а у короля не хочешь.

– Так, это... по тебе я вижу, что ты нормальная, наша деваха, так сказать. А эти... во дворцах – не наши. Мы с тобой живём в аду – в величайшем творении Господа. Оглянись вокруг, мы уже горим во всех котлах ада.

– Какие возвышенные мысли в голове у нищего. Если мы жители ада, то кто тогда тебе богачи во дворцах?

– Слуги дьявола.

Кира осмотрелась. На поверхности грязной лужи сверкала луна. Королевские ворота начали медленно отворяться. Рыцари и стража теснили толпу, что торопилась прорваться вперёд. Ленн вытащила из рукава монету в десять крон. Нищий жадно вытаращил глаза и протянул руку. Кира поиграла пальцами прямо перед его носом и скрыла монету за ладонью.

– У тебя есть два пути, – обратилась она к нищему. – Первый, ты возьмёшь эту монету и пропьёшь её в первом же па-

бе, или второй, ты купишь на эту монету место на корабле, или повозке, или на неведомом вездеходе, мне плевать, и отправишься в лучшие места. Твой выбор. Это покажет, говоришь ли ты правду или нагло лжёшь.

Нищий испуганно взглянул в её, леденящие душу, глаза. Его руки задрожали, и он торопливо их спрятал. Кира швырнула крону ему на колени и направилась в сторону дворца. Нищий провожал её взглядом. Блестящая монета лежала на его коленях. Он жадно спрятал её, прижав к груди, и побежал по пустой улице. Неизвестно куда он отправился. Послушал зов разума и умчался из города или же поспешил в ближайший паб. Кто знает, но в столице выпивку в тот день наливали совершенно бесплатно.

Кира смешалась с толпой, медленно продвигаясь через ворота. Люди пытались разойтись в разные стороны, но стража отталкивала их обратно, создавая собой непроходимую стену. Вдруг толпа остановилась. Напыщенно разодетый мужчина приковал к себе взгляды. Его одежда светилась. Факелы и лампы горели вокруг него столь ярко, что даже светлый дворец блек на его фоне.

– До-о-бро пож-ж-аловать в Л'э Сакрэ – город мечты! – воскликнул он столь пафосно, словно готовился к этому всю жизнь. – Сегодня день рождения нашей с вами любимой принцессы. Прекрасный день. Чудесный день! Эй, ты, – обратился он к незнакомцу из толпы, тыкнув в него пальцем, – да, да, ты! Ты похож на самого короля, ей Богу, только лицо

не такое одухотворённое. Ха-ха-ха!

Нищие переглянулись, не особо оценив шутку.

– Эх, ладно, чёт с вами, – продолжил артист. – Какая сложная аудитория. Скоро принесут вам ваше хручево, Божьи твари! Всем хватит сполна!

Толпа заметно оживилась, подняв руки. Кира начала протискиваться сквозь толпу. Стражник даже не заметил, как она шустро скрылась за ближайшим кустом, коих было много вдоль дворцового сада. Она свободно прошла дальше. Рыцари охраняли центральный вход во дворец, но у самой двери, что была настежь распахнута, было пусто. Ленн быстро устремилась к ней, совершая на носочках длинные шаги. Она ворвалась во дворец и даже не заметила чернокожего слугу, что стоял прямо перед ней.

– Здрастуйте, госпоше, допре позаловать в гости её величества. Хотити напиток? – с жутким акцентом обратился он, поклонившись.

Кира сняла капюшон, приняв серьёзный, высокомерный вид. Она взяла стакан с напитком с подноса.

– Говорить бы научился, раз служишь здесь, – ответила она, отхлебнув освежающего напитка. – Фу! Мерзость, – Кира сморщилась и швырнула стакан об стену. – Убери это, обезьяна, и уйди с дороги.

Слуга послушался и отошёл. Кира устремилась вверх по лестнице. Она заметила воинов святого ордена. Они бросались в глаза. Их холодные взгляды и надменные лица. Их ост-

рые шляпы и сверкающие доспехи. Мимо них нельзя было пройти без внимания. Кира спряталась, решив пойти по другому коридору. Королевский дворец был куда больше дворца Селенны. Множество комнат, коридоров, лестниц и проходов, как и куча бродящего народа: служанки, гости, стражники, дворяне. Кира проходила мимо них уверенно. Её светлые волосы сияли. Бледная кожа придавала аристократичности. Зелёные глаза, как у истинной дворянки. Никто бы не посмел даже обратиться к ней, и уж тем более остановить без должных на то причин. Кира вдруг схватила пробегающую мимо служанку за руку. Та дёрнулась, со страхом взглянув в глаза незнакомой госпожи.

– Скажи мне, дорогая, где мне найти графа Вентора? Подскажешь? – спросила Кира, словно заигрывая со служанкой.

– Если честно... я не знаю, госпожа. Но, кажется, его видели на третьем этаже с гостями.

– Славно. Ступай, красotka.

Она отпустила служанку, и та бросилась бежать дальше, испуганно обернувшись. Кира отыскала лестницу и поднялась на третий этаж. Казалось, что с каждым этажом рыцарей и воинов ордена становилось всё больше. Они стояли чуть ли не у каждой двери и каждого коридора, а служанок и гостей вовсе не было заметно. Кира накинула капюшон, внимательно оглядываясь по сторонам. Она схватилась за отцовский клинок на поясе. Шла незаметно. Тихо. Неуловимо. Голоса становились отчётливее. Гул толпы слышался где-то за сте-

ной. Кто-то громко смеялся. Кира остановилась у одной из дверей и прислушалась.

– О-о-о, госпожа Кац, вы, несомненно, самая прелестная дама во всём Л'э Сакрэ. Я повидал немало нынешних красавиц, так что можете мне верить. И... только, между нами, вы краше даже самой королевы.

– Ха-ха-ха! Граф Вентор, вы мне льстите.

– Как просто было тебя найти, – улыбнулась Кира и вошла в комнату.

Золотой стол. Золотые фонари. Золотая мебель. И даже стаканы, и те из золота.

– Чёрт возьми! Роскошно живёшь граф, – обратилась пекарша, осмотревшись.

– Вы кто, госпожа? – спросил он.

Кира резко вытащила клинок и метнула в девушку рядом. Остриё пробило ей грудь. Бежевое платье разорвалось. Она рухнула на пол, забившись в конвульсиях. Густая лужа крови расплылась под ней. Граф с ужасом взглянул на неё. Её лицо уже не было прелестным. Рот открыт. Слюна лилась по щекам. Широко раскрытые глаза застыли на мёртвой точке. Её дыхание сбилось, и она замерла с подобным выражением лица.

– Давно хотела окропить этот клинок кровью. Ей не повезло, что она была с тобой.

– Что за дьявол? Ты убила её. Господи! Стража!

Кира накинута на графа, повалив его на пол. Она села

прямо на него, прижав рот ладонью и взглянув в глаза. Он боялся. Ленн чувствовала его страх, и он доставлял ей удовольствие. Она вытащила клинок из груди девушки. Кровь довольно быстро залила золотистый пол.

– Я слышала, граф, что ты на хорошем счету у короля, – прошептала Кира. – Слышала, что ты не хочешь бить алланов. Они тебя купили? Или может ты хочешь, чтобы здесь была Алланария? Или ты просто трусливая сучка и боишься войны? Один хуй ты мне не нравишься. Я ненавижу алланов, и всех, кто якшается с этими мразями. Я ненавижу тебя, Вентор. Алланы сожгли мой дом. Мой дом! – воскликнула она. – Меня зовут Кира Ленн фаль Тренна и это имя последнее, что просвистит в твоей башке... конечно, вместе с моим клинком.

Граф широко раскрыл глаза. Кира замахнулась и ударила остриём прямо в лицо. Она била в глаза, в рот, в щёки, в лоб. Ещё и ещё. Кровь брызгала во все стороны. Вентор дёргался, махал руками, но ничего не мог поделать. Кира превращала его лицо в кровавый фарш. Она улыбалась. Граф перестал подавать признаки жизни. Ленн схватила его волосы и начала резать плоть вдоль шеи. Грубо, небрежно, словно кусок мяса. Она потянула, и голова отделилась от туловища. Кира бросила голову на золотой стол, а сама упала на пол, пытаясь отдышаться. С пальцев капала тёплая кровь. Она сидела в грязной алой луже.

– Славно. Славно, – шептала она.

Кира сделала глубокий вдох и поднялась. Она залезла в гардероб графа, и, схватив, первую попавшуюся, одежду, вытерла с себя кровь. Ленн вышла из комнаты и резко остановилась. Перед стоял мальчик в элегантном костюме. Броские рукава, высокий воротник, золотистые пуговицы и вышивка ручной работы. Знатный мальчуган. Он улыбчиво смотрел на девушку не отрываясь.

– Чего тебе, пацан? – спросила Кира.

– А почему ты вся грязная? – наивно задал он встречный вопрос.

– Упала в лужу.

– Когда я падаю, меня сразу ведут купаться.

– Богатенький?

– Мой папа – наместник Л'э Сакрэ.

– Даже так. Твой батя крутой, что могу сказать.

– Да, я знаю. А твой папа тоже крутой?

– Мой папа – мёртвый.

– Ох, это плохо.

– Ты вообще, чего тут делаешь? Где твой крутой папа?

– Он на балу. Празднует день рождения принцессы. А я сбежал. Скучно у них там, а я играть хочу.

– Хочешь я с тобой поиграю, пацан?

Мальчишка довольно кивнул.

– Хорошо, в таком случае, я жду тебя у западного дома.

Знаешь, где запад?

– Знаю. Меня в академии всему учат. Только папа мне

говорит за пределы дворца не ходить.

– Ну ты же хочешь поиграть, правда? Поверь, там очень весело.

– Ну, хорошо, я приду.

– Славно. Я буду тебя там ждать. Не заблудись.

Кира вылезла через ближайшее окно. Мальчишка побегал по лестнице, чтобы поспеть за новой подругой. Она прошла тем же путём. Нищие уже радостно жрали объедки с земли, не забывая набить друг другу морды и обматерить с ног до головы. Артист всё время смеялся и подначивал жадный люд. Кира ворвалась в толпу. Шустро растолкала всех на своём пути и вышла через открытые ворота, как ни в чём не бывало. Она подобрала ржавый топор, торчащий из пенька, и остановилась у западного дома. Мальчишка, словно собака, вырыл под забором землю и пролез через дыру. Он осмотрелся и увидел подругу, что смотрела на яркую луну.

– Эй, ты и правда здесь! – обрадовался он, подбежав к ней. – Во что мы будем играть?

Кира схватила его за плечо и завела за переулок. Он заворожённо наблюдал, как его довольная улыбка отражается в блестящих зелёных глазах. Он доверял Кире. В её нежном девичьем облике он видел материнскую теплоту. Ленн смотрела на него жадно, холодно. На её лице растянулась ухмылка. Чувствовала, как приятно орудовать тупым лезвием. Она замахнулась топором и всадила лезвие в череп мальчишки. Он дёрнулся, раскинув руками. Глаза закатились. На лице

повисла гримаса ужаса. Она наносила точные и быстрые удары. Тёплая кровь брызгала ей в лицо. Кира била столь сильно, что рука дрожала от ударов. Сердце бешено колотилось. Удар за ударом. В такт неудержимому биению. Не было на всей земле никого, кто бы мог её остановить.

– «Человеческая жизнь – ничто. Грязь на чёрной земле. Всего лишь пепел в удушающем воздухе», – вспоминала она слова Селенны.

Кира остановилась, лишь когда от черепа мальчика остался окровавленный кусок плоти. Тело так и осталось лежать в грязном, заблёванном переулке рядом с ржавым топором. Она медленно вышла на пустую улицу. Холодный ветер продувал, раздражённую от крови, кожу. Ленн аккуратно достала из кармана белый платок и вытерла лицо. Она заметила, как из окна соседнего дома выглядывала молодая девушка, с ужасом вглядываясь в горящие глаза незнакомки.

– Запомни меня, – сказала Кира.

Вряд ли девушка услышала, но точно была впечатлена. Её поразил незабываемый ужас. Страх, что глубоко вонзился в самое сердце. Кира игриво подмигнула ей и бросила платок к телу мальчика. Она отправилась к главным воротам столицы, уверенная в своих силах и желаниях. На, запачканном кровью, платке, алыми нитками сверкала надпись: «Ленн».

Алый рассвет встретил нас тем утром. Замок семьи Роммель был залит кровью всего за одну ночь. Погибли девяно-

сто девять солдат королевской гвардии, шесть офицеров и пятнадцать воинов святого ордена. В ходе расследования мы расспросили местных и простых зевак обо всём, что могло бы помочь нам отыскать виновных, но всё о чём они смогли поведать нам, так это о женщине в белом. В целом, всё сходилось. Женщина в белом, никто иная, как Селенна Роммель, что жила здесь двадцать лет назад. По моему приказу её немедленно арестовали. Она полностью признала свою вину. Заявила, что ворвалась ночью в замок и убила сто двадцать вооружённых мужчин и профессиональных воинов. Мои коллеги смеялись с каждого её слова. На суде она повторила своё признание с гордо поднятой головой. Я, впервые за свою тридцатилетнюю карьеру, услышал, как в здании суда разносился хохот. Её оправдали. Никто не мог поверить в её признание. «Женщина не способна быть воином. Это нонсенс», – вынесли они вердикт. Расследование продолжилось, но других подозреваемых так и не нашли. В конечном итоге виновными признали группы разбойничьих алланов, что под покровом ночи разорили замок. Селенну Роммель в народе прозвали «белой смертью». Вскоре и вовсе пошли слухи, что она была убита. Правда, лично я видел её не раз прямо в Л'э Сакрэ, на белом коне. Мне показалось, что она узнала меня, но я отвернулся, спрятался от её глаз. Не желаю с ней связываться. Пускай лучше она официально числится умершей. Со «смертью» шутки плохи.

– Из дневника Альвина Лора – начальника королевской

гвардии Л'э Сакрэ

Глава 5

По следам

Холодало. Буря усиливалась. Снег завалил дороги. Коню с трудом удавалось преодолевать заметённые тропы, но Кира безжалостно подгоняла его вперёд. Она укуталась в тёплый шерстной плед, осматриваясь вокруг. Следы копыт отчётливо уходили в сторону от дороги. Она свернула за ними. Жеребец споткнулся и упал в снег от бессилия. Кира успела спрыгнуть, встав по колено в сугроб.

– Не встанешь, замёрзнешь, – обратилась она к лошади.

Конь устало выдохнул. Ленн присмотрелась. Впереди светился огонёк. Её глаза загорелись. Она устремилась на встречу свету. Жеребец заржал и, что есть сил, вскочил на копыта. Рядом с таверной находилась конюшня. Кира вошла в неё, внимательно взглянув на животных. Алланарские ковры на седле, забытые множеством краденного хлама: мечами, щитами, серебряными и позолоченными монетами и мешками с чем-то звенящим внутри. Она проверила свой клинок, что висел на поясе.

– «На месте», – подумала Кира и скрыла его за длинным пледом.

Она вошла в таверну. Тепло сразу же приятно ударило по

замёрзшим щекам. Группа алланов сидела за одним из столов. Больше в таверне, кроме запуганного хозяина заведения, никого не было. Она приблизилась к нему и высунула голову из-под пледа.

– Я хочу угостить пивом этих алланских мразей, – обратилась она к хозяину таверны.

– Прошу вас, не стоит устраивать здесь разборки, – шептал он. – Мне и так с трудом удалось договориться с ними. А вы девушка, они вас вовсе...

– Я сказала, – прервала Кира, – я хочу угостить этих мразей.

Она бросила на стол звонкую монету в десять крон. Алланы обернулись. Хозяин заведения кивнул, не решившись спорить с этой, всерьёз настроенной, госпожой. Он набрал три кружки пива и преподнёс воинам.

– Уважаемые господа, эта госпожа вас угощает, – поклонился хозяин, указав на Киру.

Алланы жадно ухмыльнулись, взглянув на незнакомку.

– Ты угощаешь нас, женщина? Вот это я понимаю! Иди к нам, красотка, – подозвал её один из них.

Кира медленно приблизилась. Трое алланов поднялись из-за стола и быстро её окружили, высматривая её женские прелести. Она заняла их место, сев напротив одного из воинов.

– Вы далеко забрались. Отделились от остальной армии? – поинтересовалась госпожа.

– А тебе та что? Мы, алланы, народ вольный. Хотим туда идём, хотим сюда. Любим золото, выпивку и красивых девушек.

– Особенно блондинок, – добавил другой воин, но Кира не отводила глаз от аллана напротив.

– Вы были в Тренне?

– Да, заскакивали, – усмехнулся он.

Кира злобно взглянула на своего врага. Её кровь бурлила от ненависти. Сердце готово было броситься в бой.

– Хочешь меня трахнуть?

– О-хо-хо! – радостно рассмеялись воины.

– Конечно, хочу, детка. Даже если бы ты не спросила, я бы тебя всё равно трахнул.

– В таком случае, сделай мне одолжение. Срази меня.

Кира поставила локоть на стол, предлагая борьбу на руках. Аллан усмехнулся и уткнул локоть в стол в ответ, приподняв намокшую рубашку, из-под которой показались подкаченные мускулы. По его грязной коже стекали капли пота, а сам он не отводил глаз от красотки, то и дело, поигрывая набухшими венами. Они схватились ладонями. Кира сохраняла спокойствие, пока аллан оттопыривал пальцы, стуча по её бледным костяшкам.

– Ну, давай, женщина. Победит сильнейший.

Другой солдат наклонился над столом и начал отбивать. Один удар. Два. И, наконец, три. Кира усилила хват, впившись своими ногтями между костяшек аллана. Он сморщил-

ся от боли. По руке, до самого плеча, распространилась резкая боль. Его сильная рука немела под каждым нажатием хитрой пекарши. Аллан сдавался. Уже в этот момент Кира могла положить его одним резким движением, но продолжала впиваться ногтями всё глубже, сильнее сжимая кожу, вызывая мучительную боль.

– Ты играешь нечестно, девка, – зашипел он, уже не в состоянии сдержать болезненного кряхтения.

– Знаешь, как меня зовут, аллан? – стиснув зубы, спросила Ленн. – Моё имя Кира Ленн... фаль Тренна.

Аллан широко раскрыл глаза. Его товарищи потянулись за мечами. Кира заметила это в тот же миг. Она всем телом навалилась вперёд и резко повалила его руку на стол. Аллан завопил от боли, упав на бок. Ленн запрыгнула на стол и обнажила свой клинок. Один из воинов бросился на неё с мечом, но госпожа ударила ногой ему в лицо, и он попятился назад, ударившись затылком об один из столов. Она быстро устремилась на встречу третьему, прыгнув прямо на него. Едва он успел замахнуться, оттолкнуть девушку от себя, как Кира перерезала ему горло. Тёплая кровь брызнула на пол, на его грязную грудь и заблёванные ботинки. Он застыл на месте, сжав шею ладонями. Из-под пальцев сочилась кровь. Пробивалась, словно неуправляемый водопад. Он не двигался, стоял на дрожащих ногах, боясь пошевелиться и сделать лишний вздох. Второй аллан, почесав затылок, попытался подняться, рефлекторно выхватив меч. Кира под-

бросила клинок и схватилась за его окровавленное ребро³, метнув прямо в алланского солдата. Остриё вонзилось точно в цель. Воин схватился за пах.

– А-а-а! – завопил он от дикой боли.

Из-под его чёрных от грязи и мочи штанин, на пол полилась столь же неприятное кровавое месиво. Тошнотворный запах заполонил всё помещение. Хозяин таверны бросился к окну, дабы вдохнуть свежего воздуха. Кира выдохнула и присела прямо на стол, за которым бледный аллан держался за свою руку. Из локтя торчала раздробленная кость. Кровь капала со стола на пол. Воин дрожал. Он обливался потом. Каждая его мышца пульсировала от невыносимого жара.

– Ты... ты сломала мне руку, – из последних сил, осторожно прошипел аллан.

Кира хлебнула пива из кружки.

– Я ищу фаль Дреанна. Скажи, куда он ведёт армию?

– А-а-а-а! Сука! – возопил другой воин с торчащим из мошонки клинком.

– Заткнись, нахуй! – заткнула его Ленн, и вновь взглянула на аллана за столом.

– Даже если ты найдёшь фаль Дреанна, то ничего не добьёшься. Тебе не победить целую армию.

– Это уже не твоя забота. Говори, куда они идут. В твоих же интересах не тратить время. Иначе рука загноится и твои последние дни будут страшно мучительными.

---

³ Ребро клинка – место наибольшего сечения для удобного метания.

Аллан в ужасе взглянул на свою руку. Посмотрел на Киру, и снова на руку. Он тяжело дышал. Его тело трясло, а разум медленно погружался в туман.

– А-а, они... они идут в Валенхол. Там... там, чуть севернее. Фаль Дреанн ходит кругами. Он что-то задумал, но я не знаю, что именно. Пожалуйста, прошу, помоги мне. Мне больно. Очень... очень больно.

Воин захрипел. Горькие слёзы покатались по щекам. Он хотел подняться, но не мог из-за сковывающей боли.

– Славно, – ухмыльнулась Кира.

Она накинула на голову плед и подошла к, лежащему на полу, аллану. Он лежал в собственных испражнениях и крови.

– Пожалуй, заберу твой меч, – обратила она внимание на привлекательное оружие. – Он мне пригодится.

Ленн закрепила ножны на поясе, довольно ухмыльнулась, и резко высунула свой клинок из паха воина.

– А-а-а! Сука! Сука! – вопил он, свернувшись в клубок.

Кира направилась к выходу, игнорируя истошные вопли своих врагов.

– Тебя убьют, стерва! – кричал аллан ей вслед. – Убьют, а перед этим голую проведут по войску! Будут бросать, как тряпку, с одного хера на другой! Готовь свою манду, шлюха! От неё ни хрена не останется. Ты умрёшь, мразь!

Ленн вышла из таверны. Бездыханное тело её коня лежало на холодном снегу. Она вошла в конюшню, скинула с лоша-

ди весь ненужных хлам и седлала резвого жеребца. К северу не было видно дороги, но Кира всё равно отправилась туда, заставляя коня пробираться через густые сугробы. Вскоре стали проявляться следы, протоптанные множеством копыт и тяжёлыми стальными сапогами. Снег чернел. Воздух тяжеле- лел с каждым шагом. Конь Киры медленно гарцевал по тропе. Следы перемешивались друг с другом. Дома, стоящие на обочине, были пусты. Мертвы и холодны, словно в них никогда и не жили. Местные заперли свои дома и ушли в мороз- ные леса, только чтобы спасти себе жизнь, но явно не всем это удавалось. Женщин и детей часто насаживали на зато- ченные брусья. Грубо выточенные концы впивались в кожу. Мужчин убивали либо в бою, либо поочерёдно, сбрасывая тела в сточные ямы. Следы замёрзшей крови были разброса- ны на большие расстояния, в самых разных местах. Из-под льда торчала человеческая голова, пробитая топором прямо на макушке. К позорному столбу было прибито тело жен- щины. Обе руки сломаны. Голова вытянута вверх, а челюсть широко раскрыта. Из горла торчал тонкий клинок, который просовывали до самых органов, пока струи крови скатыва- лись по подбородку, а кровь накапливалась в полости рта, за- ставляя жертву захлёбываться. Напротив, подо льдом и сло- ем снега, лежало ещё одно окоченелое тело молодой девуш- ки. Голая. Шея свёрнута. По всему телу фиолетовые гемато- мы. Из влагалища торчала замёрзшая сосулька грязно-серо- го оттенка – смесь испражнений, спермы и крови. Была уби-

та совсем недавно. Когда алланы находились здесь, она всё ещё была жива. Впереди, у одного из разграбленных домов, стоял одинокий конь. Дверь в него была распахнута, но стоило Кире приблизиться, как кто-то слегка прикрыл вход в дом. Она спешила и медленно заглянула внутрь, держа ладонь на рукоятке меча. На полу лежала испуганная девушка в тонкой сорочке – на вид ровесница Киры. Её приподнятые руки дрожали. Под глазом свежий синяк. Девушка дёрнула пальцем, не отводя от Ленн, широко раскрытых, глаз. Снова и снова она дёрнула мизинцем в сторону двери. Кира прислушалась. За дверью кто-то тяжело дышал, стараясь не привлечь внимания, однако, каждый его вздох сопровождался старческой хрипотцой. Она, прищурившись, приставила меч к двери, взглянув на девушку. Девушка слегка приподняла руки. Кира приподняла меч вслед за указанием, и заметив её кивок, ударила прямо в деревянную дверь, пробив насквозь. Аллан, что неудачно пытался застать незнакомку врасплох, получил остриём прямо в лицо и упал на холодный пол. Ленн невозмутимо вытащила меч из двери, оставив огромную трещину. Воин корчился, схватившись за окровавленное лицо. Лезвие вошло прямо в щёку, отрезав язык и располозовав половину носа.

– Ы... уоис... пфа... аик, – бурчал он что-то невнятное.

– Армию алланов видела? – спросила Кира у девушки.

– Они... они были тут буквально час назад, – ответила она, с ужасом наблюдая за воином.

– Славно.

Кира покинула дом, седлав коня. Девушка босиком выбежала за ней на мороз.

– Стой! – воскликнула она. – Аллан ведь ещё жив. Что мне с ним делать? Мне страшно. Помогите мне. Я никогда... никогда не видела столько страданий. Что же мне делать?

Девушка разрыдалась. Слёзы замерзли прямо на её румяных щеках.

– Беги отсюда. На юг. Юг в той стороне, – ответила Кира, указав направление. – Убей этого аллана, сними с него одежду, возьми его коня и, если не сдашься, то выживешь.

– Убить? Убить человека? Нет... нет, я не могу.

– Они не люди, а животные. Не убьёшь ты – убьют тебя.

– Пойдём со мной. Не оставляй меня, прошу... умоляю.

– Да наберись же смелости, мать твою, и иди на юг! Хватит ныть, и не смей умолять меня. Мне плевать на тебя! Всему миру плевать на тебя.

Кира отправилась дальше по следам, оставив девушку позади.

Буря не прекращалась. С неба начал валить чёрный снег. Впереди горел дом, но солдат было не видно. Жалостливый писк слышался где-то за треском огня. Кира объехала горящий дом, заметив капли крови. В сугробе лежал мёртвый старик. Всё его тело заволокло снегом, и лишь лицо было открыто благодаря псу, который лежал рядом и замёрзшими лапами периодически убирал снег с лица хозяина. Поник-

ший взгляд собаки был устремлён исключительно на старика. На его приоткрытые бледные глаза. Он издавал протяжные мольбы, совсем непохожие на собачьи. Не скулил. Плакал. По-настоящему. По-человечески. Кира увела взгляд. Проигнорировала. Рыдающий пёс не обратил на неё внимания, дрожащими лапами защищая старика от грозной вьюги. Он замерзал.

Ленн услышала топот копыт. Она осмотрелась, стараясь заметить среди непогоды несущегося всадника. Он скакал по небольшому холму, беспощадно подгоняя коня, так стремительно, словно торопился куда-то. Вдруг, заметив Киру, он остановился. Солдат так сильно натянул поводья, что конь поднялся на дыбы, дико заржав от боли. Ленн прищурилась. Часть лица воина была перевязана красной тряпкой. Он поднял руку, в которой держал отрубленную голову девушки. Той самой, которую Кира оставила одну с ещё живым алланом. Он демонстративно бросил голову со склона, и она покатила вниз, оставляя на снегу алые пятна. Аллан показала Кире средний палец и помчался дальше. Ленн взглянула на отрубленную голову, на которой застыл предсмертный ужас, и недолго думая, устремила след за удирающим всадником.

***

Аллан примчался в военный лагерь. Множество шатров были разбросаны по снежной пустыне, а возле каждого из них горели факелы. Солдат слез с коня и направился в центр

лагеря, где расположилась шатёр генерала. Алланы бродили вдоль его обиталища, словно ожидая чего-то. То грелись у огня, то заходили к генералу, то вновь выходили обратно, словно маясь от безделья. Раненный воин вошёл в шатёр генерала. Фаль Дреанн сразу же заметил запыхавшегося солдата с окровавленным лицом, и слегка улыбнулся.

– Сними эту грязную тряпку. Дай глянуть, – потребовал генерал.

Аллан отодрал замёрзшую тряпку вместе с куском кожи. На месте щеки виднелась обезображенная дыра. Рот приоткрыт. Губы опухшие. Языка нет. Зубы чёрные от крови.

– Нарвался на простолоудина умеющего держать меч? Надо быть осторожнее. Это тебе не женщин бить.

– Му-му-гы-и-мы, – попытался ответить солдат.

– Дайте ему бумагу и перо! – приказал фаль Дреанн.

Подчинённые сразу же преподнесли аллану всё необходимое. Он взялся за перо и нервно, со злостью начиркал на бумаге несколько слов. Генерал прочёл написанное.

– Девчонка? Ты что, шутишь? Не смог справиться с девчонкой? Ты понимаешь, что всю жизнь теперь будешь немым?

Аллан отвёл взгляд. Кони заржали. В палатку медленно вошёл солдат.

– Генерал, – обратился он.

– Выглядишь ужасно, – отметил фаль Дреанн.

Рука хоть и была перевязана, но кость всё равно торчала

наружу. Воин обливался потом. Шатался на дрожащих ногах, словно вот-вот упадёт на пол. Не мог сконцентрировать взгляд на одной точке, всё время нервно покачивая головой.

– Нарвался на рыцарей? – спросил генерал.

– Нет, не-не рыцарей... Девчонку.

Эдвин с любопытством взглянул на него.

– Что ты сказал? Девчонку?

– Да, она... она убила моих ребят, но мне удалось уйти.

– Как она выглядела?

– Генерал... мне нужен лекарь.

– Отвечай на вопрос!

– Светлые волосы, зелёные глаза... не знаю, обычного роста, может слегка выше других девушек.

– Это она? – спросил фаль Дреанн немого солдата.

Аллан испуганно кивнул.

– Ладно, отведите его к лекарю, – приказал генерал.

– Она... она сказала своё имя.

– И, как же её имя?

– Кира Ленн фаль Тренна

– Тренна? Надо же. В Тренне кто-то выжил. Я думал это всё байки. Идёт по наши души. Какая бесстрашная и целеустремлённая. Впечатляет. И что же она сделает, когда явится сюда? Убьёт нас?

Немой попытался высказаться, но ему удалось лишь неловко ухмыльнуться на замечание генерала.

– Пускай приходит. Будем ждать в гости, юную Киру

Ленн, – произнёс фаль Дреанн и продолжил бродить по палатке, словно мгновенно забыв о воинственной девушке.

Раненный аллан покивал, и заметив, что никто не обращает на него внимания, отправился к лекарю.

***

Темнело. Кира видела огни алланского лагеря. Она оставила коня в стороне, а сама опустилась на колени неподалёку от крайних шатров. Ленн вырыла небольшую ямку, убрав снег до замёрзшей земли, и, сложила около себя несколько сухих веток, что прятала под плащом. Открыла флакон с содержимым едкого запаха и бросила на ветки несколько капель. Спичка вспыхнула в руках пекарши, а вместе с ней и небольшой самодельный костёр. Кира вытащила из-за спины лук и стрелу и подожгла наконечник, взглянув на вражеский лагерь. Она ждала. К ночи буря утихла, но пламя под ногами всё равно дико колыхалось, согревая холодные колени. Алланы бродили по лагерю, не особо беспокоясь о прикрытии и осторожности. По периметру не было даже элементарного патруля, так как им было известно, что солдаты Гретани не ступят и шага из своей столицы в столь суровое время года. Пара алланских солдат заметили колыхающийся огонёк. Один из них внимательно присмотрелся.

– Что это? – спросил он у своего товарища. – Что это горит?

– Не знаю. Может местный?

– Пойдём проверим. Нехрен гретанцам разгуливать, где

вздумается.

Они уверенно приближались к огоньку. С каждым шагом вокруг него начинал проявляться тёмный силуэт. Блестящий снег освещал местность, но слабый свет пламени, как будто ослеплял солдат. Аллан прищурился, не доверяя собственным глазам. Он видел глаза. Зелёные глаза. На мгновение ему показалось, что это притаилась лиса. Грется у одинокого костра. Кира натянула тетиву, подняв горящую стрелу. Воин вздрогнул, когда смог разглядеть озлобленное лицо. Когда светлые волосы открылись из-за капюшона. Они, словно горели вместе с наконечником стрелы, что вылетела в его сторону и вонзилась прямо в шею. Огонь на наконечнике тут же погас от свежей крови.

– Какого чёрта?! – вскрикнул второй аллан, но тут же получил стрелу меж рёбер.

Кира выдохнула. Она закинула лук за спину, засыпала маленький костёр снегом и отступила назад, краем глаза наблюдая за лагерем. Алланский генерал вышел из шатра. Его шрам блестел от каждого, даже слабого, источника света. Он глядел на пустое ночное небо. Ни луны, ни звёзд, лишь серость. Ленн обнажила меч. В глазах огонь. На сердце ледяная вьюга. В душе бурлила ненависть. Она устремилась в сторону лагеря. Ускорилась, бегом прорываясь сквозь шатры. Кира бежала прямо к генералу, минуя ошарашенных солдат.

– Девчонка! Девчонка! А, ну, стой! – выкрикнул один из них.

Фаль Дреанн заметил Киру. Она неслась прямо на него. Бесстрашно, безрассудно. Алланы окружали её. Они перекрыли ей дальнейший путь, не особо видя в ней угрозу. Солдаты улыбались, смеялись, потешались над хрупкой девушкой и даже не думали потянутся за мечами и оружием. Кира не остановилась. Она подпрыгнула, возвысившись над головами воинов. Они изумлённо наблюдали, и успели заметить лишь кровь, что брызнула в их сторону. Пекарша перерезала горло одному, принялась за второго, пробив его грудь мечом, оттолкнула третьего, ударив ногой в живот. Один из алланов обнажил меч, другие повторили за ним. Ухмылки мгновенно сошли с их лиц. Они толпой наступали на Киру, но воинственная девушка и не думала отступать. Она прыгала по их головам, продвигаясь всё дальше вглубь лагеря, к самому генералу. Фаль Дреанн ошарашенно наблюдал. Её стремление пугало его. Зелёные глаза пылали, словно в страшном сне. Шум борьбы привлекал всё больше солдат. Ленн видела цель прямо перед собой. Она обнажила отцовский клинок, встала в стойку, уперевшись ногами в протоптанный снег, и замахнулась. Генерал выпучил глаза. Серебристое лезвие неслось прямо на него с удивительной скоростью и точностью. Он попытался увернуться, но ему удалось лишь наклониться в сторону. Клинок врезался в доспех на шее, пробив его, и так и остался торчать в стальном горжете. Эдвин в ужасе попятился назад, размахивая руками у шеи, но боясь притронуться к торчащему клинку.

– Схватите её! Схватите! – завопил он, что есть сил.

Алланы бросились на пекаршу с особым рвением.

– Меня зовут Кира Ленн фаль Тренна! – крикнула она. –

Запомните меня! Бойтесь меня! Ибо я не успокоюсь, пока не заберу ваши поганые жизни! Запомни моё имя, фаль Дреанн! Ибо именно тебя я буду убивать долго и мучительно!

Кира вытащила из-за пояса чёрный мешочек и бросила себе под ноги. Искры вылетели у неё из-под пяток. Алланы отступили. Густой дым заволок всё вокруг, активно распространяясь по лагерю. Генерал спрятался за своими солдатами, вертясь и маясь от страха, что девчонка вот-вот выскочит на него из тени, но ничего подобного не произошло. Ночной ветер, и, машущие руками, алланы, быстро рассеяли скопившийся дым. Пекарши было не видно.

– Найдите её! – приказал фаль Дреанн.

Воины разбежались кто-куда. Генерал поспешил в свой шатёр, взглянув на себя в зеркало. Клинок торчал прямо в доспехе. Он, дрожащими руками, схватился на рукоятку и потянул. Оружие не поддавалось, крепко застряв внутри. Крови не было. Боли не чувствовалось. Генерал взял лист бумаги и чернила и принялся писать.

– Гонца ко мне!

Гонец примчался к генералу. Тот вложил ему в ладонь скрученное письмо. Гонец кивнул, и, седлав коня, помчался прочь из лагеря в сопровождении десяти всадников. Кира заметила их. Они отправились на запад, к морю, в сторону

Алланарии. Она довольно ухмыльнулась.

***

Всадник гарцевал на чёрном коне, укутавшись в шерстяной плед. Яркое утреннее солнце светило прямо в глаза. Он не торопился, проезжая по уже протоптанной дороге и внимательно осматривая округу.

– И снова Гретань, – сказал он.

Всадник вошёл в алланский лагерь. На снегу всё ещё виднелась свежая кровь. Он спешил, остановившись у шатра фаль Дреанна.

– Тук-тук, генерал, – привлёк он внимание Эдвина.

– Проходи, охотник.

Охотник вошёл в шатёр, и уселся напротив генерала.

– Ночь выдалась не сладкой, а? Кровь на снегу, пробитый доспех, и сам фаль Дреанн вызывает меня к себе. Что тебя так напугало, Эдвин?

– Ты очень проницательный, Клинн. Я хочу, чтобы ты избавился от кое-кого.

– Это моя работа. Скажи кого, хорошо заплати, я всё сделаю.

– Она мешает мне, и не оставив в покое, пока не добьётся своего.

– Она? Ты сказал, она?

– Да, это девчонка из Тренны. Она вчера была здесь. Ты бы видел её. Я многое повидал за свою карьеру, но такой ненависти – никогда.

– К женщине нужен иной подход. Мужика убить проще простого, ведь все мы прекрасно знаем, что у нас на уме, а? Но, что в голове у женщины? Это навсегда останется неразгаданной тайной.

– Значит, берёшься?

– Конечно, я убью её.

– Мне плевать, что ты с ней будешь делать. Убей, изнасилуй, переломай все кости, – плевать. Главное, чтобы я её больше никогда не видел и не слышал о ней. Ясно?

– Конечно, Эдвин.

– Её зовут Кира Ленн фаль Тренна. Больше о ней ничего не знаю. А вот, твоя награда.

Генерал бросил под ноги охотника тяжёлый мешок с монетами. Он поднял его, оценив щедрую награду.

– Немало.

– Этого тебе хватит надолго, поверь. А теперь иди, и сделай свою работу.

Клинн поднялся и покинул шатёр. Он приблизился к своему коню, и вновь заметил кровь на снегу.

– А ты знаешь, что Эдвин никогда не носил с собой короткие клинки? А сейчас, один у него на поясе, – обратился он к лошади. – Видимо, генерал вспомнил, как, порой, близко бывает смерть.

Охотник седлал коня.

– Кира Ленн где-то близко. Найдём её.

Он неторопливо погарцевал из лагеря, и, отдалившись на

небольшое расстояние, обернулся. Алланский лагерь лежал прямо на ладони. Вокруг не было видно ничего более, лишь снежная пустыня. Клинн присмотрелся. Множество следов, капли крови и чёрный пепел, засыпанный снегом. Он прыгнул с коня, глубоко вздохнул и уселся на снег, наслаждаясь тёплым солнцем. Охотник оставался на месте до самого вечера. Солнце быстро скрывалось за горизонтом в это время года. Холодало. Конь разгуливал в стороне, а Клинн не сводил глаз с алланского лагеря. Вдруг он заметил огонёк, что вспыхнул неподалёку.

– Вот и ты, Кира Ленн.

Охотник поднялся и свистнул своему коню. Тот быстро примчался к хозяину. Он галопом понёсся навстречу костру. Кира услышала топот копыт и быстро вскочила на ноги, заметив, как воин стремится к ней навстречу.

– Ну, давай, – прошептала она.

Кира подожгла стрелу и прицелилась. Всадник заметил её выразительный взгляд, и ускорился. Ленн выстрелила. Охотник спрыгнул с лошади и обнажил меч. Стрела пролетела мимо, едва не прострелив череп жеребца. Кира обнажила меч, заметив, что воин стремительно приближается. Охотник подпрыгнул и ударил остриём. Пекарша отступила, увернувшись от атаки. Клинн продолжал наступать, не давая ей передохнуть. Она отразила. Охотник старался держаться близко, не давая сопернице замахнуться, но Кира всё же отпрыгнула назад и контратаковала. Клинн отразил и ударил

её плечом. Ленн откинуло в сторону, едва не потеряв равновесие, и, в тот же миг, атаковала вновь. Она наносила прямые удары остриём, держа охотника на расстоянии раскинутых рук. Он ловко отражал нападения и агрессивно наступал снова и снова. Клинн отразил очередной выпад пекарши. Кира раскинула руками и тут же получила по лицу рукояткой меча. Из носа хлынула кровь. Она упала, но не потеряла концентрации.

– Твою мать, – выругалась Кира.

Поднимаясь на ноги, она швырнула комок снега прямо в охотника. Он тут же откинул летящий ком ладонью.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Клинн. – И это всё? Играешь в снежки? Не смейся меня, Кира. Кто учил тебя драться? Не могу же я заработать деньги так просто.

– Так ты охотник за головами? Значит, я так напугала эту мразь, что он нанял охотника. Славно. Но поверь, тебе не будет просто.

Кира швырнула в него мешочек. Искры полетели прямо на него. Шерстяной плед на его плечах загорелся. Ленн атаковала. Охотник отразил, схватил её за руку, прижал к себе и выбил меч. Пекарша попыталась выбраться, но безуспешно. Она навалилась на Клинна, и они упали на снег. Он держал её крепко, прижав под собой.

– Валяемся тут в снегу. Как романтично.

Кира ударила лбом. Несколько тёплых капель крови из его носа упали на её щёки. Охотник ударил в ответ. Ещё раз

и ещё. Из губы пекарши брызнула кровь. Она стиснула зубы и что есть ударила коленом в пах.

– О, чёрт! – завопил Клинн от боли.

Кира попыталась отползти в сторону, но лишь сгорбилась и харкнула густой кровью. Клинн выпрямился, игнорируя невыносимую боль в паху.

– Знаешь, Кира. Я уже встречал женщину, которая использовала искры и огонь. Она очень знаменита на этой стороне материка. Женщина с обожжёнными руками и с углём вместо сердца.

Кира подняла ненавистный взгляд.

– Эверленская поджигательница. О-о-о, по твоим глазам вижу, что она тебе знакома. Это она тебя научила этим фокусам? Да-а, она умела делать по-настоящему пламенное шоу! Жаль ей это не помогло. Недавно её поймали гретанские рыцари. Сейчас она в столице, и её ждёт костёр.

– Нет... Нет, ты врёшь, сукин сын.

– Можешь не верить, Кира, но все глашатаи уже месяц только об этом и трубят. Известная убийца и дегенератка Космея Плятер будет предана Божьему правосудию. Удивлён, что ты об этом не слыхала.

– Нет!

– Ха-ха-ха. Обожаю эти женские представления: о, Боже, нет, нет, как же так... Давай закончим с этим.

Клинн двинулся к ней на встречу. Кира шустро поднялась и устремилась к коню, что разгуливал как ни в чём не быва-

ло.

– Эй, куда ты?! Куда ты, Кира?

Пекарша седлала коня и помчалась прочь.

– Убегаешь?! Но я найду тебя, Кира! От меня не убежишь!

Спёрла моего коня.

Кира подгоняла жеребца. Она тяжело дышала. Слезы вновь наворачивались на её блестящих глазах.

– Я спасу тебя, Космея. Я иду к тебе, – твердила она.

Она держала курс на столицу.

Клинн взял алланского коня из лагеря и неторопливо погарцевал по следам своей цели. Он внимательно оглядывался по сторонам, но не сбивался со следов копыт. Он услышал знакомый свист. Пергамент колыхался на ветру на одном из множества придорожных домов. Охотник сорвал лист. На его лице расплылась довольная ухмылка.

– Надо же. Да мне везёт, – заявил он.

На розыском листе Гретани красовалась жирная надпись: «**Кира Ленн**».

Разыскивается Кира Ленн фаль Тренна, также известная как – «Выжившая из Тренны». За детоубийство, убийства, воровство и богохульство. За преступления против короны, общества и мира. Вооружена и обучена. Жестока и беспощадна. Крайне опасна. Особые приметы: рост около 170 см, нормального телосложения, волосы светлые, глаза зелёные. Награда за поимку – 5000 крон. Доставить живой для Бо-

жъего суда!

Глава 6

В последний раз

Космея сидела на стуле. На ногах тяжёлые кандалы. На руках громоздкие наручники с длинными цепями, прибитыми к полу. Вокруг металлические решётки, сырость и холод. Каждый день. И лишь тусклый свет из окна оставлял лучик надежды. В камеру вошёл писарь в большой круглой шляпе. Вместе с ним пять воинов святого ордена и молодой проповедник в белом одеянии, со священным писанием в руках. Затем в камеру вошёл командир гретанских рыцарей. Он поднял руку перед проповедником и представился:

– Моё имя Лоуренс Лерен – я рыцарь Гретани, её защитник и вечный слуга. Клянусь выполнять свой долг, исполнять законы моего королевства и хранить покой на всей земле. Клянусь, что эмоции не возьмут надо мной верх, и я буду стойким перед любыми препятствиями. Пусть Бог будет моим судьёй и судьёй этой преступницы.

– Бог благословляет, – ответил ему проводник.

Лерен присел напротив Космеи.

– И так, приступим. Космея Плятер фаль Эверлен – убийца, воровка, богохульница. Мне нужно, чтобы ты ответила на несколько вопросов.

Писарь торопливо записывал каждое слово. Космея кивнула.

– Сколько человек ты убила? – продолжил командир.

– Я их не считала, – устало ответила Космея. – Около сотни.

Стражники переглянулись. У писаря пробежали мурашки. Он оставил отметку: «100+».

– Своё первое убийство ты совершила у себя дома, в Эверлене. Известно, что ты сожгла заживо целую семью. Как тебе удавалось так долго уходить от правосудия? Почему тебя не арестовали ещё в Эверлене?

– Не знаю... Возможно, они боялись меня. Кха-кха! – громко закашляла Космея. – Чёрт! Не могу без курева.

– Может тебе дадут прикурить перед казнью, но не обещаю. А теперь соберись, Космея. Это важно. Я ищу Киру Ленн.

Космея подняла испуганные глаза.

– Она из Тренны, верно? Единственная выжившая в этом аду. Там ты впервые встретила её?

– Д-да... – ответила она с трудом.

– Что вас связывает с ней?

– Мы просто выживали, вот и всё.

– Неужели? Ходят слухи, что вы были любовницами. Это правда?

– Всего лишь слухи.

– Послушай, Космея, – приблизился Лерен. – Взгляни на

этих воинов ордена. Они ненавидят тебя. Если я дам им волю, они начнут пытаться тебя. Так что, прошу, отвечай чётко и честно.

– Всего лишь слухи, – повторила Космея.

Лерен глубоко вздохнул, поднялся и вышел из камеры. Один из воинов ударил Космею по щеке. Кровь брызнула на сырой пол. Она опустила голову, теряя последние силы. Воин схватил её за челюсть и взглянул прямо в глаза. В его взгляде пылала ненависть и презрение.

– Д-да... да, – выдавила из Космея. – Мы спали с ней.

Воин готов был убить её, и казалось, вот-вот сделает это, но, услышав ответ, отступил назад, вернувшись на своё место. Командир вернулся в камеру и вновь сел напротив.

– Пожалуйста, не лги больше, – продолжил он. – Ты знаешь, что Кира Ленн убила внука короля? Его тело было растерзано, ужасная смерть, а на месте преступления мы нашли этот платок с гравировкой семьи Ленн.

Лерен продемонстрировал платок. Космея сразу же узнала его.

– Этот платок принадлежит ей, не так ли?

– Возможно.

– Будем считать, что это «да». На счету Киры Ленн уже как минимум четыре жизни. Но что ей сделал безобидный ребёнок? Может тебе известно?

– Неизвестно.

– Конечно, нет. Я долго думал, что её побуждает убивать,

что побуждает бороться? Может твоё влияние превратило эту светлую девушку в чудовище? Но не нужно обладать большим умом, чтобы сопоставить очевидное. Она ищет мести. Хочет расправиться с алланами, что сожгли её родной дом. Это справедливо. Я хочу того же. Алланы – враги государства и бандиты. Они заслуживают смерти. Если бы она объединилась с нами, то мы бы нашли её способностями применение, но нет, она выбрала путь убийцы и преступницы. И теперь она, как и ты, будет поймана и сожжена. Вскоре состоится твоя казнь, Космея. Тебя сожгут на огне, и ты почувствуешь то, что чувствовали твои жертвы. Тебе есть, что мне сказать?

– Я ведь раньше никогда не попадалась, пока не встретила Киру. Она, как проклятие для меня. Но вы не знаете её. Она целеустремлённая, храбрая, эмоциональная, и если Кира явится сюда, то уничтожит всё, что вы так долго строили, а я помогу ей. Сожгу этот город дотла и буду любоваться, как её зелёные глаза горят вместе с этим миром. Любоваться этим чудом.

– Прекрасная речь, но к счастью, этому не бывать. Увидимся на вашей казни, Космея фаль Эверлен.

Лерен поднялся и покинул камеру. За ним вышли все остальные. Железная дверь захлопнулась, и блеклый одинокий луч солнца сквозь решётку, вновь освещал улыбку Космеи.

***

Ноги по колени в снегу. Куски льда отваливались с замёрзших штанов. Конь сдох от переутомления, едва дотянув до границ Л'э Сакрэ. Кира ворвалась в местный трактир на отшибе столицы, шумно отворив дверь. Взгляды устремились на неё. Она глубоко дышала. В зелёных глазах пылала ненависть. Местные расступились от одного её вида. Пекарша подошла к стойке.

– Чего покрепче. Согреться, – обратилась она к трактирщику.

Он дунул в пустую рюмку и наполнил её алкоголем. Кира махом осушила стопку. Пойло обжигало горло, бодрило и согревало изнутри. В глазах на мгновение помутнело. Она заметила множество плакатов, что были развешаны на доске объявлений. Её портрет был чёрно-белым, однако, глаза были ярко раскрашены в зелёный. Из-за стола резко поднялся местный мужчина, едва не опрокинув стол.

– Я слышал, – начал он, осматривая народ, – что в наших краях бродит... женщина-убийца. Их что-то много завелось в последнее время. Возомнили себя воительницами. Раньше женщины были куда послушнее. Приносят смерть в наши дома и даже убивают детей. И вот она, одна из них. Кира Ленн! – ткнул он пальцем в девушку за стойкой.

Народ замер, уставившись на неё, но Кира показывала поразительное равнодушие.

– Корона предлагает за неё аж пять тысяч крон. На эти деньги можно дворец себе отстроить, – продолжил мужчина,

вытащив топор. – И вот она здесь, у нас в руках.

– У вас в руках? – обернулась Кира.

Несколько воинов поднялись вслед за женщиной, обнажив своё оружие.

– Нас больше, женщина.

– Да плевать мне, сколько вас. За мою голову назначена награда, а за твою нет, но живой отсюда выйду только я.

Кира быстро обнажила меч. Воины дёрнулись от раздавшегося свиста. Пекарша сделала шаг вперёд, воины стиснули зубы и готовы были броситься в атаку, как вдруг незнакомец, что сидел в углу трактира, вскочил с места и встал между ними, раскинув руками. Он выглядел молодо, по крайней мере, на первый взгляд. Кожа чистая, руки белые, не видевшие тяжёлого труда. Волосы короткие и уложенные на бок. Одежда мешковатая, но некоторые детали, вроде заклёпок на сапогах и серебристого пояса, дорогие и вычурные.

– Ты кто, нахрен, такой? – спросил мужчина.

– Простите, но мне нужно поговорить с этой женщиной, – вежливо ответил незнакомец.

– Защищаешь её? Значит, даже у детоубийц есть защитники?

– Прошу вас, давай уйдём, – прошептал он Кире, подойдя ближе.

– Хорошо, пойдём, – согласилась она.

Незнакомец махал руками, чем вызывал у собравшихся мужчин онемелое изумление.

– Прошу вас, господа. Не стоит проливать кровь, – просил он, и вместе с Кирой поторопился к выходу.

Они вырвались из трактира и отошли в сторону. Кира шла неторопливо, не отводя глаз от яркой столицы. Незнакомец нервничал, оглядываясь по сторонам.

– Надеюсь, они не пойдут за нами, – сказал он.

– Что тебе от меня надо? – спросила Кира.

– Я слышал о тебе, Кира, и о твоих... подвигах. Меня зовут Хайко Ланд, и я бы хотел объединить усилия в одном деле.

– У меня нет времени до твоих дел. Я иду в столицу.

– В столицу?! Ты же в курсе, что тебя разыскивают по всей Гретани, а в Л'э Сакрэ ты у рыцарей, как на ладони.

– Ну, что-ж, буду осторожней.

– Послушай, Кира! У нас с тобой одна цель.

– Что, правда? И какая же?

– Фаль Дреанн.

Кира взглянула на него с подозрением.

– Какое тебе до него дело? Для чего ты его ищешь?

– Для того же, что и ты.

– Он тоже сжёг твой родной дом и убил всех, кого ты любил?!

– Да... нет, не совсем.

– Вот и заткнись тогда. Мне похую до твоих дел. Единственное, что меня волнует, каждый божий день, это то, каким извращённым способом я убью эту мразь. А сейчас, не

стой у меня на пути, Хайко Ланд. Я иду в Л'э Сакрэ.

Хайко глубоко вздохнул, и не стал спорить с Кирой. Она прикрыла голову капюшоном и направилась в столицу.

Знакомые ворота города. Улицы с толпами народа, разгуливающими в тёплый зимний вечер. Доски и столбы были забиты плакатами розыска. Имя Киры Ленн разнеслось по миру. Она, не теряя времени, направилась в сторону дома госпожи Селенны. Ворота были закрыты, но Кира ловко перелезла через них, тут же, вызвав ржание лошадей. Едва она вошла в дверь, как у самого порога появился Хорст. Слуга внимательно взглянул на Киру. Осмотрел её лицо и одежду.

– Госпожа Ленн, надо же, давно не виделись, – кивнул он.

– Здравствуй, Хорст, – поприветствовала его Кира.

– Чем могу служить?

– Хочу увидеть госпожу Роммель.

– Ох, к сожалению, она сейчас не в столице. После того, как вы покинули нас, свалилось много работы. Вы наделали шуму.

– Сделала, как было приказано.

– Вам было приказано убить графа, а не внука короля, – повысил тон Хорст.

– Да, немного перестаралась. Это был внук короля?

– Именно.

– А я думала просто мальчуган бегает по дворцу без присмотра. Будет уроком королю лучше следить за своими выродками. Дай мне войти, Хорст.

– Простите, госпожа Ленн, но вам нельзя войти.

– Почему это, мне нельзя войти? – возмутилась Кира.

– В данный момент, вы самый разыскиваемый преступник в Гретани. Пять тысяч крон за вашу поимку – это самая большая награда в истории государства. Не каждому везёт прославиться, как «убийце принцев».

– Что-ж. Славно.

– Поймите, госпожа Ленн. За один лишь разговор с вами, меня могут отправить на костёр. Не то, чтобы меня это пугало, но госпожа Роммель будет недовольна, если к её возвращению на столе не будет тёплого ужина.

– Умеешь расставлять приоритеты, Хорст. Ладно, можешь не пускать меня, но будь добр, окажи услугу. Скажи, где держат преступников, которые в очереди на сожжение?

– В «башне», естественно. Напротив храма Л'э Сакрэ.

– Ты мне очень помог, дорогой Хорст. Возможно, я даже вернусь, как-нибудь, и воздам тебе за твоё гостеприимство.

– Буду с нетерпением ждать, госпожа Ленн.

Слуга поклонился. Кира отправилась напрямиком на главную площадь столицы. Храм светился изнутри. Высокие фиалы. Широкие окна. Скульптуры и настенная живопись. Видя это величественное строение, никому не доводилось усомниться в его святости. В саду собрались множество людей, внимая словам громогласно глашатая.

– И сказал Господь: «женщина лишь дополнение к человеку. Женщина обязана быть послушной, порядочной, це-

ломудренной. Да попадёт в рай та, кто почитает отца и мужа своих, и служит отцу и мужу своим!»! Эти преступницы, убийца и воительницы идут против Божьих законов! Грешницы! Грешницы! Им нет места в праведном мире! Нет места в раю! Мужчина создал этот мир, мужчина воссиял его и построил, и будет так во веки вечные!

Праведный люд помолился. Кира прошла мимо. Ей открылись «башни». Сооружение было невысоким, да и башен, как таковых, не было, но металлические решётки возвышались высоко над крышами. Они были повсюду. На окнах, дверях и воротах. Даже на земле, чтобы заключённые не вскапывали норы и не сбегали. Ленн осмотрелась, приметив нескольких воинов ордена у ворот. Ещё пара стояла у дверей, у самого входа в «башню». Кира незаметно подошла ближе к зданию, уткнувшись в решётку. Она внимательно осматривала стены и заметила непохожий оттенок решёток на одном из окон. Куски гари прямо валились с металлических палок. Кирпичи под ними почернели, а едва заметный пепел падал на белый снег. Кира улыбнулась. Она схватила комок снега и метнула прямо в окно. Взяла ещё, и метнула вновь, попав прямо меж решёток.

– Ну, давай, – прошептала Ленн.

Она заметила в окне движение. Чёрные руки схватились за решётку. Космея выглянула наружу. Кира засияла от счастья.

– Ты пришла за мной, – шептала поджигательница.

– Я пришла за тобой, – ответила Кира, словно услышав свою подругу.

Пекарша осмотрелась. Задумалась. Мысли мешались в голове. Она взглянула на частные дома, вдоль протяжённой улицы. В окне одного из домов переливался свет. Он сиял разными оттенками и цветами.

– «Алхимик», – подумала Кира и бросилась к нему.

– Я знала, что ты что-нибудь придумаешь, – порадовалась Космея.

Ленн обнажила меч и ворвалась в дом алхимика, выбив дверь ногой. Алхимик дрогнул от испуга, а заметив вооружённую преступницу, поспешил забиться в угол.

– А, ну, сидеть! – приказала Кира.

Хозяин дома повиновался, упав на задницу.

– Что? Вы кто, и что вам нужно? – спросил он.

– Хочу взорвать кое-что, поэтому позаимствую твоё добро.

Кира быстро взяла селитру, порох, несколько бутылей горючего, мешочек с табаком, спрятав всё под рубахой.

– Если нужно что-то взорвать, то лучше воспользоваться бомбой, – добавил алхимик.

– Бомбой?

– Бомбой. Складываете порох в общий крепкий сосуд, проделываете фитиль, обработанный селитрой, поджигаете и бросаете в цель. Вуаля! Взрыв.

Кира взяла подходящий сосуд и исполнила указания ал-

химика. Она подкинула ему звонкую монету и покинула дом. Космея наблюдала сквозь решётки. Ленн облепила самодельную бомбу снегом, подожгла фитиль и метнула в стену тюрьмы. Поджигательница отступила. Бомба ярко заискрилась. Взрыв. Кирпичи и металлические палки разлетелись, оставив огромную брешь. Оглашающий грохот пронёсся над столицей, разбудив каждого его жителя. Командир Лерен, услышав взрыв, тут же вскочил с места.

– Не может быть, – произнёс он.

Командир бросился к своему коню, приказывая своим рыцарей следовать за ним. Космея выпрыгнула из своей камеры прямо навстречу подруге. Они схлестнулись в крепком объятии.

– Я никогда больше тебя не оставлю. Никогда, – промолвила Космея.

– Я знаю. Пойдём отсюда скорее.

Они устремились в сторону домов, тут же скрывшись между узких улочек. Лерен прибыл незамедлительно, увидев вместо тюрьмы, разрушенные огнём и пеплом руины. Вокруг кружил чёрный снег. Металлические решётки горели, словно деревянные. Воины святого ордена бродили кругами, всё с тем же, грозным видом.

– Эверленская поджигательница сбежала! – доложил командиру один из стражников. – Сбежала!

– Я вижу и без тебя, – ответил рыцарь. – Перекройте город. Не давайте никому выйти! – приказал он своим рыца-

рям.

– Не в ваших полномочиях перекрывать столицу, – вставил своё слово воин ордена.

– Вы упустили у себя из-под носа Космею Плятер, и возможно, Киру Ленн вместе с ней. Вас ждёт виселица, если король узнает об этом. Так что теперь, вы обязаны поспособствовать поймать преступницу. Перекройте выходы и обыщите каждый дом в этом городе!

Кира вела Космею к центру столицы, стараясь обходить главные улицы.

– Перелезай, – сказала пекарша, указав на ворота.

– Твой новый дом? – спросила Космея.

– Переждём здесь. Мы всю столицу на уши подняли. Вряд ли нам дадут уйти.

– Шаришь.

Они перелезли через ворота. Кира ворвалась во дворец госпожи Роммель. Хорст вновь встретил её в прихожей.

– Что вы себе позволяете, госпожа Ленн?! – возмутился он, но заметив поджигательницу, вовсе обомлел. – О, нет. Вы привели сюда Космею Плятер. Вы хоть понимаете, что подставляете не только себя, но и госпожу Роммель?

– Значит, в твоих интересах нас хорошо спрятать, Хорст, – ответила Кира. – Мы переждём, а потом найдём способ свалить отсюда. Приготовь нам свою кашу. Я голодна.

– Ах, хорошо, госпожа Ленн. Я приготовлю вам кашу, но ваше место в подвале.

– В подвале? – спросил Космея. – Из одной тюрьмы в другую?

– В боевом подвале. Отличное место. Пойдём.

Подруги спустились вниз по лестнице. В подвале было темно. Кира зажгла свечу, оставив её на столе. Космея присела у стены, облегчённо выдохнув. Её ноги болели, а всё тело чесалось от скопившейся грязи. От неё несло потом, так сильно, что затхлый воздух в подвале мгновенно наполнился этим скверным запахом. Опухшие побитые губы фиолетового оттенка. Синяки и гематомы по всему лицу и шее, а тощие пальцы выглядели так, словно были переломаны. Она сняла с себя мокрую одежду и бросила в сторону, оставшись совершенно голой. Космея раскинула руки и ноги в стороны, будто сняла с себя тяжкую ношу.

– Ты не представляешь, какой кошмар сидеть взаперти, – поделилась она. – Каждый день видеть одни и те же стены, одни и те же решётки, и одни и те же лица. Их мерзкие лица. Мне хотелось всё сжечь... Всё сжечь.

– Тебе сильно досталось, – наклонилась Кира, нежно дотронувшись до плеча подруги. – Всё заживёт, Космея. Ты встанешь на ноги, и твоё имя вновь будут бояться.

– Что ты несёшь, а? Я ведь говорила тебе, предупреждала тебя. Не становись такой, как я. Тебе это не нужно. Но нет, ты стала хуже меня.

– О чём ты? Я вытащила тебя из тюрьмы.

– За что ты убила пацана?

– Ты тоже будешь осуждать меня?

– Нет, не буду, не мне тебя судить. Просто мне интересно.

Зачем?

– Мне захотелось крови. Я хотела, чтобы моё имя знали все. Боялись одного моего упоминания. Ах, это глупо... но так приятно.

– Ты теперь не сможешь жить, как обычный человек. Тебя будут помнить и желать тебе смерти. Теперь ты навечно осталась без дома... И уничтожила ты свой дом собственными руками.

– Мне плевать на это. Сейчас меня интересуют лишь алланы, и ничего больше.

– Иди ко мне, Кира.

Кира прижалась к груди Космеи. Она чувствовала тепло. Тень от свечи играла на стенах. Это именно тот момент, который согревал её по ночам.

– «Уютно, как дома», – подумала пекарша.

Воск растаял довольно быстро, оставив их в кромешной тьме.

Наверху послышался шум. Дверь в подвал отворилась. Хорст медленно спустился вниз.

– Вам не темно, госпожа Ленн? – спросил он. – Уже рассветло. Вам пора покинуть этот дом.

Кира поднялась и лениво потянулась.

– Дай нам одежду, Хорст. Мы уходим.

Слуга кивнул.

– Пойду умоюсь, – сказала Космея.

Они вышли из подвала. Яркий свет ударил в глаза. Хорст вытащил несколько старых шмоток и бросил их на стол. Вся одежда была женской, но принадлежала явно не Селенне. Кира присмотрелась.

– Чья это одежда?

– Всё это раньше принадлежало ученицам госпожи Роммель.

– У неё были ученицы помимо меня?

– Разумеется. Неужто вы думали, что вы первая и единственная, кого госпожа Роммель взяла под своё крыло. Многие из этих девочек погибли при выполнении поручений, других арестовали и сожгли, некоторых поймали, изнасиловали и убили. У каждого из нас – своя судьба. Какая судьба у вас, госпожа Ленн? – спросил слуга, протягивая комплект одежды.

– Моя судьба? – задумалась Кира. – Моя судьба – убить моих врагов, а дальше... Будь, что будет.

– Надеюсь, что судьба благоволит вам, госпожа Ленн.

Кира кивнула и последовала в ванну. Космея умылась. Её кожа заметно побелела.

– Прекрасно выглядишь, – сделала комплимент пекарша и передала стопку одежды. – Вот, надевай.

Поджигательница влезла в новый наряд. Надела перчатки, чтобы прикрыть обожжённые руки, и спрятала лицо под капюшоном.

– Как мы выберемся из города? Есть идеи? – спросила она.

– Выйдем через бедный квартал. Думаю, там мы смешаемся с толпой.

– И куда отправимся?

– За фаль Дреанном.

– И когда мы его найдём, убьёшь его?

– Оболью его самым жгучим пойлом и не дам остыть.

– Круто. Погнали.

Они покинули дворец Роммель, сразу же отправившись в бедный квартал, что представлял собой кучу гниющих домов, хаотично разбросанных на небольшой площади. Преступность здесь достигала немислимых масштабов, а рыцари и городская стража обходили этот квартал стороной. Многие жители обосновались прямо под городом, у водосточных каналов, где в огромном количестве плодились крысы, которые в свою очередь ничуть не мешали местным, а наоборот, являлись одним из каждодневных блюд. Пара гретанских рыцарей всё же стояли у проходных ворот и терпели недовольные взгляды местного контингента. В них периодически прилетали гнилые помидоры, а дети кидались мокрыми вонючими камнями, которые подбирали в сточных ямах.

– Нужно придумать, как их отвлечь, – произнесла Космея.

– Есть одна идея, – ответила Кира.

Она подошла к местной шпане, которые грызли белые кончики клевера. Дети встретили её с настороженностью. Пекарша вытащила из рукава монету, поиграв перед глазами

ребят.

– Десять крон за то, чтобы вы обоссали этих двух рыцарей с ног до головы.

Дети радостно вскочили с места, забрали монету и поспешили к рыцарям. Они стянули штаны и направились в сторону солдат. Рыцари удивлённо переглянулись. Шпана начала мочиться на их сапоги, виляя струёй мочи верх-вниз.

– Какого хрены вы делаете, мелкие ублюдки?! – возмутился один из солдат.

Он попытался схватить одного из ребят, но тот ловко отпрыгнул назад, подтянув спущенные штаны. Рыцари бросились за ними, и едва отошли от своих постов, как преступницы мигом устремились через ворота. Космея почувствовала вкус свободы. Она заметила гарцующего всадника, подбежала ближе и скинула с лошади, заняв его место. Кира поспешила за ней, усевшись сзади. Поджигательница подогнала коня, и он во весь опор бросился вперёд под радостный смех девушек. Л'э Сакрэ остался позади.

– Чёрт возьми! Мы выбрались, – отметила Космея. – Откуда у тебя деньги?

– Одолжила немного у почтенного слуги.

– Ха! Ловко.

– Не сходи с дороги. Держи курс на восток.

– Ты знаешь, где расположились алланы?

– Знаю. Довелось с ними повидаться.

– Ты так изменилась. Моя девочка.

Кира улыбнулась. Они скакали до самого вечера. Протоптанная дорога исчезла неожиданно, остались лишь сугробы. Конь пробирался сквозь толщи снега, но затем всё же вышел на следы одинокого всадника, начав пробираться по ним. Кира обратила внимание на небольшой холм. Блеклый огонёк горел на его вершине. Едва заметный. Пугающий. Огонь на мгновение вспыхнул, а затем разделился и плавно поднялся вверх. Пекарша сразу же раскусила секрет этого трюка.

– Осторожно! – вскрикнула она, прижав Космею к себе.

Огненная стрела вылетела в их сторону и вонзилась прямо в голову лошади. Конь упал замертво, оставив свою тёплую кровь на снегу.

– Что за хуйня?! – спросила Космея, спрятавшись за тушей животного.

– Это охотник, – ответила Кира. – Ёбанный охотник за головами. Фаль Дреанн нанял его, чтобы убить меня.

– Твою мать, Кира! Что ты ещё успела сделать, пока разгуливала одна?

– Мы просто убьём его, вот и всё. Нас двое, а он один.

– У меня даже меча нет. Как мне драться?

Кира передала подруге пояс с сосудами для огненного шоу.

– Вот, это ведь в твоём репертуаре?

– Нет, не совсем, но я постараюсь что-нибудь сделать. Держись рядом.

– Я буду рядом, Космея.

Кира поцеловала подругу в губы и обнажила меч. Топот копыт усиливался.

– Он близко. Он уже здесь, Кира. Выпрыгивай! – настояла Космея.

Кира выпрыгнула из-за туши, устремив меч прямо в сторону несущегося всадника. Она присела на колено, оказавшись прямо у копыт. Конь напоролся на торчащий меч. Лезвие рассекло одно из копыт, и лошадь рухнула на снег, сбросив всадника с седла. Охотник совершил перекат, быстро вскочил на ноги и обнажил меч, набросившись на пекаршу. Кира отразила несколько яростных атак, но с трудом противостояла силе и умениям охотника. Он увёл её меч в сторону. Лезвие звонким свистом проскользнуло по металлу. Ленн попятилась, потеряв концентрацию, и тут же получила ружьяшкой в лицо. Тёплая кровь хлынула на подбородок. Кира перекатилась, дабы не быть заколотой на месте. Космея смазала свои перчатки воспламеняющейся жидкостью и чиркнула по поясу, получив маленькую искру. Кончики пальцев зажглись, как маленькие свечи. Она метнула их, словно огненные стрелы в сторону охотника. Все они попали точно в цель, но лишь отвлекли, не причинив никого вреда.

– Знакомые фокусы, – заметил охотник. – Это же эверленская поджигательница. Надо же. Тебя тяжело узнать в перчатках и в этой девичьей одежде. Давно не виделись.

– Клинн фаль Сансэ? – узнала его Космея. – Чёрт, я думала ты сдох.

– Как славно, что я вас встретил. Я знал, что эта девчонка побежит тебя спасать. Двух зайцев одним махом. Вот так просто.

– Космея! – выкрикнула Кира и подбросила поджигательнице меч.

Космея обтёрла перчатки о лезвие и ловко выбила искру. Меч вспыхнул перед лицом охотника.

– Завораживает, – восхитился он. – Ты всегда умела делать шоу, Космея. Жаль только, выбрала неправильный способ, это шоу продемонстрировать.

Клинн бросился в атаку. Пара сильных ударов сверху, пара боковых, три длинных прямых, пируэт и снова нападение. Космея отбивалась, стараясь запугать противника огнём, и это порой удавалось, когда горящее лезвие приближалось к лицу. Она наклонилась вперёд и полоснула остриём перед его глазами. Огонь обжёг щёку. Клинн решил отступить обратно к холму. Кира поднялась и подошла к мёртвой лошади без копыта, достав из сумки короткий меч.

– Убьём его, – произнесла она.

Они поспешили на холм. Охотник ухмыльнулся, с нетерпением сжимая рукоятку меча. Преступницы поднялись, окружая его с двух сторон. Холм оказался обрывом, который был не виден за высокими сугробами. Клинн медленно отступал к обрыву. Он взмахивал мечом, припугивая, готовых к бою, девушек. Охотник двинулся в сторону Космеи, но неожиданно переключился на Киру, бросившись в ата-

ку. Пекарша отразила выпады. Поджигательница поспешила на помощь. Заметив её, Клинн шустро отступил и пнул под собой снег, который накрыл преступницу с головой. Снег сразу же растаял от пылающего меча, погасив заметную его часть. Космею это не остановило. Охотник отражал нападения с двух сторон, стараясь держаться выбранной позиции. Он замечал неопытность Киры: её однообразные движения и чрезмерное самомнение, которыми пользовался, продавливая пекаршу мастерством. Замечал умения Космеи, её навыки и опыт выживания в полном одиночестве. Охотник решил избавиться от сильного противника. Он ловко парировал один удар за другим, набросился на поджигательницу, попытавшись схватить её за горло, но Космея не дала ему этого сделать, ударив по руке. Клинн прижался к ней вплотную, не давая выбраться. Поджигательница задрала колени для удара, как он в тот же миг отбросил её от себя, но всё же получил удар в живот. Космея оказалась у самого обрыва. Она в панике махала руками, пытаясь схватиться хоть за что-то, но вокруг не было ничего, кроме снега. Мурашки пробежали по спине. Под ногами была пропасть. Она чувствовала, как падает в бездну, но тёплая рука схватила её в последний момент. Кира держала её изо всех сил, стиснув окровавленные зубы. Снег продолжал сползать вниз и тянул их за собой.

– Отпусти, Кира, – уверенно обратилась Космея.

– Ты что бредишь? А, ну, выбирайся оттуда.

– Охотник здесь, Кира. Будешь держать меня, он убьёт нас

обоих, либо мы упадём в чёртову пропасть. Отпусти сейчас же!

– Нет, ни за что!

– Отпустила один раз, отпустишь и второй.

Космея разгибала пальцы подруги, пытаюсь отцепиться от её крепкой хватки.

– Я буду держать тебя, несмотря ни на что. Я не сдамся, Космея. Я вновь буду печь хлеб, как и раньше. Я верну свой дом, и в моём доме всегда будет тепло, и я верю, что там будешь ты.

Охотник подошёл ближе. Замахнулся. Меч вонзился в грудь поджигательницы. Её взгляд пылал, как и раньше. Пальцы Киры разогнулись и Космея упала вниз, быстро скрывшись за белоснежными кронами деревьев.

– Вот и всё, – холодно произнёс Клинн. – Конец истории.

– Твою мать! – взбесилась Кира. – Космея! Сукин сын!

Ты убил её!

Охотник схватил Киру за волосы и ударил в живот. Она скрючилась от сильной боли.

– Заткнись. Ты идёшь со мной, а до этой шлюхи мне нет дела.

– Я убью тебя, ублюдок! Я убью тебя, слышишь.

– Да, да, уже слышал много раз.

Клинн ударил её рукояткой меча по голове, и пекарша потеряла сознание. Он осмотрелся, продолжая держать пойманную преступницу за волосы.

– Надо бы раздобыть коня, – прошептал он.

Охотник закинул девушку себе на плечи и двинулся в сторону Л'э Сакрэ – туда, где «выжившую из Тренны» давно ждали.

Королевская власть – неприкосновенна! Король мудр, умён, справедлив и очарователен. Одного его взгляда достаточно, чтобы ему поклонялись, чтобы исполняли его волю, почитали и боготворили, ибо не должно быть сомнений в его власти, как и сомнений в его высшем происхождении. Так велено говорить, так велено думать, так велено учить. Если кто-либо усомнится в его власти, то тогда какой смысл в такой власти? Королевство погрязнет в смуте. Каждая блоха возомнит себя достойным подобной власти. Бог уйдёт. Он не останется там, где правят низшие! Ведь королей посему и приравнивают к богам, ибо невозможно оспорить божественную власть!

– Патриарх Аэглоссель

Глава 7

Чистое сердце

На руках и ногах тугой узел. Кожа истёрта до мяса. Во рту грязная тряпка, упирается в самое горло. На губах следы крови. Из-за звона в ушах всё кажется отдалённым. Перед глазами сырая земля. Вокруг грязь. Треск огня. Не пошевелиться.

– А-а-а, очнулась, женщина, – подошёл охотник.

– Пфы-ыть! Мгн! Ы-ы-ыть! – мычала Кира.

– Что? Не понимаю. Что ты хочешь?

– Ы-ы-ыть!

– А-а, пить! Да, конечно, ты хочешь пить, но, боюсь, воды хватит только на одного.

Клинн присел напротив огня.

– Надо же, как тебе везёт, Кира. Я нёс тебя на собственном горбу целый час, и ни одной лошади... Ни одной! Но ничего, отдохну, и через день-два, мы в Л'э Сакрэ.

Он перевернул палку с насаженным кроликом.

– М-м-м, вкусно получается. Знаешь, что интересно, Кира? Ты имеешь удивительный дар – наживать себе врагов. Сначала меня нанял сам принц Гретани, наследник престола и будущий король, представляешь? Да, тот самый, чьего

сына ты убила. Чёрт возьми, что тебе сделал этот бедный пацан, что ты так жестоко с ним расправилась? А я-то думал, это я бессердечный тип, но ладно, я уверен, у тебя были на то веские причины. Так вот, этот принц предложил мне за твою голову столько денег, что мне хватит до конца жизни. И вот, я уже взялся за это дело, как вдруг получаю весточку от генерала Эдвина фаль Дреанна, твоего любимчика. И угадай, что? Он предложил мне денег. Конечно, куда меньше, чем сын короля, но и требовал он куда меньшего. Ему было достаточно просто твоего исчезновения. И вот, я уже на дороге, иду по твоему следу, и что же вижу: плакат о розыске. С твоим именем, Кира! Ха-ха-ха! Боже, как же это прекрасно, подумал я. Три награды за одну голову никчёмной девки. Эй, скажи мне, Кира, есть ли в этом мире место, где ты ещё не нажила врагов? Думаю, вопрос риторический. Приятного аппетита, госпожа Ленн.

Охотник оторвал зубами кусом прожаренного мяса. Кира ворочалась в грязи, пытаясь выбраться из крепких пут, но делала себе лишь больнее. Невыносимая жажда мучала её. Она перевернулась на живот, прислонившись лицом к земле, и помочилась под себя. Моча растеклась под ней, оставив небольшую лужу. Кира отползла ниже, и губами потянулась к собственным испражнениям, отпивая понемногу, как это только было возможно с заткнутым ртом. Она тяжело дышала, с трудом глотая жидкость и переваривая тошнотворный запах, лишь бы побороть мучительную жажду. Клифф, заме-

тив это, подошёл к пленнице и ударил её в живот.

– Какая мерзость! Не забывай, грязная сука, что мне тебя ещё тащить. А, хотя, знаешь что, поволоку тебя по земле. Подарю тебе новые ощущения.

Он обмотал верёвкой шею Киры, затянув так, что пленница начала задыхаться. Закинул верёвку за плечо и поволок пекаршу за собой. Кира билась о камни, цеплялась за острые ветки, и прерывисто дышала через нос, стараясь не задохнуться. Охотник тащил её по густому лесу.

– Харе дёргаться, мать твою, – выругался он, дёрнув верёвку.

Меж сосен послышался треск. Клинн пригляделся. Он медленно обнажил меч и замер.

– Молись, чтобы это был не медведь.

И снова треск. Охотник убедился, что они с Кирой не одни в этом лесу. Из-за веток вылетела стрела, упав прямо у ног.

– Это не медведь, – радостно отметил Клинн.

Он устремился вперёд, прорубая ветки мечом. Охотник вертел головой, пытаясь выследить неумелого лучника. Очередная стрела упала у его ног, вылетев с противоположной стороны.

– Играешь со мной, ублюдок.

Клинн успел сделать несколько уверенных шагов, как, спрятанная под листьями, верёвка, неожиданно схватила его за ногу. Он повис вверх ногами, а меч вылетел из его руки.

К нему подошёл неизвестный, скрыв своё лицо под капюшоном.

– Ты кто, сука, такой? – спросил охотник.

Он не получил ответа. Неизвестный ударил его по голове, и Клифф потерял сознание, так и оставшись висеть вверх тормашками. Мужчина снял капюшон. Кире он показался знакомым, но детально разглядеть, и уж тем более узнать, его в таком положении было тяжело. Он снял с её шеи верёвку, обрезал путы и протянул флягу с водой. Кира жадно набросилась на неё.

– Не торопись. Пей размеренно, – посоветовал мужчина.

Пекарша попыталась подняться на ноги, но резкая боль нарушили её планы. Всё тело зудело. На местах тугих петель красовалась сорванная кожа с кровоточащими ранами. Незнакомец взял её на руки и посадил на коня, поспешив убраться из этого места. Они скакали минут десять, не больше. Всадник остановился у скромной палатки в том же самом лесу. Он помог Кире покинуть седло, но на этот раз она сумела встать на ноги.

– Нужно обработать твои раны, а то загноятся, – отметил незнакомец.

– Ты кто, нахрен, такой? – спросила Кира хрипловатым голосом.

– Ты не помнишь меня? Неудивительно. Я Хайко Ланд. Мы встречались в трактире, когда ты повздорила с местными.

– Ты меня выследил? Ты что, псих?

– Я спас тебе жизнь, не более.

Он усадил Киру на мягкое одеяло, и взялся за её раны.

– Он будет искать нас.

– Я знаю.

– Почему ты его не убил? Ты смог его обезвредить. Почему не убил?

– Никаких смертей.

– Ты идиот! – возмутилась пекарша.

– Не переживай. Он нас не найдёт здесь. Перед тем как спасти тебя, я оставил следы копыт, и теперь они ведут во все стороны света. Расставил ловушки и капканы. И даже это место выбрал неспроста. Осмотрись. Слева и справа – горы. Спереди – пещера, а сзади – река. Выходить из леса было бы куда опаснее.

– Этот ублюдок – профессиональный охотник за головами. Тебе его не запутать всей этой чушью.

– Хм, – ухмыльнулся Хайко, – если он найдёт нас, то дадим бой, и ты убьёшь его, как хотела. Если же нет, значит моя чушь – не совсем и чушь.

Он обработал раны на руках и ногах, и перевязал каждую белыми, приятными на ощупь, платками.

– Вот и всё. Надеюсь, заживёт, – облегчённо произнёс Хайко.

– Мне нужно идти, – вскочила Кира.

– Ты ещё слаба. Если ты сейчас уйдёшь, то вновь попа-

дѣшь в руки Клинна.

– Ты его знаешь? Откуда?

– Знаю. Мне доводилось встречаться с ним однажды.

– Я тебе, и без того, не шибко доверяю, а сейчас подавно.

– Я не прошу доверия, Кира. Хочу лишь отыскать алланарскую армию, как и ты.

– Что тебе сделали алланы?

– Ха-ха, – рассмеялся Хайко.

– Что тебя так развеселило?

– Наверное, после моего ответа ты вовсе сбежишь. Дело в том, что в алланарской армии служат мои старые друзья. Я знаю, что ты думаешь. Алланары жестокие и беспощадные убийцы, но алланарская армия состоит ещё и из наёмников и добровольцев. А они, вовсе не алланары.

– И что ты собираешь делать, когда отыщешь их?

– Попрошу прощения, – задумчиво ответил он.

– Прощения?

– Давай так, Кира. Мы останемся здесь до завтра. Переждём бурю, а я расскажу тебе всё, что интересует, и даже больше.

Кира задумалась. Её руки болели. Пальцы были в кровавых мозолях, а ноги не слушались. Она кивнула и присела напротив Хайко. Он вытащил коробку спичек и поджёг несколько веток в костре. Тело обдало приятным теплом от вспыхнувшего огня.

– Начну с самого начала, чтобы не сбить мысли. Не про-

тив?

– Не зря же я здесь. Валяй.

Хайко начал свой рассказ...

***

В большом зале собралось человек сто пятьдесят, не меньше. Каждый из нас член клана Юллианн Агнесс – одного из древних и самых престижных кланов Л’э Сакрэ. Все свои. После долгого отъезда должна вернуться Алета Ланд – наша уважаемая предводительница. Она обладала выразительным шармом, красотой, и самое главное, мудростью и преданностью к своим людям. Её уважали и почитали за многие положительные качества, а враги и завистники боялись и ненавидели. Мы ожидали её, поэтому стояли ровно, словно стражники у королевского двора. Широкая дверь отворилась, и Алета вошла в зал в своём золотистом камзоле и чёрных высоких сапогах. Мы в едином порыве упали в пол, и почтено поклонились. Она подошла ко мне. Я видел лишь носок её идеально вычищенного сапога, и не позволял себе поднять глаз.

– Поднимись, Хайко. Оставь формальности, – обратилась она ко мне.

Я тут же повиновался. Я был выше её, поэтому старался слегка опустить голову, чтобы ей не приходилось смотреть на меня снизу.

– Как ты вырос с нашей последней встречи. Ты стал мужчиной. Выпрями спину! Не горбись, – она ткнула меня в под-

бородок. Я выпрямился. – Вот так! Всегда ходи с гордо поднятой головой, и, как и подобает Ландам.

– Слушаюсь госпожа.

– Как твоё сердце?

– Болит, госпожа, но лечение помогает. Спасибо, что прикрепили ко мне врача. Вин, безусловно, одарённый человек.

– Я рада, Хайко. Расскажи, как дела у моей дочери?

Алета пошла дальше по залу. Хайко последовал за ней.

Люди позади медленно поднялись на ноги.

– Всё благополучно, госпожа. Я приглядываю за ней, как вы и просили.

– Как она учиться?

– У неё... есть небольшие трудности, но она умело их преодолевает, госпожа.

– Хорошо, а как твоё образование? Ты учишься?

– Я стараюсь, госпожа.

– Чудно, я хочу, чтобы ты получил хорошее образование.

Это сейчас – твоя первостепенная задача! Понял?

– Да, госпожа.

– Самый большой грех в этом мире – невежество. Любой уважающий себя человек обязан быть образован. Запомни это. После того, как ты закончишь школу, поступишь с моей дочерью в королевский университет. Я уже забила для вас места.

– Благодарю вас, госпожа.

– До меня дошли сведения, что тебя с моей дочерью свя-

зывает больше, чем просто сводное родство? Или это всё же слухи?

– Это... это правда, госпожа, – покраснел я.

– Я знала, что ты не станешь врать. И что же произошло?

– Она, как подобает истинной леди, призналась мне в своих чувствах.

– Но ты ей отказал?

– Да, госпожа.

– Но не потому, что она тебя не нравится? Что, конечно же, невозможно. А потому, что ты не хочешь обременять нас своими чувствами?

– Вы, как всегда, правы, госпожа.

– Послушай меня, Хайко. Если я кому-то и доверю Карину, то только тебе. Ты – мой сын, и я всецело доверяю тебе. Дай ей согласие, и никогда ей больше не отказывай. Так ты нанесёшь нам только оскорбление.

– Я не посмею, госпожа.

– Конечно, нет.

Она дружелюбно улыбнулась мне. От её улыбки мне всегда становилось спокойнее. Алета вновь осмотрела меня с головы до ног.

– Порой, я и забываю, как быстро летит время. Когда я впервые увидела тебя, ты был маленьким котёнком, что сжимался в клубок на обочине дороги. Такой беспомощный, такой слабый. А посмотрим на себя сейчас. Мне приходится задирать голову, что взглянуть на тебя. Маленький котёнок

стал большим львом. Ты вырос, и моя дочь уже не девочка. Скоро мой час придёт, и когда Карина станет лидером Юлианн Агнесс, я хочу, чтобы ты был рядом с ней. Попроси её руки. Я даю вам своё благословение.

– Благодарю, госпожа.

Она нежно дотронулась до моей щеки.

– Береги своё сердце, милый. Сам знаешь, какое оно у тебя слабое. А сейчас я хочу увидеть дочь.

Мне оставалось только смотреть ей вслед. Позднее я вернулся к Карине. Она беседовала с матерью до самого вечера. Карина вспоминала её каждый день. Говорила мне, как скучает и сколько всего хочет ей рассказать. Я вошёл в её покои осторожно. Моё сердце бешено колотилось, не знаю, то ли из-за моей хронической болезни, то ли из-за моих чувств к ней. Я боялся, хотя каждый раз вглядываясь в её чёрные глаза, испытывал превеликую радость. Она стояла у окна, глядя на вечернюю столицу, и заметив меня, не смогла сдержать улыбки. Я улыбался вместе с ней. Не знал, что делать. Она – моя будущая жена. Моя любимая. Карина не растерялась, в отличие от меня, и бросилась ко мне в объятия. Этот цветочный запах с её нежной шеи. Тёплые руки, обнимающие меня. Чёрные вьющиеся волосы щекочут моё лицо. Я набрался смелости и поцеловал её. Это был наш не первый поцелуй, но, казалось, самый важный. В тот момент Карина сказал мне самые прекрасные слова, что мне доводилось слышать в своей жизни:

– Я люблю тебя, Хайко.

Моё сердце забилося ещё сильнее. Если я сейчас умру, то умру счастливым.

– И я тебя люблю, Карина, – ответил я.

Та ночь была незабываема, и мысли о ней греют меня по сей день. Так продолжалось долгое время. Мы поженились. Сам принц пришёл на нашу свадьбу, ибо госпожа Ланд дружила со многими представителями королевской династии. Спустя время Карина обрадовала меня дивной вестью о своей беременности. Праздный миг. Всё шло своим чередом, но вскоре мирной жизни пришёл конец. Кланы начали войну за влияние, и Юллианн Агнесс не остался в стороне. Нужно было защищать себя и своих союзников. К тому же, сила и власть были на нашей стороне. Мы имели преимущество, и госпожа Ланд была уверена в победе, но больше всего боялась за жизнь своей дочери и будущего ребёнка, поэтому увезла её в отдалённую усадьбу под защиту лучших воинов клана. Я же вместе с госпожой Ланд остался в Л'э Сакрэ, вести войну. Госпожа не позволяла мне вступать в бой. Каждый раз, когда я пылал желанием биться, она препятствовала этому. Она никогда не обсуждала со мной это. Порой я думал, что она не доверяет мне, но всё это казалось мне неубедительным. Госпожа Ланд сама вела своих людей в бой. Каждый раз она возвращалась запачканная чужой кровью, и каждый раз я видел в её глазах горечь.

Чаще всего я думал о Карине. Я боялся, что не смогу дер-

жать её за руку в этот трудный момент. Боялся, что не увижу рождения моего ребёнка. Это вдохновляло меня поскорее победить и закончить вражду, поэтому я беспрекословно повиновался каждому приказу госпожи Ланд.

В один роковой день к нам прибыл стражник из отдалённой усадьбы, где жила Карина. Он был разбит. Слёзы стекали по его щекам. Он упал перед госпожой на колени, став молить о прощении. Я наблюдал за этим и терпел нарастающую боль в груди. Стражник рассказал, что на усадьбу напал вражеский клан. Кто-то продал нас. Алета была в ужасе. Я заметил, как она посмотрела на меня. Она увидела в моих глазах ненависть и пылающую ярость. Я хотел броситься на помощь любимой в ту же секунду. Я схватил меч и направился к своему коню, но госпожа остановила меня. Она выглядела необычайно спокойной, словно ничего и не произошло. Это пугало меня и злило одновременно.

– Принеси мне из подвала арбалет, Хайко, – попросила она.

Я едва не послал её, но всё же помнил кто передо мной, и выполнил её приказ. Я спустился в подвал, взял арбалет и болты, как вдруг услышал, что дверь захлопнулась. Я поспешил наверх, но решётчатая дверь не поддавалась. Алета смотрела на меня через тёмную сетку. В её глазах я видел небывалую самоуверенность и страсть. Она могла сжечь весь мир одним своим взглядом.

– Выпустите меня, госпожа! Выпустите! – кричал я от яро-

сти. – Что вы делаете?! Я должен спасти Карину! Я перебую их всех ради неё!

Я бил по двери. Брыкался, как дикий волк.

– Ты ещё так юн, дорогой Хайко. У тебя впереди вся жизнь, и поверь, хуже всего это жить с грехом на душе. Каждый день я вижу лица убитых мною людей. Каждый день я засыпаю с их бликом перед глазами. И каждый раз я надеюсь, что не увижу, как восходит солнце. Мне уже нечего терять. Бог не отворит передо мною райских врат. Запомни, Хайко. Человеческая жизнь – бесценна. Нет ничего в этом мире более ужасного, чем смерть. И я, надеюсь, что тебе никогда не доведётся её увидеть.

– Нет! Нет! Госпожа! Прошу! – вопил я.

Госпожа оставила меня и унеслась прочь. Я слышал лишь топот её коня. Мне было больно. Я чувствовал беспомощность, и презирал себя за собственную глупость. Меня выпустили спустя время. Мой собрат заметил меня и отворил дверь. Я в ту же секунду вылетел из дома, запрыгнул на коня, и, сверкнув копытами, молнией ринулся с места. У распахнутых ворот лежал убитый стражник. Я поднял с земли арбалет и перезарядил. Конь Алеты бегал по саду. Он был чем-то напуган. Множество перетоптанных следов свидетельствовали о битве. Я вошёл в усадьбу.

Карина! Карина! – звал я любимую, но не получил ответа.

На лестнице свежие капли крови. У окна труп стражника с пробитым арбалетным болтом доспехом. Рядом с ним

ещё один. Я вошёл в комнату Карины. Одежда разбросана, мебель перевернута, но ни Карины, ни следов битвы. Вдруг я услышал шум на заднем дворе. Глянул в окно и увидел солдата, что пытался удрать через ограду. Я прицелился, но тут же вспомнил слова госпожи. Мне хотелось выстрелить, но так и не хватило сил нажать на курок. Во дворе лежали с десяток стражников, убитых в сражении. Мечи, словно надгробные кресты, были воткнуты в тела. Я присмотрелся.

– О, нет... Нет! – пришёл я в отчаяние, узнав госпожу Ланд.

Она лежала на животе. В боку кровоточащая рана. На мгновение мне показалось, что ещё дышит, но приблизившись, я увидел смерть. Бледные глаза смотрели в пустоту, словно нечто отобрало у неё душу. Холодное тело лежало передо мной. Без чувств, без эмоций, без красоты. Это и есть смерть. Рядом с ней лежал стражник. Доспехи странно смотрелись на нём. Они выглядели слишком громоздкими и неряшливыми. Из-под панциря торчало светлое платье, а рядом серебристый меч с монограммой: «К». Я аккуратно перевернул тело. Сердце сжалось. Я не мог сдержать слёз. Ноги не слушались, и я упал на колени. Это была Карина. Я не мог говорить. Не мог кричать, хотя безумно хотел. Я мог лишь мычать, словно побитая собака, покачиваясь от ужаса. Сердце напомнило о себе нахлынувшей болью.

– О, Карина. Карина, – вымолвил я, прижав тело возлюбленной к груди.

Я надеялся, что он обнимет меня в ответ, но понимал, что чудеса происходят лишь в сказках. Позади послышался топот копыт. Мои собратья окружали меня, и лишь завидев чёрные локоны госпожи, осознали происходящее. Они долго молчали, слушая мою боль.

– Что нам делать, Хайко? – наконец, спросил один из них.

– Почему ты меня спрашиваешь? – вымолвил я сквозь зубы.

Собратья переглянулись. В его глазах пылала надежда.

– Потому что теперь ты – наш господин.

Они опустили на колени и поклонились глубоко в пол. Они не только признали меня своим лидером, но и простились со предыдущим. Я не знал, что мне делать. Я поцеловал мою Карину и сбежал. Я бежал далеко, пока не осознал, что уже не понимаю, где я нахожусь. Позже я понял, что совершил ошибку. Ошибку, которую уже нельзя исправить. Клан Юллианн Агнесс распался, а многие мои собратья присоединились в армии фаль Дреанна, другие же, более опытные воины, присоединились к группе Аэнли. Я совершил ошибку, которая стоила многих жизней, и теперь должен исправить её. Попросить прощения у моих собратьев, которых предал, и принести мир в эти земли, чтобы никому больше не пришлось умирать.

***

Хайко глубоко вздохнул. Обнажённые угли трещали перед ним.

– Скажи мне, Кира, ты когда-нибудь любила? – спросил он.

– Да, любила. И всех, кого я любила, потеряла.

– Хотел бы я обнадежить, но понимаю, что ты чувствуешь. Скажу лишь одно: не стоит терять надежды. Иногда мы очень страдаем, но проходит время, и прошлое со всеми его страданиями становится нам дорогим, – поразмыслил он.

– Ты упомянул группу Аэнли. Кто они? – сменила тему Кира.

– Они бродячие воители. Непонятно, чем дорожат, непонятно куда идут, но в бою им равных нет. Я видел их однажды. Чистые, ухоженные, в идеально выглаженной одежде. Их трудно не заметить среди серой грязной толпы. Они моются в банях после каждой битвы, доводя своё тело до совершенства не только мастерством, но и обликом. Многие не понимают их. Зачем выглядеть опрятно, если каждый раз вступая в бой, ты на волосок от смерти? На такое замечание Аэнли отвечают просто: человек даже после смерти должен выглядеть опрятно, потому что даже самый маленький алмаз никогда не затеряется среди кучи грязи.

– Я уже слыхала нечто подобное. Правда, без алмазов.

– По факту они наёмники, выполняющие указы богатых господ, но далеко не всех и далеко не всегда. Мы должны отыскать их, Кира. Они помогут нам одолеть алланарцев.

– Каким же образом?

– Попытаемся занять место их лидера. Это трудно, но воз-

можно. Чтобы стать их лидером, нужно им соответствовать. Они идут лишь за сильным. Но если справиться, то с ними нам будут открыты многие дороги.

– И ты знаешь, где их искать?

– Да. Мы пойдём по следам моего клана. Если я прав, то сейчас они на юге.

– Я стану их лидером, – уверенно заявила Кира.

– Уверена? Справишься?

– Да.

– В таком случае, я поддержу тебя. Выдвинемся на расвете.

Хайко устало потянулся и лёг в свою палатку. Кира осталась у костра. Тепло огня грело её, навивая воспоминания о Космее. Она раскрыла глаза только к рассвету. Угли тихо трещали перед ней. Хайко уже собрался в путь, свернув все свои пожитки в компактный мешок.

– Доброе утро, Кира. Выдвигаемся, – обратился он и седлал коня.

Кира в последний раз взглянула на угасающий костёр и уселась позади. Хайко держал путь по крайней стороне леса, и продвигался так, словно чётко знал куда идти. Он часто поглядывал на, нарисованную от руки, карту, и проверял по ней свои расчёты. Каждая сторона света у него была определена, а если он сомневался, то поглядывал на солнце, дабы убедиться в своих предположениях. Он был не похож на Космею. Космея пользовалась интуицией, и она её редко

подводила. Хайко же был куда расчётливее и доверял лишь фактам. Кира не забывала лишний раз оглядываться, припоминая охотника за головами, что мог бродить где-то поблизости.

– Тяжело дышать, – пожаловался Хайко.

– Что с тобой? Почему?

– Это сердце. Так с самого детства.

– Ты умираешь?

– Ха-ха, врачи каждый год, с самой моей юности, говорят, что мне осталось жить пару месяцев. И, как видишь, я до сих пор жив. Видимо, судьба считает, что мой путь не окончен.

Хайко глубоко вздохнул. Кира чувствовала, как быстро бьётся его сердце. Вдруг он замер, уставившись в одну точку. Пекарша замерла вместе с ним, но внимательно глядела на него.

– Эй, смотри. Что это? – спросил он, указывая на землю.

– Чёрт! Ты меня напугал, – возмутилась Кира. – Я подумала, ты помираешь.

Хайко ухмыльнулся. Ленн присмотрелась, заметив на земле несколько пучков волос.

– Это волосы, – ответила она.

– Да, это человеческие волосы с рук. Значит, Аэнли близко.

– Причём здесь Аэнли?

– Они выбривают себе руки и лицо так тщательно, что кожа младенца на их фоне показалось бы ржавым куском ме-

талла, а ногти у них чище, чем у королевских дочерей. Я же рассказывал тебе, что они помешаны на внешнем виде.

– Да, но руки та зачем брить.

– Руки воина – его гордость. Этими руками они убивают своих врагов.

Хайко вновь схватился за грудь. Он на мгновение замер, а затем, потеряв силы, упал с коня. Кира спрыгнула за ним, взглянув на ослабевшего спутника.

– А говоришь, не умираешь, – съязвила пекарша.

– Всё хорошо. Дай... дай мне время, – успокоил её Хайко.

– Погоди, кто-то идёт, – прислушалась Кира.

– Вставай, Хайко, – обратился седой мужчина. – Алета не одобрила бы, что ты валяешься по среди, забытой Богом, степи.

– Вин? – сразу же узнал его Хайко.

– Давно не виделись.

Вин протянул ему руку и помог подняться на ноги.

– Благодарю, Вин. Откуда ты здесь?

– Я думаю, ты прекрасно знаешь, откуда. Ты ведь выслеживаешь Аэнли.

– Ты один из них?

– Да, даже самым талантливым воинам нужен врач.

– Мы ищем их.

– Чтобы стать нашим предводителем? У нас уже есть лидер, Хайко. Но можете показать себя, если вам дадут такую возможность, но не мне это решать.

– Мы попробуем, Вин. Попытаемся.

– Ты, как всегда, Хайко, следуешь своей судьбе. Пойдёмте.

Кира и Хайко седлали коня и неспешно погарцевали за врачом. Он вывел их на опушку, где по периметру стояли огненные чаши. Всё было отсчитано и расположено предельно точно, вплоть до мельчайших деталей. Чаши располагались ровно через пять шагов друг от друга. Шатры стояли возле каждой из чаш, и их количество равнялось количеству членов группы в размере пятнадцати человек. Между шатров, в самом центре лагеря костёр, а рядом с ним лишь одно место для предводителя, чтобы вовремя отдать приказ и быть услышанным каждым членом группы. Аэнли стремились к дотошному перфекционизму во всём. Хайко заметил среди них знакомые лица. Вин подошёл к своему предводителю и шепнул на ухо пару фраз. Лидер взглянул на гостей краем глаза.

– Выглядишь достойно, Кира Ленн фаль Тренна, – обратился он.

– Знаешь меня? – спросила Кира.

– Само собой. Так прославиться в одно мгновение – это, своего рода, талант.

– Раз ты знаешь меня, значит, догадываешься, зачем я здесь.

– Конечно, догадываюсь. Но, понимаешь ли... Нам опасно связываться с тобой. За один только этот разговор нас могут

повесить или, ещё хуже, сжечь на костре.

Лидер подкинул ветку в огонь и продолжил:

– Мы служим тому, кого посчитаем достойным. Чем ты докажешь, что достойна вести нас?

Кира обнажила меч и направила в сторону предводителя. Он поднялся и плавно провёл кончиками пальцев вдоль пояса. В лёгком порыве он закинул плащ за спину, раскрыв блестящую рукоятку меча. Даже столь обычное действие, как обнажение меча, напоминало заранее отрепетированное представление. Эффектное. Грациозное. Мистическое, словно таинственный ритуал перед чей-то смертью. Кира направилась на него, атаковав прямым ударом. Лидер не сдвинулся с места, ловко отразив нападение. Пекарша продолжила атаковать. Предводитель увернулся, отразил, легко поспевая за хаотичными и дерзкими ударами Киры. Она довольно быстро выдохлась, но всё же сумела найти слабое место и нанесла боковой удар справа в шею. Лидер предпринял встречную атаку и полоснул мечом слева. Они стукнулись лезвиями, остановив друг друга. Кира слегка попятилась, и хотела напасть вновь, но предводитель вдруг спрятал меч, тем самым прервав бой.

– Ты так яростно желаешь смерти своих врагов, – подметил он.

– Да, это так заметно? – ответила Кира, переводя дыхание.

– Ты выплёскиваешь свою ярость напрасно, совершенно забывая об остальном. Ты обижена и оскорблена, и это тебя

гложет.

– Да, заткнись ты! Что ты знаешь? Ты когда-нибудь видел, как на твоих глазах умирали все, кто тебе дорог?! Ты знаешь, какого это, когда вся твоя жизнь сгорает, словно сухая ветка?! Я не остановлюсь, пока не перебыю всех этих мразей. Пока их обезображенные тела не будут лежать у моих ног. Пока каждый трус по эту сторону моря не будет знать моё имя.

– Что-ж, достойное желание, фаль Тренна. На то воинам и нужны враги, чтобы их побеждать. Ты не достойна вести нас. Тебя переполняет гнев, ненависть и злоба. Лидер Аэнли же должен быть хладнокровным, умелым и мудрым, и это не ты.

– Позвольте мне стать предводителем Аэнли, – заявил Хайко. – Я вижу здесь людей, которых когда-то знал, и некоторые из вас тоже узнали меня. Я прошу у вас прощения за прошлые ошибки. Надеюсь, что вы позволите мне загладить мою вину.

Лидер осмотрел своих людей, убедившись, что они согласны, и обнажил меч. Хайко приготовился к бою. Он сделал на удивление быстрый шаг, чем тут же заставил противника тронуться с места. Хайко бился размеренно, поразительно ловко, но при этом неторопливо, словно просчитывая каждый свой ход. Он держал дистанцию, не наседав. Лидер также бился в пол силы, из-за чего поединок напоминал романтический танец, нежели серьёзный бой. Предводитель напирал. Хайко отразил, увёл его меч вниз и ударил по долу,

чем заставил лидера слегла склониться перед ним. Затем он схватился руками за лезвия и рукояткой выбил меч из руки предводителя. Ловко перевернул своё оружие и нанёс прямой удар, оставив остриё у самой груди.

– Впечатляюще, – поклонился побеждённый. – Ты достоин вести нас, Хайко Ланд, но при условии, что все члены группы примут тебя.

Хайко спрятал меч и глубоко вздохнул.

– Я не идеальный человек, – поделился он. – Я предал своих собратьев, когда им нужна была моя помощь. Я не бесстрашный воитель, я никогда не убивал. Я недостойный муж, я не сумел спасти ту, которую любил. Но я верю, что живу не просто так, а чтобы исправить минувшее, и построить будущее. Если вы окажете мне свою поддержку, то обещаю, я сделаю всё для этого.

– Такое мог сказать только ты, Хайко, – ответил ему Вин.

– Что-ж, отныне ты наш лидер, Хайко Ланд, – признал его воитель. – Добудь нам честь в бою, а мы поможем тебе построить будущее.

Бригада Аэнли – группа людей, женщин и мужчин, сражающихся на стороне того, кого посчитают достойнейшим. Обладают сноровкой и техникой. Следят за внешним видом и крайне почтительны даже с врагами. Убивая своих врагов, позже хоронят их с почестями и уважением, как полагается воинам. Воины Аэнли выбривают себе волосы на лице,

шее и руках. Пользуются косметикой и мажутся кремами для кожи. Их ногти напоминают произведение искусства: вычищенные, подстриженные, ровные. Волосы аккуратно сложены и зацеплены. Локоны воителей смазаны, приятно пахнущей, мазью, поэтому буквально светятся, отражая дневной свет, а ночью загадочно мелькают под блеском луны. Их манеры напоминают манеры дворян или дворцовых принцев. Опрятность и прямая осанка всегда гармонируют с их жизненным путём, чем вызывают, у встречавших их зевак, нескрываемое уважение.

– Отрывок из рукописи «Гретань – родина воинов», Арвен фаль Дер Сар

Если Аэнли проиграл сражение и ему грозит смерть, он обязан торжественно произнести своё имя и умереть без позорной спешки.

– Отрывок из кодекса Аэнли

Руки воителя Аэнли должны быть чисты и идеально выбриты. Негоже вступать в бой в грязи, как подобает брошенной собаке. Облик, уважающего себя воина, обязан соответствовать его душе!

– Отрывок из кодекса Аэнли

Глава 8

Божественный огонь

Снег растаял рано. Дороги покрылись грязью и лужами. Наружу вылезли все нечистоты человечества: кровь, испражнения, растерзанные тела и отрубленные конечности. Куски человеческой плоти начали гнить на весеннем солнце. Огромная армия выдвинулась через ворота Л'э Сакрэ. Рыцари, воина святого ордена, солдаты и наёмники в едином порыве маршировали вдоль улиц. Они были вдохновлены на бой против алланских разбойников. Полгода они ожидали в застенках столицы приказа своего короля.

Хайко вскочил с места. Дурной сон снова заставил его проснуться. По правую руку от него трещал костёр. По периметру огненные чаши. Он спал в центре, как подобает лидеру Аэнли.

– Кошмар? – спросила Кира, сидя у своего шатра.

– Да, кошмар. Один и тот же, каждый раз. Мне снится смерть. Чёрная фигура, без тела и эмоций, преследует меня и идёт по пятам. От неё невозможно скрыться. Смерть пугает меня, и я просыпаюсь в холодном поту, боясь вновь заснуть.

– Соберись. Ты помнишь нашу цель?

– Помню, Кира. И я готов.

Кира резко обернулась, услышав позади треск. Нож прилетел, словно из ниоткуда, упав в метре перед ней. К нему была прикреплена записка с одним словом: «*вставай*».

– Пойду, прогуляюсь, – предупредила она Хайко.

Пекарша вышла с опушки, держась за рукоятку меча, и заметила, как белый конь свободно разгуливает по полю.

– Не может быть, – прошептала она.

Кто-то неожиданно схватил её за плечо. Кира дёрнулась, но тут же узнала эти седые локоны.

– Чёрт! Вы меня напугали.

– Тебя ещё что-то способно напугать? – спросила Селена. – Погляди на себя, прямо красotka. Это ради Ланда ты так прихорошилась?

– Как вы нашли меня?

– Ты что, блять, шутишь? Я не отходила от тебя ни на шаг, после того, что ты устроила в моём доме! – разозлилась госпожа. – Хорст многое мне поведал. Привести эверленскую поджигательницу? Серьёзно? Это слишком тупо даже для тебя! Мне пришлось терпеть нападки ордена, а я ненавижу этих фанатичных ублюдков!

– Чего вы хотите от меня, госпожа Роммель? Или вы искали меня, чтобы научить манерам?

– У меня для тебя новое дело. Убей для меня кое-кого.

– С чего вдруг, я уже не работаю на вас.

– Ты мне обязана! Или ты забыла, кто сделал тебя той, кем ты являешься?! И после того, что ты устроила в столице, за

тобой должок.

Кира не стала спорить.

– Славно. Тебе придётся вернуться в Л’э Сакрэ.

– В столице меня знает каждый вшивый стражник. Я не могу туда вернуться.

– Так придумай что-нибудь, Кира. Включи мозги хоть раз и сделай своё дело. К тому же, большинство действительно опытных воинов ушли на войну с алланами. Вчера утром они покинули столицу. Скоро будет жаркий бой. Что же касается твоего дела, я хочу, чтобы ты убила её быстро, без лишних выебонов.

– Её?

– Да, твоя цель – женщина.

– Вы хотите, чтобы я убила женщину?

– Да, это проблема для тебя? Женская солидарность не позволяет?

– Я никогда не убивала женщин.

– Зато, я слыхала, трахалась с ними. Через два дня в столице пройдёт её свадьба. Убей её прямо во время церемонии, чтобы каждый это увидел.

– Кто она?

– Лживая шлюха. Дочь командора ордена. Знатная особа.

– Я не буду её убивать, – заявила Кира.

– Вот как? Не будешь? Смеешь мне отказывать?

– Я вам ничего должна, госпожа Роммель. У меня другая цель и я буду следовать ей.

Селенна ухмыльнулась. Её довольное выражение лица предвещало беду.

– Я знаю, где Космея, – объявила она.

– Космея мертва! – взбесилась пекарша.

– Нет, она выжила. Так как ты развалила главную тюрьму королевства, то они держат её в другом месте, более надёжном.

– Где?! Скажите мне!

– Я скажу тебе, где её найти после того, как ты сделаешь свою работу. Пускай это будет твоей мотивацией, дорогая Кира. Свадьба через два дня! Поторопись.

Селенна свистнула своей кобыле и уселась верхом, лукаво подмигнув Кире. Пекарша вернулась в лагерь Аэнли.

– Я возьму твоего коня, Хайко, – обратилась она.

– Зачем? Куда ты собралась?

– Ты знал, что гретанская армия направляется бить алланов?

– Да, они ждали весны.

– Вчера они покинули столицу. Я вернусь, Хайко. Веди группу, как мы и планировали. Я догоню вас.

– Хорошо, надеюсь, ты осознаёшь, что делаешь.

– Я тоже. Береги сердце. Не помри без меня.

– Не помру, Кира. Удачи тебе.

Кира подогнала коня и устремилась в сторону столицы. Она заметила несколько крупных гретанских отрядов. Они маршировали, били в барабаны и пели песни. Воины святого

ордена хоронили убитых мужчин, женщин и детей, которых встречали по пути. Некоторые тела сжигали, другие закапывали под крестами, третьи отмаливали святой водой, ибо от изрубленных, уничтоженных и истерзанных людей остались лишь останки. От целых деревень и высоких домов – руины. Кире казалось, что дорога в столицу может оказаться опаснее, чем сам Л'э Сакрэ, но гретанские солдаты не обращали на путешественницу никого внимания. Их заботила месть. Их тянуло поскорее расправиться с врагами королевства.

Пекарша приблизилась к столице уже на следующий день. Дозорных на стенах стало заметно меньше, а сам крупный город, словно опустел. Несмотря на тёплую весну, многие жители оставались в своих домах. По улицам лишь иногда проходил одинокий молодой стражник, который старался держаться максимально отстранённо от всех неприятностей Л'э Сакрэ. Кира не знала, куда ей деться. Её вело по тесным пустым улицам столицы. Вонь нечистот и грязи исходило здесь из каждого угла. Запахи, что уже давно стали знакомыми. Ленн остановилась в примечательном месте. Она сразу же узнала этот тёмный угол, где беспощадно убила мальчишку. Юная кровь крепко впиталась в землю. Гнилые пятна чернели на стенах. Кира чувствовала, как за ней наблюдают. Она обернулась и заметила ту самую девушку, наблюдающую из окна, которая была свидетельницей убийства. Девушка смотрела не отрываясь, словно очарованная зелёными глазами. Кира подошла к двери и постучала. Она была уве-

ренна, что дверь не откроется, но удивительная надежда и страстное желание уверяли её в обратном. Ручка вдруг дёрнулась и дверь слегка приоткрылась. Пекарша вошла в просторный дом. Девушка замерла, с любопытством и страхом наблюдая за гостьей. Она поднялась на второй этаж и проводила Киру в свою комнату, закрыв после неё дверь. Девушка указала на стул, что стоял в углу, а сама села на кровать у окна.

– Зачем ты меняпустила? –спросила Кира, после долгого молчания.

– Мне показалось, что тебе одиноко и холодно, – ласково ответила она.

– Ты ведь знаешь, кто я, и вижу, что боишься, но всё равно проявляешь гостеприимство.

– Да, знаю. Ты Кира Ленн из Тренны. О тебе много говорят. И да, я боюсь, но не тебя, а твоих поступков.

– Это... это одно и то же.

– Вовсе нет. Вовсе не одно и то же. Каждый человек поступает так или иначе из-за пустоты в своей душе. Когда душа наполнена радостью – человек счастлив и делится добром с другими. Когда же человек всё теряет – он страдает и совершает зло. Вот и ты страдаешь, Кира. Ужасно страдаешь.

– Я пекла хлеб в Тренне. Вкусный и тёплый. Мне так это нравилось, – Кира не замечала, как слёзы стекали по её румяным щекам. – Я всех потеряла, обрекла других людей на страдания, а теперь сижу и жалуюсь на жизнь незнакомке.

Всё, чего я хочу, снова печь хлеб в своём доме. Чтобы все, кто мне дорог, были со мной... Вот и всё.

Она пыталась сдержаться. Пыталась подавить вырвавшиеся эмоции.

– Поплачь, Кира, – настояла девушка. – Тебе полегчает. Поплачь.

Пекарша залилась горькими слезами. Страх и горечь ушли. Впитались в шерстяной ковёр. Тишина вокруг и домашний уют придавали ей сил. По этой забытой гармонии она скучала больше всего.

– Хочешь выпить? – предложила хозяйка.

Кира кивнула. Девушка вытащила из-под кровати бутылку вина и разлила по бокалам, передав один гостье. Они звонко чокнулись. Ленн сделала глоток и ощутила яркий вкус винограда.

– Вкусно, правда?

– Да, очень, – ответила Кира.

– Я сама его приготовила. Давила виноград собственными ногами, – улыбнулась девушка.

– Ха-ха, – улыбнулась пекарша. – Надо же. Не думала, что виноград из-под чьих-то ног может быть таким вкусным.

– Да! То ещё занятие.

Они довольно жадно распили целую бутылку.

– Ах, закончилась, – расстроилась девушка. – Правда, у меня есть кое-что другое.

Она вскочила в кровати и подошла к широкому шкафу, в

котором стояли множество бутылок с алкоголем.

– Ты алкоголичка? – спросила Кира.

– Нет, что ты. Просто люблю выпить.

– Это и называется – быть алкоголичкой.

– Ха-ха, не смейся. Всего лишь напиток, только и всего.

Девушка разлила жгучее пойло по бокалам.

– Мы с тобой пьём, но я даже не знаю твоё имя. Как тебя зовут?

– Меня зовут Эльна.

– А я... Меня зовут Кира.

– Приятно познакомиться.

– Эх, – вздохнула Ленн. – Я устала.

– Оставайся здесь, Кира. Оставайся сколько пожелаешь.

– Доверяешь мне?

– Как можно не доверять женщине, с которой ты выпила.

– Хорошо, – улыбнулась Кира. – Спасибо тебе. Мне нужно

переждать до утра.

– Что же будет утром?

– Я убью человека, – искренне ответила пекарша.

– Это обязательно?

– Нужно забрать одну жизнь, чтобы спасти другую.

– Нельзя никого спасти жестокостью, – уверенно ответила

Эльна. – Отдыхай, Кира. Я буду рядом.

Кира кивнула и расслабилась на мягком полу. Голова закружилась, а усталость охватила всё тело. Она видела перед собой блеклую тень, что надвигалась прямо на неё. Кира убе-

жала от неё, спрятавшись в одной из комнат. Ей было страшно. Ужас пробирал до самых пяток. Тень настигла её. Кира не могла пошевелиться, не могла спрятаться. Страх парализовал. Силуэт без лица и тела. Чёрная фигура без чувств и сострадания. Он близко. Он здесь.

Пекарша вскочила с места и в ужасе осмотрелась. Она проснулась в тёплой и тихой комнате, где пахло терпким вином. Эльна спала рядом. Близился рассвет. Кира поднялась и начала рыскать по кухне, дабы утолить свою жажду, но воды нигде не оказалось. Она покинула дом и набрала воду из ближайшего колодца. Улицы пустовали. Утренний холодок прошелся по коже. Кире стало не по себе. Нечто беспокоило её, словно кто-то целится ей прямо в затылок. Она обернулась, но вокруг всё также было пусто. Ленн набрала бутылку и подошла к дому Эльны. Дверь была открыта нараспашку. Кира бросила бутылку и забежала в дом. Мебель у входа перевернута и разбита. Вещи со второго этажа выброшены вниз. Пекарша осторожно поднялась по лестнице и вошла в комнату Эльны. Она заметила свежие капли крови у порога, а затем и саму Эльну. Её окровавленное тело лежало на кровати. На груди несколько колотых ран от кинжала. Вместо радостной улыбки – гримаса ужаса. Кира замерла. Ком встал в горле. Ноги задрожали. Она старалась удержать своё неровное дыхание и медленно взглянула на приоткрытый шкаф у стены. Ленн аккуратно потянулась за мечом, как вдруг из-за двери на неё набросился охотник. Клинн схватил её за горло

и прижал к стене.

– Тебе больше не уйти от меня, Кира Ленн, – злобно произнёс он.

Кира стиснула зубы и отбросила его ногой. Она быстро обнажила меч. Охотник успел среагировать и отразил атаку. Они бились в небольшой комнате, поэтому всё время держались близко. Ленн махала мечом, атаковала. Ей удалось выбить меч из его рук. Клинн ударил её по лицу. Кира попятилась, вновь оказавшись прижатой к стене. Охотник не давал ей ступить и шага, но пекарша извивалась и дралась, не позволяя ему перевести дух. Она харкнула в него кровью и впиалась пальцами в глаза, размазывая жгучую кровь по лицу. Клинн не отступил. Он ударил её коленом в живот и бросил в другую часть комнаты. Кира ударилась спиной о маленький столик и упала на пол прямо у холодных ног Эльны. Она не потеряла меч, всё время крепко сжимая его в ладони. Ленн воспользовалась образованным расстоянием между ними, слегка приподнялась на колено и метнула меч в охотника. Он увернулся и устремился на Киру. Она совершила перекат, проскользнув прямо у его ног, вновь схватила своё оружие и резким выпадом вонзила меч в его спину. Клинн захрипел от боли, но всё же не сдался и попытался напасть на пекаршу снова, но она увернулась от её атаки и ударила ногой в живот. Охотник упал прямо на деревянный шкаф, оставив от него лишь поломанные доски и разбитые бутылки. Кира глубоко дышала, наблюдая, как Клинн кор-

чится от боли. Кровь стекала по его рубашке, а сам он медленно задышался, хотя и пытался глотать воздух.

– За что ты убил её?! – гневно воскликнула Кира. – Она была не причём! Невинная! Добрая! Зачем?

– Ты осквернила её... своим присутствием, – с трудом ответил охотник. – Гори в аду, Кира Ленн.

Он испустил последнее издыхание и свесил голову. Мертвый взгляд пал в пустоту. Кира не стала смотреть на девушку рядом с собой. Боялась. Не желала видеть её такой. Она спрятала свой меч, вылила на пол бутылку спиртного и подожгла дом. Огонь распространился, охватив невинное тело Эльны. Кира поспешила убраться из места, которое позднее местные обзовут проклятым.

Отыскать пышную свадьбу оказалось совсем несложно. Вдоль улицы к придорожным столбам были привязаны яркие ленточки, а с крыш свисали венки из омелы. Неподальёку уже слышались смех и радостные возгласы гостей. Кира поднялась на крышу одного из домов и заметила свадебное торжество. Молодожёны стояли на балконе, а снизу гости кричали им свои пожелания и поздравления. Невеста была прекрасна. Белое кружевное платье и жемчужные украшения. Светлые вьющиеся локоны и сверкающая белоснежная улыбка. Она излучала безмерную радость и делилась ею с окружающими. Невинная. Беззаботная. Счастливая.

– Извини, – прошептала Кира.

Она вытащила из-за спины лук и стрелу. Её руки были

холодны. Пекарша медленно водила прицелом вдоль городского пейзажа. Она уверенно натянула тетиву и чувствовала весенний ветер на своей взмокшей коже. Сердце вырывалось из груди. Мысли о Космее выгоняли прочь всякие сомнения. Кира прицелилась на десяток сантиметров выше цели. Она следила за своим дыханием, оперевшись на колено и выпрямив спину так, как это позволяла ей гибкость. Ленн задержала дыхание. Всего на пару секунд. Отчётливо слыша бие-ние сердца. Мир вокруг остановился. Шум ветра исчез. Гул толпы замер. Кира ослабила напряжённые пальцы, и стрела вылетела навстречу солнцу. Серебристый наконечник сверкал в небе, плавно опускаясь ниже. Невеста подняла глаза. Искры на мгновение ослепили её на фоне солнечных лучей. В свои последние секунды она слышала лишь оглушающий свист, который пронзил её сердце. Кровь брызнула на беже-вый балкон. Красное пятно образовалось на белом платье, и невеста, под истеричные вопли толпы, рухнула на пол. Её глаза умерли также быстро, как и тело, наполнившись синим инеем в столь тёплый день. Жених с ужасом наблюдал за сво-ей избранницей, не в состоянии сдвинуться с места. Маленькие капли крови засыхали на его шее, перемешавшись с хо-лодным потом. Кира, не теряя ни минуты, выбросила лук в дымоход на крыше и поспешила в дом Селенны. В этот раз ворота были открыты, а госпожа Роммель уже ожидала свою ученицу у порога.

– Славно, – поприветствовала она Киру, довольной улыб-

кой. – Визги этих самодовольных идиотов слышны даже отсюда. Ты всё сделала безупречно, дорогая.

– Где Космея?

– Ах, да. Всё ещё думаешь своей пиздой вместо мозгов. Но хорошо, уговор – есть уговор. По моим расчётам, в данный момент её везут на центральную площадь.

– Что? – потеряла дар речи Кира.

– В ближайшие пятнадцать минут её сожгут на костре. Это было очевидно, дорогая Кира.

– Дрянь, – выругалась пекарша, не в состоянии сдержать гнев. Селенна сердито взглянула на неё.

– Что ты сказала?

– Ты знала, что Космея в тюрьме. Знала, что её ждёт казнь. Знала, что я спасу ее, если отправлюсь немедленно, но промолчала, отняв у меня столь ценное время!

– Что ты о себе возомнила, девчонка?! Не забывай, с кем говоришь! Не забывай, кто научил тебя всему. Кто спас твою никчёмную жизнь!

– Я помню, кто спас мою жизнь. Она сейчас сидит в воючей клетке и ждёт смерти!

– Если бы ты вновь сунулась туда, они поймали тебя! Сперва они бы тебя пытали, а потом сожгли на площади, как каждую негодную им женщину в этом грязном мире. Подумай, Кира, подумай хоть раз. Я спасла тебя. Пожертвовала пешкой, чтобы твоё имя могло и дальше вселять страх в сердца людей!

– Это... это была ты. Это ты сдала Космею. Ты шла за нами. Видела, как она упала в пропасть, и вернула её в столицу ради собственной выгоды.

– Какая ты проникательная, Кира. Можешь же, когда захочешь. Правда, могла бы и раньше догадаться.

– Заткнись, сука! Я иду за Космеей, и если я не успею спасти её, если мне хватит времени, то обещаю, я вернусь сюда.

– Ты что, думаешь убить меня? Ха-ха! Ты и впрямь высокомерная идиотка!

– Ты стара. Когда ты убивала в последний раз? Я знаю, почему ты послала меня убить невесту. Потому, что сама никуя уже не можешь.

Селенна пылала гневом. Её скулы дрожали. Кира глубоко дышала, подёргивая пальцами. Секундная пауза переросла в гнетущую тишину. Кира выхватила свой меч и нанесла удар. Селенна ловко увернулась и ударила по рукам ученицы с такой силой, что меч вылетел из её руки и вонзился в стену, крепко засев внутри. Пекарша задрожала от сильной боли. Мастерша сделала несколько стремительных шагов вперёд и ударила кулаком в лицо. Кира попятилась и атаковала в ответ, но госпожа отразила, и ударила под дых. Ленн, как могла игнорировала пульсирующую боль, и сумела перехватить инициативу и схватила Селенну за кисти рук. Она ударила лбом. Кровь брызнула из носа мастерши, но отступить никак не удавалось. Руки были крепко сжаты, словно наручни-

ками. Госпожа попыталась атаковать ногами, но и тут Кира отразила нападение и ударила ногой в ответ, резко отпустив Селенну. Та попятилась от удара назад и упёрлась к стенке. Пекарша, не сбавляя темп, накинулась на мастершу и прижала её шею локтем. Селенна начала задыхаться. Кира высвобождала свой гнев и ярость, не давая госпоже даже дёрнуться. Лицо заливалось синевой.

– Иронично, – прошептала Ленн. – Тебя называют «смертью», но умираешь ты, как и все.

Селенна стиснула зубы, словно желая вырвать лицо ученицы зубами. Выпустила злобу и ненависть в последний раз. Глаза закатились за веки. Дыхание прервалось. Кира отпустила её, и тело госпожи Роммель рухнуло на пол. Пекарша отдышалась, сжав кулаки, дабы поскорее успокоиться. Позади неё послышались шаги. Она обернулась. На лестнице стоял слуга и безучастно смотрел на тело своей убитой хозяйки.

– Что будешь делать, Хорст? – спросила Кира.

– Некогда госпожа Роммель была такой же, как и вы, госпожа Ленн. Счастливой, беззаботной и радостной. Сколько я себя помню, она всегда улыбалась... до тех пор, пока враги не уничтожили её дом. Она стала жестокой, мстительной и жадной до крови. Госпожа очень изменилась. Но я всё время думал... ведь я не изменился, хотя меня тоже лишили дома, враги убили и моих родных, и я также, как и она потерял всё. Но я остался прежним. Так может госпожа Роммель и не была той доброй девушкой, и ей нужен был лишь повод,

чтобы показать свою истинную сущность. Я смотрю на вас и думаю о том же самом. Какая же вы на самом деле? Хотите услышать ответ на свой вопрос? Я буду жить, госпожа Ленн. Чего и вам желаю.

Пекарша кивнула и вышла за порог. Она прошла через золотые ворота, покинула улицу, направилась к центральной площади, и с каждым шагом ускоряла темп. Кира неслась со всех ног, наплевав на всё вокруг. Её пожирали страх и душевная боль; безысходность и неверие в собственные силы. У площади собралось много людей. На постаменте дрова и солома, крепко связанные между собой, а над ними Космея, которая безучастно глядела в пустоту. На её лице отражалась печаль и горечь. Кира не могла сдержать слёз. Ей не доводилось ранее видеть Космею такой. Ленн аккуратно протиснулась между людьми, подобравшись ближе к постаменту. Космею окружали шесть воинов ордена и столько же рыцарей, а по правую руку стоял священник в длинной балахоне. Он поднял руки и обратился к собравшимся людям:

– Перед ликом господина мы придаём огню Космею Плятер из Эверлена!

Космея осмотрела, ненавидящую её, толпу и вдруг заметила знакомую фигуру. Зелёные чарующие глаза горели среди серой массы. На её лице начала расплываться улыбка. Такая искренняя. Такая любящая. Поджигательница воодушевилась и подняла глаза так высоко, как только позволяло ей, стянутое верёвками, тело.

– Я смерть! – воскликнула она. – Я смерть и приду за каждым из вас!

Толпа испуганно смотрела на неё, боясь произнести и слово. В её глазах пылала неудержимая ненависть. Своей самоуверенной, безумно пугающей улыбкой она вселял ужас в окружающих.

– Я сожгу ваши дома! – продолжила Космея. – И обращу ваш мир в пепел! Огонь всё превратит в пыль! Не оставит ничего, кроме чёрного пепла и моего имени в ваших трусливых сердцах! Ждите меня! Смерть придёт за каждым из вас! Я встречу вас в аду!

– Господи, она дьявол! – вскрикнул кто-то из толпы.

– Посмотрите на её черную кожу. Омерзительно! – добавил другой.

– Сожгите её! Сожгите!

Священник не стал медлить и кивнул воину святого ордена с факелом. Огонь под Космеей вспыхнул, начав жечь ноги, но она и не думала кричать. Она смотрела на Киру. С её зелёных глаз скатывались горькие слёзы.

– Не смей рыдать. Никогда, – прошептала она. – Я чую... запах хлеба.

Огонь быстро захватил всё её тело. Она стиснула зубы и хотела закричать, но вместо этого безумно засмеялась, высвобождая свою боль. Народ задрожал. Кто-то падал в обморок. Другие прикрывали лица и отворачивались. Третьи вообще поспешили уйти. Космея умела делать шоу. Умела быть

запоминающейся. В жемчужных глаза Киры вновь сверкал огонь. Она наблюдала, как пламя снова забирает дорого ей человека и возвращалась к своим давним страхам. Космея замерла. Её голос затих. Огонь отобрал у неё последний запал. Её прекрасное тело превратилось в пепел, который кружил вокруг, словно снег. На площади ещё долго витал тёплый аромат хлеба.

Во всенародный праздник, – день рождения принцессы, произошло ужасное убийство. Был зверски убит сын принца и внук его величества короля Гретани. Этот случай весьма интересно совпал с убийством графа Вентора. Король был вне себя от ярости. Он приказал мне отыскать убийцу, даровал мне особые полномочия и заявил, что я отвечаю за это головой. Расследование началось незамедлительно. Были подключены все высшие органы власти: рыцарский стол, святой орден, королевская гвардия и стража Л'э Сакрэ. Мы обошли каждой дом в районе произошедшего, но так и не нашли ни одного свидетеля. На месте убийства был найден платок с гравировкой: «Ленн». Нам быстро удалось определить, что он принадлежит семье из Тренны, а вскоре мы и вовсе получили информацию о некой Кире Ленн, которую часто видели на востоке страны. Я тут же приказал объявить её в розыск. Король лично установил за её голову рекордную для Гретани сумму в пять тысяч крон. Ко мне пристал командир рыцарей Лоуренс Лерен. Он заявил мне, что отыщет

Киру Ленн, и был убеждён в её тесной связи с Космеей Плятер – эверленской поджигательницей. Я дал ему добро на поиски. Ему уже не раз удавалось наступать ей на пятки. Он добавил мне почву для размышлений. О связи Плятер и Ленн. Я мало что знаю о первой. Я продолжил думать о Ленн. Что побудило её убивать? Мечь, неизвестная цель, может кто-то заставил её или она просто желает утолить жажду крови? Стоит об этом поразмыслить.

Лерену всё же удалось поймать Плятер. Сегодня я встретился с ней в её камере. Я пожелал действовать неспешно, поэтому, благодаря своим связям, получил доступ к тюрьме поздним вечером. Они жестоко били её. Думаю, что после такого мало кому удаётся прийти в себя и уж тем более обрести силы для дальнейшей жизни. Я не увидел беспощадной убийцы, я увидел только испуганную девушку, желающую начать сначала. Я спросил её о Ленн. Она явно дорога ей. В её глазах пылает жизнь каждый раз, когда она слышит её имя. Нам было тяжело говорить из-за гнетущей обстановки, поэтому я вспомнил свои давние уроки психологии и передал ей бумагу с чернилами, и попросил написать всё, что придёт ей в голову. Думаю, это поможет мне понять сущность и внутреннее состояние этих преступниц. Она передала мне расписанную бумагу. Они предназначались не мне, но всё же заставили моё сердце биться чаще. Теперь я уверен, что прикоснулся к её душе.

– Из дневника Альвина Лора – начальника королевской

Я умру молодой, никогда не увижу твоих седых волос. Я смотрю сквозь свои тощие пальцы. Их едва видно в темноте, и лишь лунный свет просвечивает сквозь них. Они такие уродливые. Рассыпаются и гниют, словно у чудовища. Кира нашла в этом что-то прекрасное. Полюбила меня такой, какая я есть. Дурочка. Как мне тебя не хватает. Больше всего я желаю обнять тебя вновь. Увидеть волосы, что лунный блеск – единственный свет в затхлой камере. Почувствовать твой запах... скучаю по нему... скучаю по запаху хлеба. Это ж не чудо! Ступай, дорогая, и никогда не смей прогибаться перед кем-либо и твоё имя буду бояться даже короли. Ступай и не останавливайся! Если ты не будешь двигаться, то свет твоих деяний потускнеет, твоё имя забудут, твои свершения померкнут. Никогда не сдавайся, никогда не забывай своей цели, никогда не сворачивай с намеченного пути, и только тогда ты добьёшься всего!

– Из записей Космеи Плятер

Глава 9

Один за всех

Алланарская армия готовилась дать отпор, надвигающимся силам Гретани. Они сформировали баррикады, ловушки и были готовы к любому нападению. В руках генерала Эдвина фаль Дреанна имелся проработанный план ведения боя, поэтому он был уверен в своих силах. Гретанское войско находилось в часе пути от места битвы, которое выбрал генерал. Одним из предводителей гретанских рыцарей являлся Лоуренс Лерен, что вёл свою отряд в авангарде. Хайко Ланд вёл бригаду Аэнли с севера и уже наблюдал за сформированными отрядами алланарцев. Кира следовала за гретанцами, стараясь не попадаться на глаза, поэтому держала дистанцию и знала, что войско приведёт её к цели.

Гретанская армия приближались к передовой. Оранжевые знамёна с семиконечным цветком завиднелись на горизонте. Алланы вскопали длинные окопы прямо напротив надвигающегося врага. По краям их окружал густой лес, забитый капканами, ловушками и лучниками, сидящими на деревьях, поэтому гретанцам не оставалось ничего, кроме как наступать прямо в лоб. В окопах сидели солдаты с длинными пиками. Сразу за ними лучники с огненными чашами. Основ-

ная армия, во главе с фаль Дреанном, расположилась за окопом, наблюдая за всем с расстояния.

Хайко находился со стороны северного леса. Он внимательно следил за генералом, который гарцевал на своём коне, о чём-то размышляя. На его поясе висел короткий серебряный клинок, что особенно выделялся, ибо совершенно не гармонировал с его тяжёлым снаряжением.

– Ты знаешь его? – спросил один из Аэнли.

– Да, кое-что о нём знаю, – ответила Хайко. – Видишь этот блестящий шрам на его лице? Он смазывает шрам специальной мазью, которую ему намешал алланарский лекарь. Я слышал, что не реже, чем каждый час. Вот его лицо и сверкает под каждым лучом света.

– По виду – не особо помогает, – прищурился Аэнли.

– Кто знает. Может, снимает боль.

– Какой у тебя план?

– Сначала ждём, потом я отыщу своих людей и поговорю с ними.

– Вряд ли они станут тебя слушать в разгар боя.

– Они выслушают меня. Я верю, что выслушают.

– А что в конце?

– Это зависит от исхода битвы. Я дам вам знать. Вы готовы к битве?

– Аэнли всегда готовы к битве.

Гретанская армия остановилась.

– Прочешите лес! – приказал один из командующих.

Конный отряд выдвинулся незамедлительно, но стоило им забежать меж деревьев, как они, один за другим, начали попадать в капканы и натянутые верёвки, которые активировали заточенные колья. Лошадям отрывало копыта. Всадники падали на землю, и также попадали в острые лапы. Тех, кому удалось избежать ловушек, расстреливали алланарские лучники, что прятались на ветвях.

– Мы не пройдем через окоп. Они примут нас, – размышлял Лерен. – Единственный путь – это обойти окоп. Фаль Дреанн всё предусмотрел.

– Какой план, командир? – спросил Зигфрид.

– Держитесь рядом с основной армией и не лезьте на рожон.

Лерен продвинулся вперед и взглянул на своих людей, подняв над собой меч.

– Полгода мы ждали этого момента! – обратился он к рыцарям. – И после всех бед и несчастий! Всей той жестокости и крови! Мы, наконец, выгоним непрошенных гостей обратно, к их грязному побережью!

– Да-а! – воодушевились солдаты.

– Вперед! К бою!

Командующие выдвинулись навстречу алланам, засевшим в окопе. В гретанских рядах зачесался юноша лет восемнадцати. За плотным шлемом не было видно его напуганных глаз, дрожащих губ и накатывающих слёз. Его жеребец чувствовал и перенимал нервозность хозяина, поэто-

му ёрзал и качал головой, дёргая поводья. Юноша обнажил меч, крепко сжав рукоятку. Кони ускорились. Дикий топот копыт разносился по всей местности. Алланарские лучники прицелились, предварительно подпалив наконечники стрел. Огненный залп вылетел в сторону надвигающейся конницы, затмив собой небо. Стрелы поразили часть войска. Всадники выпали из своих сёдел и быстро были затоптаны стремительным табуном. Поражённые лошади, несущиеся бешеным галопом, разбивались о землю. Хаос и суматоха быстро охватили всё вокруг. Испуганный юноша продолжал подгонять коня вперёд. Стрелы затмили небо, и, казалось, летят прямо на него, но каждый раз миновали. Стрелы поражали его товарищей. Он слышал их хриплый стон боли. Слышал ржание лошадей и суровые крики командиров. Залпы повторялись один за другим, но основная конница приближалась к окопу. Алланы выставили длинные пики. Всадники не остановились и на полной скорости столкнулись с защищённым окопом. Кони заржали от боли ещё яростнее. Конница разбивалась об острые наконечники, не в состоянии пробиться дальше. Они спотыкались о трупы собственных товарищей, которые нагромождались у основания. Лерен поднял кулак и указал влево, приказав своим людям скакать вдоль окопа. Рыцари резко сменили направление. Они отстреливали пикинёров из арбалета, пролетая мимо их рядов. Юноша заметил рыцарей, что резко развернули лошадей, и попытался следовать за ними, но дрожащей руке не хватило сил перена-

править поводья. Его конь нёсся напрямиком на торчащие пики. Он не остановился и напоролся на алланских защитников, а юноша успел спрыгнуть с седла, упав на трупы своих товарищей. Он увидел перед собой бледное застывшее лицо. По щеке стекала кровь. Пустой взгляд устремлён на серое небо. На грязных волосах детская заколка с розовым цветком – подарок на удачу. Юноша поднялся и прыгнул в окоп. Алланы бросились на него с пиками и мечами. Он захотелось отойти назад, но столкнулся с ещё одним врагом, который уже дрался с гретанским солдатом.

– Пригнись! – предупредил товарищ.

Юноша упал на землю. Гретанский воин взмахнул мечом и перерезал аллану горло. Второго оттолкнул, и тот напоролся на одну из торчащих пик. Позади гретанца подбежал ещё один. Юноша вдруг подпрыгнул и занёс меч вперёд, вонзив его аллану в живот. Гретанский солдат кивнул в знак благодарности и помог юноше подняться.

– Не зевай! Битва в самом разгаре! – поучал он.

– Мне... мне страшно. Я впервые убил человека. У-у меня руки в крови, – залился слезами юноша.

– Это война, брат! Будь сильным. Помни, что бьёшься ради блага своих родных.

Юноша кивнул и собрался с мыслями, хоть и с трудом сдерживал скопившиеся эмоции. Весь окоп был усеян трупами и залит кровью. Через тела приходилось перешагивать и игнорировать ещё живых товарищей, что мучались в пред-

смертной агонии.

Гретанцы постепенно отталкивали алланов и занимали окоп. Фаль Дреанн кивнул одному из своих подчинённых, тем самым отдав приказ. Алланарская конница выдвинулась по разные стороны, минуя центральный окоп в обход. Они устремились гретанцам во фланги, которые всё ещё безуспешно пытались пробиться в центре. Лерен вывел своих рыцарей на левый фланг и встретился с аланскими всадниками.

– Не дайте им пройти! В бой! – воскликнул он.

Рыцари и алланы столкнулись. Командующий Гретани заметил открытые фланги и отдал приказ отбить атаку, отправив часть солдат направо, но это не помогло. Алланарские всадники ударили в тыл. Гретанские воины рассыпались один за другим, не в состоянии сдерживать натиск со спины. Лерен удерживал правый фланг, поэтому у Гретани появился шанс отбить слабое место. Командующие направили основные силы вправо.

Хайко заметил знакомые лица среди алланских всадников, что сражались с рыцарями Лерена. Он седлал коня и устремился вперёд. Аэнли последовали за ним. Неожиданная атака из леса обескуражила фаль Дреанна. Он был уверен, что лес защищён, и гретанцы никак не могли пройти его. Он приказал очередному отряду идти на подмогу, на левый фланг.

– Остановите их! – приказал Хайко.

Аэнли повиновались приказу своего лидера и атаковали

алланарскую поддержку. Их мечи сверкали, как отполированная сталь. Их твёрдая рука мастерки, без колебаний, рубила одного врага за другим, словно они играли в шахматы, хладнокровно убирая фигуры с доски. Один из Аэнли наклонился вперёд, уклонившись от, промелькнувшего над головой, лезвия. Располосовал живот всаднику, выпустив внутренние органы наружу. Ловко перекинул меч из одной руки в другую и отрубил голову врагу слева. Они строго держали порядок, прикрывая спины друг друга и добивая врагов, которых не успел убить товарищ спереди.

Хайко ворвался в самое пекло боя. По внешнему виду его принимали скорее за аллана, нежели за гретанского рыцаря, однако, ему приходилось уклоняться от атак обеих сторон. Он был совершенно безоружным, чем вызывал у многих солдат изумление. Хайко выскочил, словно из ниоткуда. Алланарский воин набросился на него, не заметив несущегося всадника. Конь заржал и вместе с Хайко упал на землю. Он успел отпрыгнуть, перекатился и попытался встать на ноги, но из-за творящейся суматохи, снова был сбит с ног. Гретанский рыцарь скакал прямо на него. Тело сжалось. Неудержимые копыта в металлических доспехах пронеслись перед глазами, как вдруг гретанский конь внезапно сменил направление. Пыль и грязь полетели в лицо Хайко, заставив его прикрыться руками. Тело всадника, с тяжёлым грохотом, рухнуло перед ним. На доспехе брызги тёплой крови. Шея пробита стрелой. Кира спрятала лук и протянула Хайко руку.

– Поднимайся, – обратилась она.

– Кира! – радостно воскликнул он.

– Не произноси моё имя здесь, если ещё хочешь видеть меня живой.

Хайко улыбнулся и поднялся на ноги.

– Я видел своих людей. Они в рядах алланарцев, как я и предполагал. Я отыщу их.

– И что дальше?

– Попрошу прощения. Если я потерплю неудачу, заверши своё дело без меня.

– Никогда не сомневайся.

Хайко кивнул, седлал гретанского коня и устремился в центр разгоревшейся битвы.

– Братья! – воскликнул он, подняв руку.

Несколько алланов остановились, приглядевшись к чудаковатому парню. Его взгляд пылал. Гретанский жеребец непослушно брыкался, но он всё равно крепко удерживал поводья, словно не замечая его недовольства.

– Чёрт, возьми. Это же Хайко, – узнал его один из всадников.

– Хайко? Хайко Ланд?! – изумился второй.

Командующие алланарскими отрядами обратили внимание на замедление некоторых воинов.

– Хули вы встали?! – грозно закричал он. – Быстро в атаку!

– Я оставил вас! – продолжил Хайко, несмотря на шуми-

ху. – Я предал вас! Я поддался своему страху, чем заставил усомниться в силе нашего дома! Я потерял всех, кто был мне дорог, но я верю, что никто больше не почувствует этой слабости. Мы построим новый дом! Без ненависти и войн, без крови и насилия, без страха за жизни наших близких! Я лишь прошу у вас прощения, братья!

Один из воинов заразительно улыбнулся. Всадники наблюдали за наивным старым товарищем с искренней теплотой, совершенно позабыв о битве.

– Мы прощаем тебя, господин Ланд! – выкрикнул один из них.

– За Юллианн Агнесс!

В алланарских рядах начался раскол. Товарищи Хайко отказались биться дальше, игнорируя приказы командиров. Гретанские рыцари продолжили наступление. Из-за разбившегося строя алланы уступали. Хайко попытался вывести членов своего клана обратно в лесную чащу.

– Аэнли назад! – приказал он.

Бригада Аэнли развернула лошадей и единым строем устремилась назад.

Кира заметила генерала и направилась к нему, минуя, занятых войной, солдат. Один из гретанских воинов отвлёкся на знакомый силуэт, что промелькнул перед ним. Эти светлые волосы, что торчали из-под капюшона, тяжело было не заметить. Эти горящие зелёные глаза, что словно факелы сияли даже в середине дня, пугали свое выразительностью.

– Это что... Кира Ленн?! – воскликнул он.

Солдаты Гретани и воины Алланарии, с неудержимым любопытством, обернулись.

– Кира Ленн! – вскрикнул другой.

Её имя пронеслось по полю битвы, словно ярмарочный фейерверк. Фаль Дреанн заметил пекаршу, и машинально схватился за короткий клинок её отца. Лерен загорелся её присутствием.

– Это, и правда, она! – воскликнул он и устремился за ней.

Его конь ловко перепрыгнул через окоп, над головами, занятых боем, алланов. Миновал левый фланг, где гретанские рыцари пробили алланарские ряды. Лерен замахнулся мечом, целясь прямо в спину «выжившей из Тренны».

– Кира! Сзади! – предупредил её Хайко.

Она обернулась, заметив несущегося рыцаря. Кира отпрыгнула в сторону в последний момент. Лерен развернул коня и вновь атаковал. Ленн выставила меч, отпрыгнула на шаг влево и располосовала бедро лошади остриём. Конь потерял равновесие. Задние копыта перестали слушаться и свесились, словно тряпки. Кровь била ручьём из его артерии. Судороги захватили всё тело. Лерен не стал смотреть на мучения своего любимца и вогнал меч ему в шею.

– Не мучайся, – прошептал он.

Рыцарь переключился на Киру, взмахнул мечом и бросился в атаку. Он бился решительно, не давал продохнуть, наносил тяжёлые и прямые удары. Пекарша парировала, отра-

зила, отступая от сильных выпадов. Она атаковала в ответ, но ей не хватало сил и ловкости пробить металлические доспехи и широкий меч гретанца. Лоуренс вновь нанёс удар. Остриё устремилось прямо в шею. Кира выставила перед собой меч, и остриё рыцаря ударила прямо в дол. Искры вылетели с лезвия. Ленн пошатнулась и попятилась назад. Заметив, что Лерен снова наступает, она отступила, отбежав от рыцаря на расстояние.

Фаль Дреанн направил на левый фланг очередной отряд. Тридцатка всадников размахивали пращами с горящими снарядами. Они метнули их в гретанских рыцарей. Огненный дождь повалился с на их головы. Жгучие осколки дымили на металлических доспехах, жгли лицо и глаза, вызвали тошноту от едкого пламени. Землю, усеянную трупами, быстро охватило яростное, голодное пламя, поднимая в небо чёрный столп дыма.

Лерен, минуя почернелые трупы, поспешил за преступницей. Кира натянула рубашку на нос, дабы не вдыхать отравляющий дым, и прикрыла глаза ладонью, осматриваясь сквозь пальцы. Она заметила алланского всадника, который бежал прямо на Лерена, а он не замечал его из-за, стоящего вокруг, шума.

– Сзади! – выкрикнула Кира, но рыцарь не обернулся.

Аллан вонзил меч в спину Лоуренса. Лезвие пробило доспех и тело насквозь. Остриё торчало из его груди. Лерен замер. Густая кровь хлынула из его рта. Последнее, что он

видел, – это испуганный взгляд выжившей из Тренны. Тяжёлый доспех приковал его к земле. Кира услышала надвигающийся свист. Со спины на неё напал один из рыцарей. Она увернулась, но тут же споткнулась о труп, упав на груды изувеченных тел.

– Ты убийца! – закричал рыцарь, переступая через горящую плоть. В руках он держал окровавленный меч, а на груди нашивка с надписью в готическом стиле: «*Siegfried*». – Мой командир долго тебя искал. Много думал о тебе. Знал бы он, что ещё и погибнет по твоей вине! Он хотел доставить тебя в столицу для божьего суда, но я не буду таким праведным. Я покончу с тобой прямо здесь!

Зигфрид занёс меч для удара. Кира пнула, лежащий перед собой, труп, который перекатился и оттолкнул рыцаря назад. Этой секунды ей хватило, чтобы вскочить на ноги и взяться за меч. В нескольких шагах от них продолжалась битва. Алланы отступали, но упорно старались забрать каждую жизнь, до которой могли дотянуться. Зигфрид отбил атаку одного из них, и вновь направился на Киру. Она парировала, занесла меч и ловко полоснула рыцаря по животу, но крепкий доспех спас его от прямого удара, из-за чего лезвие соскользнуло вниз. Огонь продолжал распространяться. В эпицентре, сквозь раздражённые, прикрытые глаза, всё вокруг казалось алым, словно поздний морской закат. Ленн отступала от постоянных нападков рыцаря. Прогредел взрыв. Куски плоти разлетелись по полю, окрасив, и без того алую мест-

ность, в кровавый оттенок. Взрывная волна сбила Зигфрида с ног. Голова кружилась, глаза ныли от боли, но он из последних сил поднялся на ноги, рассматривая чудовищную обстановку. Кира стояла неподалёку, но для него это казалось непреодолимым расстоянием. Он заметил позади неё молодого юношу. Он шатался. С его лица лился алый пот. Меч направлен в землю. Уставший и испуганный.

– Убей её! – приказал ему Зигфрид.

Юноша поднял глаза, услышав приказ рыцаря, и нанёс удар сзади. Остриё понеслось прямо в спину пекарши. Кира стиснула зубы, краем глаза заметив решительного парня. Сердце ушло в пятки. Пальцы дрогнули. Колени задрожали. Она схватила молодого солдата за руку в последний момент и зажала под локтем. Сквозь дым, огонь и несущийся пепел, рыцарь видел лишь их размытые силуэты и окровавленное лезвие, что торчало из живота преступницы. Он начал задыхаться, и, не в состоянии больше находиться в слепящем дыму, седлал коня и направился к основным силам гретанской армии. Юноша замер. Его рука дрожала, и сама отпустила меч с вялых пальцев.

– П-пожалуйста, – замолил он. – Не убивай меня. Я хочу жить.

– И я хочу жить, но ты мою жизнь чуть не отобрал, – гневно ответила Кира.

– Прости меня. Я-я не знаю, что здесь делаю. Это место не для меня... Я так боюсь.

Кира ударила его затылком в лицо, и парень упал на землю, потеряв всякое самообладание. Она держала над ним меч, с трудом держась на ногах и вдыхая едкий воздух. Сердце бешено колотилось. Невыносимая боль во всём теле срывалась. Ей хотелось закончить начатое.

– Смерть... Нет в это мире ничего хуже смерти. Запомни это и никогда не забывай.

Она спрятала меч и поспешила выйти из огненного участка. Она глубоко вздохнула, едва выйдя на чистую местность.

– Кира! Фаль Дреанн! – указал Хайко на генерала.

Кира обернулась. Генерал убежал с поля битвы. Гретанские солдаты пробили окоп и отбили правый фланг. Рыцари ударили с левого фланга и полностью разбили основные ряды алланов. Гретанцы свободно перемещались по полю битвы, радостно и беспощадно прогоняя алланов со своей земли. Они добивали раненных и убивали тех, кто не успел убежать. Стрелы летели над головой. Генерал вилял из стороны в сторону, маневрируя и уворачиваясь от стрел, но одна из них всё же настигла его, попав в ногу. Эдвин сгорбился от резкой боли, но не остановил коня, как можно быстрее убравшись в лес. Он скрылся между густых деревьев.

Пекарша седлала, первого попавшегося, коня, и последовала за фаль Дреанном. Хайко собрал бригаду Аэнли и членов клана и поспешил следом за ней.

Тёплый день. Весенний. Всё залито кровью, потом и сле-

зами. Король доволен славной победой королевства. Я сопоставил данные командующих со своими и предоставил отчёт:

Армия Гретани из ~2000 воинов против групп Алланарии из ~3000 воинов. Количество павших в рядах Гретани ~780 человек. Количество павших в рядах Алланарии ~2100 человек.

Из последнего отряда гретанских рыцарей выжил некий Зигфрид (фамилия неизвестна) – новый командор рыцарства, который занял место павшего Лоуренса Лерена. Король приказал наградить Лоуренса Лерена высшим орденом Гретани за доблесть, честь и верную службу короне – посмертно.

Алланарский генерал Эдвин фаль Дреанн после поражения бежал в леса. Объявлен в розыск.

На поле битвы замечены, именитая на западе, бригада Аэнли из ~20 человек. А также, считавшийся ранее расформированным, клан Юллианн Агнесс из ~50 человек. Они существуют и по сей день в лидерстве некого Хайко Ланда – приёмного сына убитой Алеты Ланд и супруга убитой Карины Ланд. А также, известная преступница Кира Ленн фаль Тренна – убийца принца гретанского. По словам Зигфрида, – убита Лоуренсом Лереном. Тело подверглось огню в ходе битвы, из-за чего останки невозможно распознать.

– Клиинн Шапир, гретанский писец

Глава 10

Запах хлеба

Кира скакала по лесу без оглядки. Она продвигалась по следам копыт, которые затем сменились тяжёлыми шагами, что спотыкались и путались. В грязи лежала лошадь, угодившая в капкан. Оторванное копыто осталось между острых дуг, а конь истекал кровью и дёргался в предсмертной агонии. Пекарша спешила, уверенно продвигаясь дальше. На земле были хаотично разбросаны части доспехов и снаряжение: панцирь у высокого дуба, кожаные перчатки в траве, открытая колба с густой мазью в луже и окровавленный наголенник у пенька. Эдвин лежал неподалёку, оперевшись о ствол дерева. Он потянул за стрелу, что торчала у него из ноги, и вытащил её, вырвав часть плоти. Он мотал головой и бубнил что-то невнятное себе под нос, но стоило ему услышать шаги, как он испуганно осмотрелся. Сквозь слабость и туман, он разглядел зелёные глаза. Жестокие. Жадные. Генерал сразу узнал целеустремлённую пекаршу и улыбнулся.

– Скажу тебе честно, фаль Тренна, – сказал он. – Я восхищаюсь тобой. Такое стремление, такой натиск, мне не доводилось видеть за всю тридцатилетнюю карьеру.

Он вытащил из-за пояса серебристый клинок и внима-

тельно взглянул на своё отражение в отражении.

– Изящное оружие, – продолжил фаль Дреанн. – Прекрасное... Оно твоё.

Эдвин бросил клинок к ногам пекарши. Кира подняла оружие, не отводя от генерала ненавистный взгляд.

– Я так ждала этого момента. Он снился мне каждый день. Я мечтала о том, как пробью этим клинком твоё гнилое сердце. За смерть моих родителей! За то, что отобрал у меня всё, что мне дорого! Сначала я сдеру с тебя кожу, а потом сожгу заживо, чтобы ты страдал. Страдал, как она страдала.

Эдвин кивнул, прикрыв глаза и смирившись со смертью. Он встречал её достойно и хладнокровно, словно уже давно ждал. К Кире подошёл Хайко. Медленно и тихо. Позади него стояли множество людей. Бригада Аэнли и члены клана.

– Кира, – обратился Хайко. – Он всё потерял. У него ничего больше нет. Он никогда больше не восстановит свою армию. Остаток своих дней он проведёт, скитаясь по грязным улицам и собирая подачки. Хромой бродяга без близких.

– Он вернётся в свою вонючую Алланарию и заживёт, как ни в чём небывало!

– Алланары не терпят униженных воинов. Если он вернётся, его повесят на площади как трусливого изменника. Хватит с тебя крови, Кира, ты её достаточно повидала.

Эдвин грозно нахмурился. Он сурово глядел на пекаршу. Его скулы сводило от злости и унижения, а приподнятая голова дрожала, как осенние кроны в ураган.

– Твой отец! – захрипел он. – Пекарь. Он храбро бился. Положил много моих воинов прежде, чем ему раскроили череп. Защищал эту тощую бабу. Если бы он отступил, она бы так не страдала!

Кира стиснула зубы и крепко сжала рукоятку клинка, накинувшись на обречённого генерала. Она приставила лезвие к его горлу. Маленькая струя крови покатилась по шее. Рука дрожала. Пальцы онемели.

– Убей меня, Кира фаль Тренна! Убей, или я вновь вернусь и заберу у тебя всё!

– Не надо, Кира! – вставил Хайко. – Ты же не убийца. Нет в этом мире ничего хуже, чем смерть. Ты её видела столько раз. Не уж то, ты хочешь увидеть её вновь?

Горькая слеза стекала по её щеке. Кира неуверенно опустила клинок.

– Я хочу видеть жизнь, – ответила она. – Хочу видеть солнце и зелёный лес. Хочу слышать смех и голоса родных. Хочу печь хлеб и чувствовать его запах. Я хочу вернуться в Тренну, в мой дом. И я буду ждать тебя там, фаль Дреанн. Если ты явишься ко мне и попросишь прощения, то я, так и быть, приглашу тебя за свой стол. Если же ты явишься ко мне с ненавистью, то я познакомлю со смертью тебя и всех, кого ты приведёшь.

Она спрятала клинок за пояс и взглянула на Хайко. Он улыбался. Столь искренне и добродушно, вызывая уверенность в завтрашнем дне.

– Лгунья! Трусливая лгунья! – закричал генерал. – Ты не сдержала своего обещания. Не отомстила за своих близких. Слабая и никчёмная. Ты всего лишь... пекарша.

– Да, я всего лишь пекарша.

Кира седлала коня. Хайко осмотрел своих людей. Они терпеливо ждали его приказов.

– Спасибо вам, воители Аэнли, – обратился он к бригаде. – Спасибо за вашу поддержку и доверие. Я знаю, что ваш путь – это война, но сожалению, он точно не мой.

– Мы сразу это поняли, Хайко, – ответил один из Аэнли. – Что война – это не твоя стихия.

– Но всё равно позволили мне занять место лидера?

– У тебя чистое сердце, Хайко Ланд. Не позволяй ему очерстветь.

– Буквально, Хайко. Следи за сердцем, если хочешь дожить до моих лет, – великодушно добавил врач Вин.

Бригада Аэнли развернули коней и покинули лес.

– Своим братьям я хочу дать выбор, – обратился Хайко к членам клана. – Вы свободные люди, вы вольны поступить так, как велит вам ваше сердце или отправиться со мной. Я хочу видеть вокруг себя мир и покой, а поэтому решил, что поселюсь в Тренне.

– Отправишься со мной? – удивлённо спросила Кира.

– Не будешь же ты жить там совсем одна.

Пекарша не сдержала улыбки.

– Мы отправимся за тобой, господин Ланд, – ответил ему

один из клана. – Куда бы ты нас не повёл, мы будем защищать память Юллианн Агнесс.

– Благодарю вас. В таком случае, в Тренну.

– В Тренну! – воскликнули собравшиеся.

Они держались дороги до Тренны несколько дней. Отголоски войны напоминали о себе останками тел, сгоревшими деревьями и, пропитанной кровью, землёй, но, несмотря на всё, люди возвращались в свои дома, отстраивали разрушенное и смотрели с надеждой в будущее. Близился закат и церковь Тренны на холме переливалась горящими лучами. Ветер уносил пепел вдаль. От сгоревших тел остались лишь тёмные следы, но и они чудовищно пугали. От живых некогда людей, остались размытые пятна. Член клана Юллианн Агнесс зарисовывал любительские рисунки на старом потёртом блокноте. Его взгляд упал на два повешенных и сожжённых тела, которые держались за руки. Их ноги рассыпались в прах, часть тела развалилась, но обгоревшие руки тянулись друг к другу, словно они ещё живые. Он набросал очередной набросок и поддался собственным рассуждениям:

– Эх, люди... Они бывают добры, бывают жестоки. Они создают, чтобы разрушить, и разрушают, чтобы создавать. Они ненавидят и любят. Убивают и дают новые жизни. Они изобретают границы и идеалы, слепо верят в них, чтобы найти новые причины для эмоций. Не знаю, чего добивался Бог, когда создавал нас, но воистину у него получилось величайшее творение.

Одинокий дом пекарей на вершине был единственным целым домом в Тренне. Над его крышей шумела зелёная весенняя листва.

– Нам предстоит много работы. Каждый дом придётся отстраивать заново, – высказался один из воинов.

– Да, придётся, – согласился Хайко.

Над крышей пекарского дома шумела липа. Такая же крапчатая и пушистая, как и раньше. Из-под неё веяло приятной прохладой, умиротворенностью и покоем.

– Я похороню вас под липой, – прошептала Кира.

Она отворила дверь своего дома. Темно и тихо. На полу засохшие следы масла и почерневшие следы. Она аккуратно открыла дверь на кухню. Послышался резкий щелчок. Механизм сработал и на пол упала подожжённая спичка. Она заискрилась и загорелась с обеих концов, и огонь медленно приблизился к центру, а затем соприкоснулся, создав маленькое подобие костра. Даже в таком незначительном зрелище, Космея умела создавать шоу. Но пламя, из-за пересохшего масла, не возгорелось.

Кира отложила отцовский клинок на стол. На печи, рядом с иголкой и нитками, лежал белый платок с вышитой подписью: «Ленн». Совершенно чистый, мягкий и источающий приятное тепло. На другой стороне платка Кира заметила недошитую подпись: «Кир». Она взяла иголку с ниткой и пошила недостающую букву. Затем, аккуратно повязала платок на голове, спрятав большую часть своих густых волос.

Кира глубоко вздохнула, наслаждаясь домашней тишиной и уютom. На её лице играла улыбка. В её доме пахло хлебом.

Жизнь я вижу в тишине.
Смерть – в пугающей шумихе.
Бог приведёт меня к судьбе:
Моё тело сгинет на костре.
Слышу всхлипы и несчастье.
Сердце плачет надо мной.
Не нужны мне ваши слёзы:
Моё тело стынет на морозе.
Чую в доме тёплый запах.
В место это я влюблюсь.
Остаться здесь я предпочту:
Моё тело канет в пустоту.

Послесловие

Автор: Роман Ротэрмель

E-mail: blaugross@pm.me

VK: vk.com/blaugross

Telegram: t.me/Blaugross

